

A. Nikol'skii
А. НИКОЛЬСКИЙ.

1

^x ЗЕМЛЯ, ОБЩИНА И ТРУДЪ. ^c

" " " "

Особенности крестьянскаго правопорядка, ихъ происхожденіе
и значеніе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., 13
1902

Printed in Russia (U.S.S.R.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
ГЛАВА I. «Земельное обезпеченіе» крестьянъ.— Его предѣльность и зависимость отъ состоянія земледѣльской культуры	1
ГЛАВА II. «Земельное обезпеченіе» не безусловно обезпечиваетъ благосостояніе, а безземельность не безусловно ведетъ къ нищетѣ.— Не всякій крестьянинъ — хорошій земледѣлецъ; для плохого же земледѣльца земля не кормилица. . . ?	8
ГЛАВА III. «Земля — благо народа».— Черезполосность при подворномъ и общинномъ землевладѣніи.— Черезполосное и колоніальное землевладѣніе въ губерніяхъ Царства Польскаго.— Земельный пролетаріатъ какъ слѣдствіе «земельнаго обезпеченія».— Крайняя затрудненность сельскохозяйственнаго прогресса при общинномъ землевладѣніи.— Трудность перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному и невозможность выдѣла изъ общины отдѣльныхъ крестьянъ.— Гдѣ земельная община на своемъ мѣстѣ?	16
ГЛАВА IV. Передѣлы и переверстки надѣльной земли.— Англійскіе арендаторы и наши общинники.— Потеря всѣхъ произведенныхъ по выкупу земли платежей при переселеніяхъ.— Безкредитность надѣльной земли.— Гминныя ссудосберегательныя кассы.— Отношенія крестьянъ къ «купчей» землѣ	32

- Глава V. «Свободный трудъ», возвыщенный историческимъ манифестомъ 19 февраля 1861 г.— Общинная неволя.— Связь общиннаго землевладѣнія съ ограниченіемъ личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ правъ въ крестьянскомъ быту.— Раздвоеніе общественнаго сознанія въ оцѣнкѣ личнаго начала по отношенію къ крестьянамъ 41
- Глава VI. Ограниченія личной свободы и семейной самостоятельности.— Семейные раздѣлы.— Законъ 18 марта 1886 г.— Положеніе «самовольно выдѣлившихся семей.— Условія полученія паспортовъ 53
- Глава VII. Отсутствие права личной собственности и ограниченіе права на заработокъ.— Лишеніе правъ личныхъ, семейныхъ и общественныхъ ослабляетъ трудовую энергію, предприимчивость и самую трудоспособность крестьянъ 62
- Глава VIII. Крѣпостная основа общиннаго быта.— Власть сельскаго міра — новаго владыки крестьянъ.— Общинныя начала въ области подворнаго землевладѣнія.— Жизнь внѣ положительнаго гражданскаго закона и невозможность законодательной нормировки гражданскихъ правоотношеній при общинномъ строѣ быта.— «Крестьянское право» и «обычное право». — «Мѣстные обычаи» вмѣсто положительнаго закона 69
- Глава IX. Условія гражданскаго оборота при замѣнѣ положительнаго закона мѣстными обычаями.— Невозможность органовъ охраняющихъ законность и правомѣрность въ гражданскомъ оборотѣ крестьянъ.— Волостной судъ и волостные судьи.— Контрабандное вторженіе въ волостную юстицію X тома ч. I св. зак.— Бесилие крестьянскихъ начальствъ противъ «обычнаго безправія» . . . 85
- Глава X. Условія кредита въ крестьянскомъ быту.— Совѣтъ «Сельскаго Вѣстника». — Отсутствие правопреемства по долговымъ обязательствамъ.— Охрана крестьянскаго надѣльнаго имущества дѣлаетъ послѣднее безкредитнымъ.— Трудоспособность, какъ основа кредита.— «Кабальные люди» стараго времени.— Кредитъ подъ отработки.— Трудоспособность и кредитоспособность — не одно и то же.— Условія взыскапія съ крестьянъ по частнымъ дол-

гамь.— Безкредитность крестьянъ дѣлаетъ ихъ жертвой ростовщичества	94
Глава XI. Крестьянство у насъ не сословіе, а особый міръ.— Такое положеніе создано въ пореформенное время.— Изъ переписки Ю. Ф. Самарина, А. Кошелева и кн. В. А. Черкаскаго.— Положеніе 19 февраля 1861 г. открывало крестьянамъ постепенный переходъ къ общему гражданскому правопорядку	109
Глава XII. Валуевская коммисія и ея заключеніе о положеніи крестьянъ послѣ реформы 19 февраля 1861 г.— Народническое направленіе въ литературѣ и въ жизни.— Его проявленія въ государственной дѣятельности по крестьянскому бытоустройству.—Тенденціи мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений.— Практика Правительствующаго Сената	125
Глава XIII. Моральная приниженность крестьянъ.— Неразвитость чувства законности.— Стадность, ослабляющая вліяніе церкви и школы.— Квѣтизмъ и пассивность какъ основныя черты въ характерѣ крестьянства.— Метаморфоза при переносѣ крестьянами своей дѣятельности въ условія общегражданскаго порядка.— Вторженіе въ деревню понятій культурной среды.— Послѣ 19 февраля 1861 г. одно крестьянство почти не двигается у насъ впередъ	136
Глава XIV. «Справедливость» общины въ распредѣленіи земли и повинностей.— Имущественное неравенство и эксплуатація слабѣйшихъ сильными.— Характеристика сельскаго міра.— Опекунское дѣло въ крестьянскомъ быту	149
Глава XV. Общинное и союзное начало.— Коренное различіе этихъ началъ.— Ложныя заключенія о будущности общины.— Союзное начало, какъ высшее проявленіе личной свободы, не имѣетъ для себя почвы въ общинномъ быту	158
Глава XVI. Послѣдствія обособленія крестьянскаго міра въ сферѣ правосовнанія.— Тревожные симптомы.— «Царство, раздѣлившееся въ себѣ»	165

Глава XVII. Трудности крестьянскаго вопроса.— Напрасные страхи.— Земельное устройство крестьянъ.— Удобства общиннаго землевладѣнія.— Перспектива всеобщаго обезземеленія крестьянъ.— Необходимость положить предѣлъ дробленію надѣловъ.— Недѣлимые участки.— Завѣты 19 февраля 1861 г.	172
Глава XVIII. Схема необходимыхъ и удобоосуществимыхъ мѣропріятій по крестьянскому дѣлу	188

Авторъ настоящей книги не имѣетъ претензіи сказать новое слово по столь старому вопросу, какъ крестьянскій; но онъ, тѣмъ не менѣе думаетъ, что въ этой книгѣ крестьянскій вопросъ освѣщенъ съ такой стороны, которая до сихъ поръ мало привлекала къ себѣ вниманія, а между тѣмъ, по глубокому убѣжденію автора, заслуживаетъ наибольшаго вниманія.

Эта сторона крестьянскаго вопроса—проникновеніе общинныхъ началъ во весь гражданскій строй крестьянскаго быта.

Общинное землевладѣніе, бывшее до реформы 19 февраля 1861 г. лишь установленіемъ чисто хозяйственнаго порядка, частью этой реформой, а въ особенности послѣдующими распоряженіями и узаконеніями принято за основу всей административно-право-

вой организаціи крестьянскаго быта, съ укрѣпленіемъ права собственности на отведенныя въ надѣль крестьянамъ земли за сельскимъ міромъ, который, вслѣдствіе того, *de jure* и *de facto* получилъ обширную власть не только по отношенію хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ крестьянъ, но и надъ личностью ихъ. Послѣдовательное развитіе этихъ началъ крестьянскаго бытоустройства въ пореформенное время постепенно привело къ тому, что теперь въ крестьянскомъ быту почти уже не осталось и слѣдовъ личной свободы и индивидуальной собственности, т.-е. тѣхъ правовыхъ установленій, на которыхъ зиждется весь гражданскій порядокъ въ остальномъ, некрестьянскомъ населеніи Россіи.

Вполнѣ, поэтому, естественно, что общіе гражданскіе законы страны, этотъ итогъ тысячелѣтней работы русскаго народа въ сферѣ правосознанія, не могутъ имѣть примѣненія къ гражданскимъ правоотношеніямъ, возникающимъ въ крестьянскомъ быту. Но всѣ общія судебныя и административныя учрежденія Имперіи въ отношеніи гражданскаго оборота населенія руководствуется общими гражданскими законами, а потому и дѣятель-

ность этихъ учрежденій лишь въ самой ограниченной мѣрѣ распространяется на гражданскій оборотъ крестьянскаго населенія, доколѣ послѣднее остается въ условіяхъ своего общиннаго правопорядка.

Такимъ образомъ этотъ своеобразный крестьянскій правопорядокъ, сложившійся на почвѣ общинныхъ началъ, совершенно обособляетъ крестьянское населеніе отъ остального, некрестьянскаго населенія, и устраняетъ его отъ участія въ гражданскомъ развитіи послѣдняго, отъ пользованія плодами всей исторической работы страны въ сферѣ правосознанія.

Къ чему можетъ привести такое обособленіе крестьянства, составляющаго огромное большинство населенія Россіи? Этотъ вопросъ почему-то не ставится, когда рѣчь касается крестьянскаго бытоустройства, а между тѣмъ онъ напрашивается самъ собой и, по мнѣнію автора, заслуживаетъ вниманія гораздо большаго, чѣмъ все остальное, о чемъ говорятъ и пишутъ по крестьянскому дѣлу. Авторъ отчасти раскрылъ тѣ перспективы, которыя сулитъ въ будущемъ окончательное обособленіе крестьянства. Разумъ, совѣсть и патриотическое чувство глубоко возмущаются при одной

мысли, что эти печальные перспективы когданибудь могут стать дѣйствительностью...

Между тѣмъ отнюдь не обособленіе крестьянъ было задачей и вдохновляющей мыслью великой реформы 19 февраля 1861 г. Не только знаменитый историческій манифестъ, призывавшій благословеніе Божіе на „свободный трудъ“, „крестьянъ-собственниковъ“, но и самыя крестьянскія положенія свидѣлствуютъ съ несомнѣнностью, что задачей и мыслью освободительной реформы было—создать свободный классъ земледѣльцевъ-собственниковъ, равноправныхъ гражданъ Земли Русской, и постепенно сблизить ихъ съ остальными, въ томъ числѣ и болѣе культурными, слоями населенія, посредствомъ общихъ законовъ и учреждений. Эти завѣты 19 февраля 1861 г. особенно важно вспомнить теперь, когда Высочайше повелѣно произвести пересмотръ крестьянскихъ узаконеній „на почвѣ основныхъ началъ положеній 19-го февраля 1861 г.“. Именно этотъ возвѣщенный возвратъ въ крестьянскомъ дѣлѣ къ основнымъ началамъ великой реформы и даетъ автору смѣлость думать, что его книга не

окажется излишней въ ряду другихъ литературныхъ работъ по крестьянскому дѣлу.

Въ заключеніе авторъ проситъ снисхожденія благосклонныхъ читателей къ недочетамъ настоящей книги. Въ ней собраны статьи, печатавшіяся въ разное время, а именно: рядъ статей, напечатанныхъ въ текущемъ году въ „Новомъ Времени“, подъ общимъ заглавіемъ: „Земля, община и X томъ“ и нѣкоторыя другія, и статья подъ заглавіемъ: „Личность въ общинномъ быту“, напечатанная въ „Русскомъ Экономическомъ Обзорѣніи“ въ 1898 г. (январьская книжка). Хотя всѣ эти статьи посвящены одному и тому же предмету, но они писались не по одному плану, вслѣдствіе чего, при составленіи изъ нихъ книги, авторъ не могъ избѣгнуть повтореній и нѣкоторой разбросанности матеріала, въ чемъ приноситъ повинную—съ надеждой, что „повинную голову не сѣкутъ“.

21 мая 1902 г.

I.

«Земельное обезпеченіе» крестьянъ. — Его предѣльность и зависимость отъ состоянія земледѣльческой культуры.

Мы по праву гордимся тѣмъ, что крестьяне у насъ получили волю съ землею. Принципъ «земельнаго обезпеченія» или такъ называемое «право на землю» — наше самобытное установленіе, тѣмъ болѣе достойное удивленія и уваженія, что оно выработано и проведено въ жизнь при ближайшемъ дѣятельномъ участіи земельнаго дворянства, которое до реформы 19-го февраля 1861 г. было полноправнымъ собственникомъ всей земли, поступившей въ надѣлъ освобожденнымъ крестьянамъ. Едва ли это не безпримѣрный фактъ въ исторіи, пусть оправдываемый условіями возникновенія у насъ крѣпостного права, но при всемъ томъ для дворянства, современнаго реформѣ, бывшій проявленіемъ высокаго самопожертвованія и великодушія.

Но, признавая всю огромную важность этого нашего самобытного установления, т.-е. осуществленного Положением 19-го февраля 1861 г. «права на землю», слѣдуетъ тѣмъ не менѣе дать себѣ ясный отчетъ о предѣлахъ практической примѣнимости этого права и о значеніи его среди другихъ условій экономической жизни крестьянства. Уже самый фактъ, что сорокалѣтнее пользование правомъ на землю не только не создало крестьянамъ благосостоянія, но даже не предотвратило оскудѣнія, убѣдительно доказываетъ, что «право на землю» далеко еще не все, что обеспечиваетъ населенію безбѣдное существованіе. Разсмотримъ вопросъ въ существѣ.

Какъ извѣстно, бывшіе крѣпостные крестьяне при введеніи Положенія 19 февраля получили въ надѣль 37,1 милліона десятинъ. Помѣщичьихъ крестьянъ было тогда 10.750,000 душъ мужского пола. Слѣдовательно, въ среднемъ, на каждую личную мужскую душу, отведенный надѣль составлялъ около $3\frac{1}{2}$ дес. По сравненію данныхъ переписи 1897 г. съ данными послѣдней ревизіи, произведенной въ 1851 г., оказывается, что за эти 46 лѣтъ населеніе увеличилось на 93%. Слѣдовательно, годовой приростъ населенія за этотъ періодъ времени опредѣляется въ общемъ среднемъ нѣсколько больше 2%. Принимая ту же про-

порцію прироста для всего послѣ-реформеннаго періода времени, т. е. съ 1861 по 1902 г., легко вычислить, что число душъ мужского пола у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ должно теперь достигать $19\frac{1}{2}$ мил. Если на это число душъ раздѣлить отведенное въ надѣль бывшимъ крѣпостнымъ количество земли (37,1 мил. дес.), то оказывается, что въ настоящее время средній душевой надѣль у бывшихъ крѣпостныхъ понизился уже до 1,9 десятинъ.

Конечно, эти высчисленія лишь приблизительныя и нуждаются въ нѣкоторыхъ поправкахъ, такъ какъ приростъ населенія распредѣляется неравномѣрно между городами и селами съ одной стороны и между разными группами сельскаго населенія съ другой. Города выросли въ значительной части за счетъ селъ. Засимъ, изъ селъ, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, шло переселеніе въ Сибирь и частью на Кавказъ и въ Среднюю Азію. Наконецъ, у болѣе зажиточной группы крестьянъ, у бывшихъ крестьянъ государственныхъ, которые получили вдвое большіе надѣлы (7 дес. на душу), приростъ населенія, безъ сомнѣнія, былъ значительнѣе. Кромѣ того, общая площадь земли у бывшихъ крѣпостныхъ нѣсколько увеличилась вслѣдствіе покупки земли изъ частнаго владѣнія при помощи

Крестьянского банка и другими средствами. Все это въ совокупности даетъ основаніе заключить, что средній душевой надѣлъ у бывшихъ крепостныхъ сократился нѣсколько меньше и составляетъ, вѣроятно, около двухъ десятинъ. Но сущность дѣла отъ того не мѣняется. Важно общее положеніе, которое сводится къ тому, что по мѣрѣ прироста населенія «земельное обезпеченіе» все сокращается и сокращается, т. е. все увеличивается такъ-называемое малоземелье.

Бороться съ этимъ явленіемъ на почвѣ того же принципа, т. е. «права на землю», значило бы только оттягивать, но не устранять конечный результатъ его примѣненія, который неизбежно сводится къ чрезвычайному дробленію земли до микроскопическихъ клочковъ, исключаящихъ возможность вести какое бы то ни было хозяйство. Поэтому всякія мѣры къ увеличенію крестьянскаго землевладѣнія путемъ переселеній на свободныя казенныя земли и усиленной покупки Крестьянскимъ банкомъ частновладѣльческихъ земель для продажи крестьянамъ, являются паліативами, лишь поддерживающими иллюзію «земельнаго обезпеченія». Можно согласиться, что такія мѣры даже на десятки лѣтъ замаскируютъ невозможность и несообразность нынѣшняго положенія вещей въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но

для чего?—Чтобы черезъ 25—30 лѣтъ стоять передъ тою же самой задачей, передъ которой мы остановились теперь въ виду явнаго оскудѣнія сельскаго населенія и крайне убыточныхъ для государства и разорительныхъ для народа и всей страны періодическихъ недородовъ и голододовокъ? Стоитъ ли тратить силы и средства на такую неблагодарную задачу!

Еще болѣе серьезныя сомнѣнія возбуждаетъ принципъ «земельнаго обезпеченія», если разумѣть его какъ право на такое количество земли, которое дѣйствительно обезпечивало бы земледѣльцу возможность существовать своимъ надѣломъ. Вопросъ о томъ, какое для этого требуется количество земли, разрѣшается весьма различно въ зависимости отъ множества причинъ. Напримеръ, при теперешнихъ порядкахъ и способахъ крестьянскаго земледѣлія, на основаніи подсчета необходимыхъ потребностей крестьянскаго домохозяйства (продовольствіе, повинности и подати, главнѣйшія хозяйственныя нужды) наши изслѣдователи (Янсонъ, Костычевъ и др.) считаютъ, что нужно не менѣе $4\frac{1}{2}$ —5 десятинъ на душу; а если исходить изъ рабочей силы средняго крестьянскаго двора, то нужно $7\frac{1}{2}$ —8 десятинъ на душу, чтобы сполна использовать эту рабочую силу. Очевидно, что примѣненіе такихъ нормъ «земель-

наго обезпеченія» на практикѣ совершенно не осуществимо уже по одному тому, что для этого въ Россіи и теперь едва ли хватило бы годныхъ для земледѣльческой культуры земель, считая всѣ земли какъ крестьянскія, такъ и не-крестьянскія.

Но съ другой стороны трудно не признать, что если бы съ своего нынѣшняго надѣла нашъ крестьянинъ получалъ урожай не самъ-3 — 4, а самъ-12, какъ получаетъ, на примѣръ, нѣмецкій земледѣлецъ на своихъ песчаныхъ поляхъ, то при томъ же количествѣ земли нашъ крестьянинъ былъ бы обезпеченъ втрое-вчетверо лучше. А нѣмецкій крестьянинъ еще умѣетъ переработать собранное зерно въ болѣе цѣнные продукты. Прибавьте, что нашъ чудный черноземъ по степени природной производительности не чета нѣмецкимъ пескамъ. Если бы на этомъ нашемъ черноземѣ хозяйничалъ по-своему нѣмецкій крестьянинъ, онъ навѣрное получилъ бы еще болѣе обильные урожаи, чѣмъ самъ-12.

Очевидно, въ такомъ случаѣ вопросъ о нормѣ «земельнаго обезпеченія» измѣнился бы у насъ кореннымъ образомъ. Спрашивается: почему же нынѣшній жалкій уровень нашего крестьянскаго хозяйства долженъ давать мѣрило нормальнаго земельного обезпеченія? Вѣдь ясно же какъ день что низкій уровень крестьянскаго хозяйства по

крайней мѣрѣ втрое увеличиваетъ малоземелье, съ которымъ мы такъ безуспѣшно боремся. Даже и при значительно большемъ размѣрѣ надѣловъ, какъ было въ первое время послѣ воли, наши крестьяне не пользовались благосостояніемъ, какъ это въ свое время засвидѣтельствовано извѣстной Валуевской комиссіей.

Очевидно, слѣдовательно, что такъ называемое «земельное обезпеченіе» само по себѣ еще далеко не все, что нужно для благосостоянія земледѣльческаго населенія. Необходимо еще другое условіе—энергія этого населенія, и болѣе высокая производительность его труда. Всесвѣтный опытъ доказываетъ, что человѣческая энергія и скалы обращаетъ въ цвѣтушіе сады; при отсутствіи же этой творческой силы и на тучномъ черноземѣ земледѣлецъ голодаетъ, какъ у насъ. Между тѣмъ въ заботахъ о «земельномъ обезпеченіи» крестьянъ мы поставили большинство послѣднихъ и весь ихъ бытъ въ такія условія, при которыхъ развитіе трудовой энергіи и увеличеніе производительности труда прямо немислимы, особенно на томъ пространствѣ Имперіи, гдѣ господствуетъ общинное землевладѣніе, которое убиваетъ всякіе стимулы для развитія такой энергіи хозяина-земледѣльца и связываетъ его по рукамъ и ногамъ.

II.

«Земельное обезпеченіе» не безусловно обезпечиваетъ благо-
состояніе, а безземельность не безусловно ведетъ къ ни-
щету.— Не всякій крестьянинъ—хорошій земледѣлецъ; для
плохого же земледѣльца земля не кормилица.

Въ защиту крестьянской поземельной общины
приводятъ главнымъ образомъ тотъ доводъ, что
община сохраняетъ крестьянамъ землю. Послѣ
отмѣны крѣпостного права и, какъ увѣряютъ за-
щитники общиннаго землевладѣнія, благодаря
общинѣ, у крестьянъ земли не только не убави-
лось, но даже порядочно прибавилось, тогда какъ
у дворянъ, живущихъ по X-му тому, земли много
убыло, а та земля, которая остается во владѣніи
дворянства, обременена ипотечнымъ долгомъ въ
размѣрѣ цѣлой трети ея стоимости, иными сло-
вами: изъ этой оставшейся въ рукахъ дворянъ
земли цѣлая треть фактически принадлежитъ
кредиторамъ, на которыхъ номинальные владѣль-
цы земли работаютъ въ качествѣ даровыхъ при-
казчиковъ.

Выводы отсюда такъ ясны, что ихъ и повторять нечего. Но послышки, на основаніи которыхъ дѣлаются эти выводы, далеко не въ такой степени ясны и достовѣрны, чтобы ихъ можно было принять безъ провѣрки и безъ оговорокъ.

Начать съ того, что общинное землевладѣніе, господствующее въ Великороссіи, не является преобладающей формой землевладѣнія, а частью и вовсе отсутствуетъ на весьма значительномъ пространствѣ Малороссіи (частью и Новороссіи), во всемъ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ, во всемъ Прибалтійскомъ краѣ и въ губерніяхъ Царства Польскаго, гдѣ земледѣліе составляетъ, какъ и въ Великороссіи, главный промыселъ населенія. Чтобы доказать, что только община сохраняетъ землю, надо доказать, что во всей этой обширной и весьма населенной части Россіи, гдѣ общины или нѣтъ, или она не является преобладающей формой землевладѣнія, количество земли у крестьянъ послѣ отмены крѣпостного права, такъ же какъ и у прежнихъ помѣщиковъ-дворянъ, убавилось. Только тогда указанная основная послышка защитниковъ общиннаго землевладѣнія была бы правдоподобна. Но доказать этого невозможно, потому что и въ этомъ обширномъ районѣ подворнаго землевладѣнія, или даже землевладѣнія по Магдебургскому праву и кодексу

Наполеона, количество крестьянской земли послѣ воли не уменьшилось, а увеличилось, и еще вопросъ, гдѣ оно пропорціально увеличилось больше: въ области общиннаго землевладѣнія или въ области необщиннаго землевладѣнія. Неподтвержденное ничѣмъ указаніе, будто Малороссія всего больше дала крестьянскаго пролетаріата послѣ воли, наглядно опровергается тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что по сосѣдству съ Малороссіей, въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ, на многочисленныхъ металлургическихъ заводахъ, какъ это удостовѣрено точной статистикой, преобладающій контингентъ рабочихъ—«общинники» центральной Россіи, въ особенности Тульской, Орловской, Рязанской и Тамбовской губерній. Гдѣ же наблюдается «многочисленный крестьянскій пролетаріатъ среди малороссовъ»?

Но затѣмъ и другая посылка г. Энгельгардта насчетъ X-го тома и частнаго землевладѣнія тоже нуждается въ обстоятельной провѣркѣ. По вычисленіямъ одного изъ горячихъ поклонниковъ общиннаго землевладѣнія¹⁾, «третье сословіе», т. е. все остальное населеніе, не крестьянское и не дворянское, но живущее, какъ и дворянство, по X-му тому, — послѣ воли увеличило свое зе-

¹⁾ Г. Н. Энгельгардтъ, «Новое Время», № 9291.

млевладѣніе въ шесть разъ. Не очевидно ли отсюда, что X-й томъ ч. I, т. е. общіе гражданскіе законы, ни мало не препятствуютъ увеличенію поземельной собственности въ рукахъ лицъ, имѣющихъ возможность покупать землю и не имѣющихъ нужды продавать ее? Такъ какъ «третье сословіе» состоятельное крестьянства, то хотя оно не пользовалось льготными ссудами, какія выдаются Крестьянскимъ банкомъ на покупку крестьянами земли, тѣмъ не менѣе послѣ воли приобрѣло земли по количеству десятинъ вдвое больше, чѣмъ крестьяне, пользующіеся содѣйствіемъ Крестьянскаго банка. По той же логикѣ, по которой община выставляется хранительницей земли, можно было бы съ большимъ правомъ сказать о X томѣ, что онъ способствуетъ умноженію землевладѣнія. Но мы думаемъ, что эта логика въ самой основѣ своей несостоятельна и вертится на условныхъ понятіяхъ, совершенно игнорируя дѣйствительность.

Дѣйствительность же въ отношеніи земли, какъ кормилицы, состоитъ въ томъ, что, согласно съ общими основами экономической жизни, она тяготеетъ къ тѣмъ рукамъ, которыя способны наилучше ее использовать. Тотъ фактъ, что изъ бывшихъ помѣщиковъ-дворянъ часть потеряли земли, самъ по себѣ ровно ничего не доказываетъ,

по крайней мѣрѣ не даетъ никакихъ указаній о томъ, улучшилось или ухудшилось экономическое положеніе этихъ бывшихъ помѣщиковъ съ потерей ими земли. Новыя условія экономической жизни, явившіяся у насъ послѣ отмѣны крѣпостного права, новыя многочисленныя поприща болѣе выгодной дѣятельности, чѣмъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ, вполне естественно отвлекли отъ этого послѣдняго значительное число людей, и притомъ безъ предварительнаго оскудвѣнія, а просто въ силу расчета на болѣе благодарную профессію или на болѣе видную карьеру. Утверждать, что всѣ эти бывшіе помѣщики пострадали матеріально, уходя съ земли, рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній. Достаточно оглянуться вокругъ себя, чтобы видѣть, сколько бывшихъ помѣщиковъ сдѣлали блестящія служебныя или дѣловыя карьеры и насколько лучше эти карьеры обеспечивали матеріальное благосостояніе имъ самимъ и ихъ семьямъ, чѣмъ тяжелое и неблагодарное занятіе сельскимъ хозяйствомъ. Съ другой стороны, точно также рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что уходъ съ земли этихъ бывшихъ помѣщиковъ принесъ кому-нибудь ущербъ или вредъ, а тѣмъ болѣе — народному хозяйству въ его цѣломъ. Земли этихъ бывшихъ помѣщиковъ перешли частью въ

руки крестьянъ, частью въ руки «третьяго сословія», разумѣя подъ этимъ терминомъ горожанъ разныхъ сословіи, какъ-то: чиновниковъ, безземельныхъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, разночинцевъ, а также лицъ духовнаго званія, сельскихъ торговцевъ и т. д., частью же дворянъ-помѣщиковъ, ибо если изъ послѣднихъ одни бросали земли, то другіе увеличивали и округляли свои земельныя имущества. Земля никуда не ушла; она осталась тамъ, гдѣ была, и въ томъ же количествѣ (потому, къ слову сказать, смѣшно и говорить объ обезземеленіи всего народа), но она перемѣнила владѣльцевъ и, надо полагать, съ пользою и для себя, и для своихъ новыхъ владѣльцевъ.

У крестьянъ такое передвиженіе земли изъ рукъ въ руки, конечно, невозможно. Но едва ли отсюда можно заключать, что каждый крестьянинъ, насильственно прикрѣпленный къ землѣ, чувствуетъ себя какъ рыба въ водѣ, и отъ рожденія тяготѣетъ только къ землѣ, видя въ ней единственный правильный и прибыльный источникъ существованія. Вопреки извѣстнымъ взглядамъ, которыми все крестьянство представляется съ одной и той же фізіономіей пахаря-земледѣльца, крестьяне, какъ и люди прочихъ состояній, въ своихъ отношеніяхъ къ землѣ далеко не похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды.

Одни дѣйствительно чувствуютъ себя на землѣ, какъ рыба въ водѣ, и такіе, при всякой формѣ землевладѣнія, будутъ лхнуть къ землѣ, крѣпко за нее держаться и стараться захватить ея по больше куплей, арендой, исполомъ и т. д. Для такихъ крестьянъ земля дѣйствительно кормилица, и если есть хоть малѣйшая возможность вести хозяйство, они будутъ его вести, если не всегда съ успѣхомъ, то всегда съ охотой и даже съ любовью. Но рядомъ съ такими крестьянами въ любой деревнѣ найдутся другіе, которыхъ вовсе не тянетъ къ землѣ, которые ея тяготятся и готовы во всякую минуту бѣжать съ нея, разъ только представится малѣйшая къ тому возможность. Фактъ общеизвѣстный, что наши города послѣ воли выросли главнымъ образомъ на счетъ прилива сельскаго крестьянскаго населенія. Въ городахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на фабрикахъ, заводахъ, въ услуженіи и т. д. эти земельные отщепенцы чувствуютъ себя, примѣрно, такъ же, какъ бывшіе помѣщики, бросившіе землю и устроившіеся на государственной службѣ, въ свободныхъ профессіяхъ и т. д. Какъ ни плохо порой приходится имъ въ положеніи вольныхъ пролетаріевъ, но отливъ крестьянства съ земли съ каждымъ годомъ растетъ и растетъ. Лучше ли было бы, если бы они оставались на землѣ?

Это — большой вопросъ. Предполагать, что каждый крестьянинъ непременно хорошій земледѣлецъ, поэтому долженъ сидѣть на землѣ, значить смотрѣть на крестьянство съ такой точки зрѣнія, которая отрицаетъ въ немъ по принципу наличность разнообразныхъ силъ и способностей, обусловливающихъ чрезвычайную сложность общественнаго организма и все разнообразіе общественной жизни и дѣятельности. Не подлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ ни малѣйшему сомнѣнію, что крестьянинъ, не чувствующій влеченія или склонности къ занятію земледѣліемъ, будетъ плохимъ хозяиномъ, и земля будетъ для него не кормилицей, а тяжелой тюрьмой или каторгой.

III.

«Земля—благо народа».—Черезполосность при подворномъ и общинномъ землевладѣніи—Черезполосное и колоніальное землевладѣніе въ губерніяхъ Царства Польскаго.—Земельный пролетаріатъ какъ слѣдствіе «земельнаго обезпеченія». — Крайняя затрудненность сельскохозяйственнаго прогресса при общинномъ землевладѣніи.—Трудность перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному и невозможность выдѣла изъ общины отдѣльныхъ крестьянъ.—
Гдѣ земельная община на своемъ мѣстѣ?

Есть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое обязательно указать, разъ дѣло идетъ о землѣ, какъ кормилицѣ. Все на свѣтѣ относительно, и способность земли кормить человека имѣетъ свои опредѣленныя, при данныхъ условіяхъ, границы, за которыми вмѣсто кормленія получается голоданіе. И если въ данномъ положеніи вещей земля даетъ голоданіе вмѣсто сытости, то утверждать, что земля все-таки остается благомъ для того, кто на ней голодаетъ, значитъ играть словами безъ всякой заботы объ ихъ содержаніи.

Въ отвѣтъ на красивыя фразы о томъ, что «земля — благо народа», наша дѣйствительность выставляетъ вотъ какіе факты, зарегистрированные статистикой: изъ всего земледѣльческаго крестьянскаго населенія 50 губерній Европейской Россіи 74%, т. е. почти три четверти, собираютъ хлѣба менѣе 22 пудовъ на душу, т. е. менѣе того количества, которое необходимо, чтобы кормиться и болѣе или менѣе кормить свой скоть; 16% собираютъ хлѣба отъ 22 до 27 пудовъ на душу, т. е. достаточно для удовлетворенія своихъ продовольственныхъ и хозяйственныхъ потребностей, и только 10% собираютъ болѣе 27 пудовъ на душу и имѣютъ избытокъ хлѣба для продажи ¹⁾. Итакъ, это «народное благо» — крестьянская земля — три четверти своихъ владѣльцевъ держитъ впроголодь и обязываетъ добывать что-нибудь на сторонѣ, чтобы не отощать въ конецъ отъ этой проголоди. Удивляться ли, что крестьяне массами бѣгутъ отъ этого «блага», куда только представится случай — въ городъ, на фабрику, въ степь, на переселеніе въ Сибирь и т. д.

¹⁾ «Вліяніе урожаяевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства». Сборникъ подъ редакціей А. И. Чупрова и А. С. Постникова. Т. I, стр. 86—92 (статья г. Мореса: «Производство и потребление хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ»).

Для прославленія общиннаго землевладѣнія и для посрамленія общегражданскаго правового порядка, съ торжествомъ указываютъ, что у крестьянъ Царства Польскаго съ кодексомъ Наполеона развивается «картофельное питаніе съ его послѣдствіями — острымъ рахитизмомъ», и что «здѣсь черезполосица неслыханная. Владѣнія земледѣльца вкраплены въ частновладѣльческіе лѣса и земли въ 60—70 клочкахъ и чрезвычайно туго поддаются размежеванію». Указанія эти болѣе тенденціозны, чѣмъ убѣдительно. Послѣдняя перепись, произведенная въ 1897 г., обнаружила приостановку прироста населенія не въ Царствѣ Польскомъ, а въ самомъ центрѣ черноземной Великороссіи. «Картофельное питаніе» съ острымъ рахитизмомъ едва ли умѣстно противопоставлять положенію въ общинѣ, при которомъ отъ дурнаго питанія дѣти мрутъ какъ мухи, а взрослое населеніе поражаетъ высотой процента физически негодныхъ лицъ призывнаго возраста, тогда какъ наши гвардейскіе полки пополняются частью съверянами, частью уроженцами губерній, въ томъ числѣ и польскихъ, не знающихъ общиннаго землевладѣнія.

Что же касается черезполосности съ кодексомъ Наполеона, то съ общиной эта черезполосица едва ли меньше! По свидѣтельству статисти-

ковъ на московскомъ агрономическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ началѣ 1901 г., дробленіе земель въ общинномъ владѣніи доходитъ до того, что напр. въ Тверской и Ярославской губерніяхъ на одно хозяйство приходится въ среднемъ 33—46 полосокъ въ разныхъ частяхъ поля, а мѣстами и 120 полосокъ. Ширина этихъ полосокъ доходитъ до $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$ и даже $\frac{1}{3}$ сажени, такъ что подъ межами пропадаетъ чуть не четвертая часть всей земли. Не обернуться съ лошадыю—таковы эти дѣлянки, а чтобы ихъ обработать, больше времени идетъ на переѣзды съ одного клочка на другой, чѣмъ на самую работу. Человѣкъ съѣтъ овесъ, а у него родится смѣсь ячменя съ овсомъ, потому что сосѣдь сѣялъ ячмень. Передъ такой картиной общиннаго порядка кодексъ Наполеона можетъ не конфузиться, тѣмъ болѣе, что онъ нисколько не препятствуетъ устраненію чрезполосности путемъ разверстанія крестьянскихъ участковъ, которое, несмотря на дороговизну размежеванія и переноса строеній, производится довольно успѣшно. Такъ, напр., обстоятельное изслѣдованіе крестьянскаго землевладѣнія въ Кѣлецкой губерніи, произведенное мѣстною казенною палатою въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, т. е. всего нѣсколько лѣтъ назадъ, обнаружило, что со времени указа 19 февраля

1864 г., положившаго основаніе современному устройству крестьянскаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ, 226 деревень въ этой губерніи разверстались по добровольному соглашенію крестьянъ между собою и что «за послѣднее время крестьяне стали яснѣе сознать преимущество колоніальнаго (т. е. разверстаннаго, безъ черезполосности) землевладѣнія и сильнѣе стремиться къ устраненію черезполосности»¹⁾. Но часть польскихъ крестьянъ, при самомъ введеніи реформы 19 февраля 1864 г., получила надѣлы въ разверстанномъ видѣ или такъ называемые колоніальные участки, такъ что въ общемъ не менѣе трети крестьянъ Кѣлецкой губ. (то же самое имѣетъ мѣсто и въ остальныхъ губерніяхъ Царства Польскаго) имѣютъ колоніальныя усадьбы, свободныя отъ черезполосности, а пространство земли, разверстанной на колоніи, достигаетъ 40% общаго пространства всей крестьянской земли²⁾. Слѣдовательно, выставлять черезполосность крестьянскаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ какъ аргументъ противъ общиннаго землевладѣ-

¹⁾ «Хозяйственное положеніе и платежныя средства крестьянъ губерній Царства Польскаго». Составилъ И. Орловъ, управляющій Кѣлецкою Казенною Палатою. 1898 г. Стр. 22.

²⁾ Ibid. стр. 12—14.

нія можно только по незнакомству съ дѣйстви-
тельнымъ положеніемъ вещей какъ въ губерніяхъ
Царства Польскаго, такъ и въ губерніяхъ съ пре-
обладаніемъ общиннаго землевладѣнія. Суще-
ственная особенность послѣдняго въ томъ имен-
но и состоитъ, что оно безусловно исключаетъ
возможность разверстанія крестьянскихъ надѣль-
ныхъ земель на отдѣльные хозяйственные участ-
ки и дѣлаетъ череполосицу неизбѣжной и не-
устранимой, доколѣ крестьяне не перейдутъ къ
общинной обработкѣ земли съ устраненіемъ дѣ-
лежа ея по душамъ или тягламъ.

Но если общинное землевладѣніе охраняетъ
крестьянскую землю въ такомъ видѣ, что ни по
количеству, ни по качеству эта земля не способ-
на быть кормилицей крестьянъ, и если это до-
стигается вдобавокъ насильственнымъ удержа-
ніемъ на землѣ людей, которые неспособны быть
хорошими земледѣльцами, а можетъ быть, по сво-
имъ способностямъ, были бы хорошими масте-
рами, торговцами, рабочими, то спрашивается,
гдѣ же тутъ «народное благо» и чѣмъ хуже X
томъ, который даетъ людямъ свободу выбирать
себѣ родъ занятій по силамъ и способностямъ,
жить тамъ, гдѣ кому нравится, и дѣлать то, что
кому выгоднѣй?

Бояться обезземеленія крестьянъ, и на этомъ

основаніи лишать ихъ права собственности на землю, за которую они платять выкупъ, и права свободно избирать родъ занятій,—это значитъ насильственно вести крестьянъ къ тому земельному пролетариату, который уже и теперь достигъ размѣровъ угрожающихъ и съ каждымъ годомъ растетъ въ видѣ умноженія числа безлошадныхъ дворовъ и дворовъ, сдающихъ свою землю за одну уплату повинностей и т. п., ибо вполне естественно, что если всѣ крестьяне, какъ способные, такъ и неспособные къ земледѣлію, насильственно прикрѣплены къ землѣ, то не только неспособные оказываются не въ состояніи кормиться отъ земли, но и способные съ каждымъ новымъ поколѣніемъ оказываются въ худшемъ положеніи вслѣдствіе уменьшенія причитающейся на ихъ долю надѣльной земли. Именно это-то насильственное закрѣпощеніе крестьянъ землѣ и служитъ главной причиной ихъ экономическаго безсилія. Слабые и нечувствующие склонности къ земледѣлію крестьяне тѣмъ не менѣе даже противъ своей воли занимаютъ бесполезную имъ землю, сокращая тѣмъ количество земли въ рукахъ сильнѣйшихъ и способнѣйшихъ земледѣльцевъ, безъ пользы для себя мѣшаютъ другимъ увеличивать свое благосостояніе.

Мечта обезпечить каждому крестьянину зе-

мельный надѣлъ приводитъ къ тому, что въ нашихъ деревняхъ все меньше и меньше становится зажиточныхъ крестьянскихъ дворовъ. Выдѣляются немногія единицы, но не тѣмъ, что больше доходовъ извлекаютъ изъ своей надѣльной земли, а оборотами иного рода, большею частью кулаческими, чему это экономическое безсиліе большинства крестьянъ какъ нельзя болѣе способствуетъ, ибо при этомъ безсиліи люди постоянно нуждаются, но по той же причинѣ лишены возможности пользоваться кредитомъ на правильныхъ основаніяхъ. Земля за ними числится, но она не можетъ служить обезпеченіемъ по ссудѣ, и человекъ закладываетъ самого себя, свой трудъ, свою свободу и даже ту же землю отдаетъ за грошъ въ пользованіе кулака, не имѣя права заложить ее въ ея дѣйствительной стоимости. Чего же стоитъ такое земельное обезпеченіе, которое ничего не обезпечиваетъ? Платить выкупъ за землю при такихъ условіяхъ для большинства крестьянъ—тяжелая повинность. Деньги на выкупные платежи надо такъ или иначе добыть, но, внеся эти деньги за землю, плательщикъ ничего не получаетъ и ни на грошъ не увеличиваетъ своего благосостоянія, ибо земля не его и заплаченные за землю деньги не дали ему ни-

какой равноцѣнности, которая въ нужную минуту могла бы быть реализована.

Нельзя здѣсь не сказать, что если въ одну кучу сбиты и способные, и неспособные земледѣльцы, и тѣ, которые тяготеютъ къ землѣ, и тѣ, которыхъ тянетъ прочь отъ земли, то и лучшіе земледѣльцы немного могутъ сдѣлать, чтобы поставить свое хозяйство наиболѣе выгоднымъ образомъ. Въ каждомъ хозяйственномъ шагѣ своемъ они должны соображаться не съ тѣмъ, что лучше и выгоднѣе, а съ тѣмъ, что дѣлаютъ другіе, въ томъ числѣ и неспособные, худшіе земледѣльцы.

Время и порядокъ удобренія, обработки и уборки полей, т.-е. важнѣйшіе моменты земледѣльческаго хозяйства, зависятъ у крестьянина гораздо больше отъ сосѣдей, чѣмъ отъ собственного расчета или соображенія. То же и съ распределеніемъ полей подъ тѣ или другіе посѣвы. То же почти и во всякомъ другомъ дѣлѣ, касающемся земледѣльческаго хозяйства. Для собственной инициативы хозяина, для его смѣлки или познаній остается очень мало примѣненія. Поэтому у насъ крестьянское земледѣліе не процвѣтаетъ не только въ общемъ, но и въ отдѣльныхъ хозяйствахъ. Въ мѣстностяхъ съ общиннымъ владѣніемъ земель можно еще встрѣтить, хотя и въ маломъ числѣ, болѣе или менѣе за-

житочные двory, напpимѣръ имѣющіе «купчую» землю; но встрѣтить на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ благоустроенное хозяйство, которое выдѣлялось бы умѣлой конъюнктурой, какимъ-нибудь особымъ планомъ, искусными приемами или приспособленіемъ къ потребностямъ ближайшихъ рынковъ, къ производству болѣе выгодныхъ продуктовъ и т. п.—этого встрѣтить на крестьянской надѣльной землѣ нельзя, за немногими исключеніями, которыя имѣютъ свое объясненіе въ особыхъ условіяхъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Одинъ, какъ всѣ, и каждый, какъ другіе—вотъ единственная возможная при общинѣ схема хозяйства. Между тѣмъ вездѣ и всегда прогрессъ въ земледѣліи шелъ отъ единицъ болѣе способныхъ и лучше приспособляющихся, а не наоборотъ. Поэтому при общинномъ землевладѣніи почти отсутствуетъ и самая возможность сельскохозяйственнаго прогресса. Община подгоняетъ всѣхъ подъ одинъ уровень, и притомъ подъ уровень худшихъ и наименѣе способныхъ хозяевъ. О хозяйственной самостоятельности земледѣльцевъ, о смѣломъ починѣ болѣе свѣдущихъ и энергическихъ людей, которымъ могли бы подражать прочіе, тутъ и рѣчи быть не можетъ. Какъ свидѣтельствуетъ авторъ книги «Неурожай и народное бѣдствіе», «на сходѣ всякое нововведеніе,

всякое измѣненіе рутинныхъ формъ и пріемовъ хозяйства всегда встрѣчаетъ энергическій отпоръ со стороны большинства, передъ которымъ невольно замолкаетъ робкій голосъ инициаторовъ всякаго рода нововведеній (стр. 106).

Артели г. Левицкаго, которыя тоже выставлены аргументомъ въ пользу общины, однѣ уже распались, другія— на пути къ тому же, о чемъ въ послѣднее время много разъ сообщалось въ печати. Не стоитъ, впрочемъ, и останавливаться на этомъ печальномъ опытѣ, гдѣ въ сущности никакого проявленія общиннаго духа не было, а было со стороны артельщиковъ только желаніе пользоваться кредитомъ, и артели эти существовали лишь до тѣхъ поръ, пока не отпадала эта приманка. Мы могли бы дополнить перечень такихъ не-крестьянскихъ и не-общинныхъ опытовъ другими примѣрами, гораздо болѣе близкими разсматриваемой серіи вопросовъ. Такъ, мы знаемъ попытки устройства чисто земледѣльческихъ артелей на Алтаѣ и въ Самарской губерніи, — попытки, предпріятыя почтенными идеалистами, съ глубокой вѣрой въ общинныя привычки и артельныя способности крестьянина-общинника. Обоимъ инициаторамъ земледѣльческихъ артелей попытки эти стоили большихъ денегъ, но кончились полнѣйшей неудачей...

Еще защитники общиннаго строя крестьянскаго быта указываютъ обыкновенно фактъ травосѣянія на крестьянскихъ общинныхъ земляхъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губ. и въ немногихъ другихъ мѣстностяхъ. Фактъ этотъ, безспорно, дѣлаетъ честь мѣстнымъ земствамъ и ихъ агрономамъ, которымъ удалось склонить крестьянъ къ такой выгодной реформѣ въ организациі хозяйства на общинныхъ земляхъ. Но заключать изъ этого факта, что на всемъ пространствѣ Великороссіи общинники могутъ точно также перейти отъ общиннаго землепользованія къ общинному хозяйству на своихъ надѣльныхъ земляхъ,—не больше оснований, какъ и о возможности высоко-интенсивной культуры на тѣхъ же общинныхъ земляхъ—въ виду развитія огородничества въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ., гдѣ, впрочемъ, огородныя земли, какъ разъяснилъ г. Опанинъ въ журналѣ «Плодоводство», никогда не подвергаются передѣламъ, т. е. остаются въ послѣдственномъ пользованіи ихъ владѣльцевъ, что почти сравниваетъ эти огородныя земли съ землями, владѣемыми на правѣ личной собственности. Особья, не повторяющіяся мѣстныя условія могутъ вызвать тамъ или сямъ соотвѣтственныя экономическія явленія, которыя тоже остаются особыми и ни въ какомъ случаѣ не могутъ

быть основаніемъ для выводовъ болѣе общаго значенія и притомъ вопреки очевидности.

Въ числѣ софизмовъ, которыми защитники крестьянской общины напускаютъ туманъ въ ясный, какъ день, вопросъ, чуть не главнымъ является ссылка на авторитетъ самихъ крестьянъ. Крестьяне будто бы ни за что не хотятъ разстаться съ общиной. Откуда же это видно? Когда крестьяне дѣйствительно имѣютъ случай высказывать свое мнѣніе по этому предмету, они почти всегда высказываются противъ общины. Такъ, напримѣръ, не далѣе какъ въ 1899 г. въ казанскомъ губернскомъ земствѣ былъ возбужденъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи, и губернское земство передало этотъ вопросъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ земствъ. Одно изъ этихъ послѣднихъ, предварительно обсужденія въ собраніи, пожелало имѣть заключеніе по вопросу гласныхъ отъ крестьянъ, и эти гласные въ особомъ совѣщаніи пришли къ заключенію, что «въ настоящее время едва ли представляется желательнымъ сохранить общинное владѣніе землей». Въ такомъ же родѣ крестьянскія заявленія получены въ разныхъ мѣстахъ Ярославской и Тверской губ. при сплошномъ земско-статистическомъ описаніи нѣкоторыхъ уѣздовъ и въ корреспонденціяхъ ярославскаго статистическаго бюро. Дан-

ныя эти приведены въ недавно вышедшей брошюрѣ г. К. Я. Воробьева, подъ заглавіемъ: «Община и черезполосица». Не приводя всѣхъ такихъ заявленій, приведемъ лишь выводъ изъ нихъ, сдѣланный г. Воробьевымъ: «Стремленіе къ обособленію своихъ земельныхъ участковъ среди ярославскихъ крестьянъ развито довольно сильно».

Обходя эти и подобные факты, защитники общиннаго землевладѣнія ссылаются на то, что крестьянамъ дано право передѣлять общинную землю на подворные участки, а они этимъ правомъ не пользуются, и тутъ же весьма наивно поясняется, что и размежеваніе общинныхъ земель на подворные участки весьма затруднительно. Въ томъ-то и дѣло, что очень многое весьма затрудняетъ передѣлъ общинныхъ земель на отдѣльные участки, и межевое затрудненіе дѣйствительно одно изъ очень существенныхъ. Но развѣ это затрудненіе такого рода, что его нельзя устранить соотвѣтственной организаціей межевой части, если бы правительство признало нужнымъ помочь крестьянамъ-общинникамъ въ размежеваніи ихъ земель на отдѣльные участки? Немало и другихъ столь же или даже еще болѣе важныхъ затрудненій для перехода къ участковому землевладѣнію. Такъ, статья 163-я Положенія о выкупѣ, для передѣла требуетъ большин-

ства двухъ третей голосовъ сельскаго міра, а голоса считаются не по числу наличныхъ участниковъ схода, а по числу всѣхъ членовъ общества, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Между тѣмъ во многихъ обществахъ, въ силу развившагося отхода, такихъ двухъ третей голосовъ и собрать нельзя. Притомъ—гдѣ же это и когда бывало, чтобы какое бы то ни было новаторство шло не отъ отдѣльныхъ лицъ, болѣе умныхъ и смѣлыхъ, а отъ большинства, да еще такого, какъ двѣ трети? Между тѣмъ отдѣльнымъ крестьянамъ, по закону 14-го декабря 1893 г., до окончанія выкупа и совсѣмъ закрытъ выходъ изъ общины. При такой обстановкѣ передѣла говорить, что онъ доступенъ, значитъ смѣяться надъ тѣмъ, что совершенно не смѣшно. А надобно еще замѣтить, что подворное землевладѣніе, какъ оно установлено крестьянскими положеніями, въ сущности мало и разнится отъ общиннаго и потому особенной приманкой служить, конечно, не можетъ въ этомъ своемъ видѣ.

Нерѣдко указываютъ на примѣры, что крестьяне, не знавшіе общины, при переселеніи въ Сибирь, устанавливаютъ у себя общину, и изъ этого дѣлается выводъ, что община, такъ сказать, въ крови у крестьянъ. Но эти примѣры доказываютъ совсѣмъ не то, ибо имъ можно противопоста-

вить гораздо болѣе многочисленныя противоположныя примѣры. Дѣло заключается лишь въ томъ, что въ условіяхъ жизни на обширныхъ пустыняхъ Сибири, точно такъ же какъ въ Архангельской или Олонецкой губ., вообще въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ, общинный строй, при всей его стѣснительности для отдѣльныхъ лицъ, лучше обезпечиваетъ въ борьбѣ съ окружающей природой. Крестьяне это отлично понимаютъ и соотвѣтственно дѣйствуютъ, но въ условіяхъ противоположныхъ, на примѣръ, когда крестьяне живутъ по городамъ, на фабрикахъ и т. п.—развѣ они заводятъ общинныя порядки и въ чемъ же здѣсь сказывается такъ называемый общинный духъ крестьянскаго населенія? Въ Петербургѣ и Москвѣ почти двѣ трети населенія—крестьяне, а мы здѣсь ни съ какими общинными началами и порядками не встрѣчаемся, и врядъ ли можно доказать, что въ условіяхъ общегражданскаго порядка, основаннаго на признаніи личнаго начала, крестьяне здѣсь чувствуютъ себя хуже, чѣмъ въ общинной деревнѣ. Община на своемъ мѣстѣ при первобытной культурѣ, когда у людей первый интересъ — защищаться отъ звѣрей, разбойниковъ и т. п. и когда интересъ личной свободы имѣеть, поэтому, невысокую цѣну.

IV.

Передѣлы и переверстки надѣльной земли.—Англійскіе арендаторы и наши общинники.—Потеря всѣхъ произведенныхъ по выкупу земли платежей при переселеніяхъ.—Безкредитность надѣльной земли.—Гминныя ссудосберегательныя кассы.—Отношенія крестьянъ къ «купчей» землѣ.

О безчисленныхъ помѣхахъ, создаваемыхъ общиннымъ землевладѣніемъ культуро - техническимъ улучшеніямъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, распространяться болѣе не вижу надобности. Интересующіеся специально этой стороной общиннаго землевладѣнія найдутъ вполне объективное изслѣдованіе послѣдняго въ недавно вышедшемъ трудѣ проф. Новоалександрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства г. А. Скворцова подъ заглавіемъ: «Основы экономики земледѣлія». Здѣсь же, въ дополненіе къ сказанному выше, необходимо отмѣтить лишь слѣдующее: Законъ 8 іюня 1893 г., въ разрѣзъ съ логикой общиннаго землевладѣнія, ограничилъ передѣлы 12-лѣтнимъ срокомъ, но кромѣ передѣ-

ловъ есть еще переверстка, когда отдѣльному двору даютъ новый надѣлъ, не мѣняя его размѣра. Объ этой переверсткѣ законъ 1893 г. не говоритъ ни слова и для производства ея не требуется даже мірскаго приговора. Какой интересъ удобрять землю, разрабатывать ее и т. д.?

Защитники общиннаго землевладѣнія обыкновенно указываютъ на примѣръ англійскихъ арендаторовъ, которые на арендуемыхъ земляхъ довели земледѣльческую культуру до возможнаго совершенства. Но при этомъ упускается изъ виду, что между нашимъ общинникомъ и англійскимъ арендаторомъ нѣтъ ничего общаго, какъ и между нашимъ крестьянскимъ правопорядкомъ и англійскимъ аграрнымъ законодательствомъ, обезпечивающимъ арендатору вознагражденіе за всѣ произведенныя имъ улучшенія на арендуемой землѣ, въ случаѣ оставленія аренды. У насъ законъ 1893 г. тоже пробовалъ было ввести право крестьянъ, сдѣлавшихъ улучшенія на своихъ надѣлахъ, требовать вознагражденія въ случаѣ отобранія улучшенныхъ ими надѣловъ при передѣлахъ. Но изъ этого ничего не вышло и ничего не могло выйти въ порядкахъ общиннаго землевладѣнія и законъ остался мертвою буквою. А если бы этотъ законъ можно было исполнить, то вмѣсто передѣловъ въ скоромъ времени устано-

вилось бы de facto наследственное пользование улучшенными надѣлами, т. е. общинному порядку нанесенъ бы былъ большой ударъ.

Отнятие у крестьянъ права собственности на выкупаемую ими надѣльную землю приводитъ, между прочимъ, къ такому вполне логическому, но тѣмъ болѣе несообразному положенію: если крестьянинъ-собственникъ увольняется изъ общества, напримѣръ при переселеніяхъ, то онъ не только не получаетъ какого-либо вознагражденія за уплаченную имъ долю выкупной ссуды, которое облегчило бы ему устройство на новомъ мѣстѣ, но еще обязанъ пополнить всякаго рода недоимки по своему надѣлу, даромъ оставляемому въ пользу общества. Какую надо имѣть энергію желанія уйти изъ общества, чтобы подвергнуться всѣмъ тяжкимъ условіямъ увольненія изъ него? Люди, приобрѣвшіе состояніе на сторонѣ, вѣ своего общества, иногда должны платить послѣднему огромный выкупъ, чтобы развязаться съ нимъ, рискуя въ противномъ случаѣ весьма крупными непріятностями.

«Временное владѣніе» надѣльной землею имѣетъ еще и то важное въ экономическомъ смыслѣ послѣдствіе, о которомъ вскользь уже было упомянуто, а именно, что оно лишаетъ крестьянина того кредита, который имѣетъ собственникъ земли.

Нѣкоторые находятъ это только выгоднымъ для крестьянъ, но эта выгода имѣетъ и свою оборотную сторону. Фактъ тотъ, что крестьянскіе надѣлы за долги все равно переходятъ въ пользованіе кредиторовъ, но кредиторовъ-ростовщиковъ; только въ этомъ и разница. Правильный же ипотечный кредитъ для крестьянъ недоступенъ, хотя во многихъ случаяхъ онъ могъ бы обезпечить имъ сравнительно дешевыя средства на улучшеніе хозяйства. Гдѣ-нибудь подъ столицей земля цѣнится въ нѣсколько сотъ и даже въ тысячу рублей за десятину. Оборотливый крестьянинъ, взявъ ссуду изъ ипотечнаго банка, могъ бы завести на своей землѣ огородничество или вообще высокоинтенсивное подгородное хозяйство; но подъ его надѣльную землю при данномъ порядкѣ вещей никто рубля ему не довѣритъ кромѣ ростовщика, который свой рискъ по такимъ ссудамъ страхуетъ лихвенными процентами.

Интересно здѣсь отмѣтить, что въ губерніяхъ Царства Польскаго крестьянамъ не только предоставлено пользоваться кредитомъ подъ залогъ своихъ надѣльныхъ земель, но само правительство основало тамъ для крестьянъ гминныя ссудосберегательныя кассы, выдающія ссуды исключительно подъ залогъ земли или подъ поручительство лицъ, владѣющихъ землею. Опытъ этотъ

далъ блестящіе результаты и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Дѣло организаціи мелкаго кредита началось съ очень маленькаго пособія, ассигнованнаго на этотъ предметъ изъ капитала на общепользныя надобности, а именно—въ 1868 г. было отпущено всего 63 тыс. р. на открытіе гминныхъ кассъ по одной въ каждомъ уѣздѣ съ такимъ условіемъ, что касса, получившая пособіе (600—700 р.), обязывалась возратить его, какъ скоро изъ прибылей у нея образовывался собственный капиталъ въ равной суммѣ. Возвращенная ссуда передавалась въ слѣдующую гмину, при которой еще не было открыто кассы. Въ 1870 г. на тотъ же предметъ было ассигновано еще 104 т. р. и на эти деньги добавлено по двѣ кассы на уѣздъ. Наконецъ, въ 1879 г. добавлено еще около 28 т. р., такъ что въ три пріема на основные капиталы гминныхъ кассъ правительство выдало около 195 т. р. И вотъ что выросло изъ этого маленькаго зерна къ настоящему времени: на 1285 гминъ, имѣющихся въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго, ссудосберегательныхъ кассъ открыто 1320, т. е. больше чѣмъ по одной кассѣ на каждую гмину. Кассы эти имѣютъ собственныхъ капиталовъ. 7.842 тыс. р. и вкладовъ собрали 16.631 тыс. р., а всего имѣютъ оборотныхъ средствъ 24.472 тыс. р.

Край оборудованъ кредитными учрежденіями въ такой мѣрѣ, что «ростовщичество въ селеніяхъ не замѣтно» ¹⁾. Какой огромный и какой благодѣтельный результатъ, особенно если вспомнить, что наши русскія деревни чуть не въ кабаль у ростовщиковъ и платятъ имъ гораздо больше, чѣмъ сколько падаетъ на тѣ же деревни казенныхъ и всякихъ другихъ сборовъ!

Но можетъ быть польскіе крестьяне слишкомъ дорогою цѣною купили это благо, можетъ быть, они потеряли свои земли при возможности кредитоваться подъ обезпеченіе этими землями? Ничего подобнаго. Крестьяне при дѣйствиі здѣсь кодекса Наполеона такъ же жадны до земли, какъ и вездѣ, и крѣпко за нее держатся, а при возможности—и прикупаютъ. Десятая часть ссуды Крестьянскаго банка падаетъ на губерніи Царства Польскаго, хотъ земля здѣсь значительно дороже, чѣмъ въ прочихъ губерніяхъ Имперіи. Само собой разумѣется, при возможности отчужденія земли извѣстная часть крестьянъ, мало склонныхъ къ земледѣлію и не хозяйственныхъ, какіе вездѣ есть, теряютъ землю; но другіе кре-

---

¹⁾ «Хозяйственное положеніе и платежныя средства крестьянъ губерній Царства Польскаго». Составилъ И. Орловъ, управляющій Кѣлецкою Казенною Палатою (бывшій управляющій Плоцкою Палатою). 1898 г. Стр. 119.

стьяне приобретают ее, въ томъ числѣ и безземельные, ибо надѣльные крестьянскія земли могутъ покупаться только крестьянами же. Въ общемъ же крестьяне здѣсь зажиточнѣй, чѣмъ въ области общиннаго землевладѣнія 1).

Если смотрѣть на крестьянина, какъ на ребенка, неспособнаго соображать своихъ выгодъ и интересовъ, то, конечно, ипотечный кредитъ для него опасенъ. Но при такомъ взглядѣ на крестьянъ можно ли серьезно говорить о правильной постановкѣ и выгодномъ веденіи крестьянскаго хозяйства? Пора бы догадаться, что ребенокъ не можетъ быть хозяиномъ вообще, а тѣмъ болѣе хозяиномъ хорошимъ, преуспѣвающимъ, и хлопотать объ улучшеніяхъ его хозяйства не значитъ ли смѣяться надъ здравымъ смысломъ.

Своею «купчей» землей крестьянинъ распоряжается или по X тому, т. е. какъ полноправный хозяинъ-собственникъ, или общиннымъ порядкомъ, какъ и на землѣ надѣльной, когда земля покупается цѣлымъ обществомъ. Есть ли фактическія данныя утверждать, что крестьянинъ распоряжается купчей землей легкомысленно, по дѣтски и во вредъ самому себѣ, когда владѣть ею какъ личною собственностью? Едва ли такія

1) Ibid. Предисловіе.

данныя имѣются. Всѣмъ, кажется, хорошо извѣстно, что къ собственной «купчей» землѣ крестьянинъ, если она у него есть, относится совершенно иначе, чѣмъ къ общинной. Онъ за ней ходитъ, какъ нѣжная мать за ребенкомъ, и что называется зубами за нее держится. Вотъ между прочимъ фактъ, о которомъ заявлено въ одномъ почтенномъ собраніи, гдѣ было много компетентныхъ людей по всѣмъ вопросамъ народно-хозяйственнаго быта и противъ котораго никто не могъ возразить. Оказывается, что изъ земель, купленныхъ крестьянами при содѣйствіи Крестьянскаго банка и оставленныхъ за этимъ банкомъ по неисправности его кліентовъ, только одинъ процентъ приходится на земли, купленные крестьянами въ личную собственность; остальные же 99% распределяются такъ: 16% принадлежали товариществамъ крестьянъ, образовавшимся для покупки земли, и 83%—обществамъ, которыя распорядились купчей землей на тѣхъ же основаніяхъ, какъ надѣльной. Меньшая, но все-таки весьма замѣтная разница того же характера замѣчается въ движеніи недоимокъ за кліентами Крестьянскаго банка. Такъ, напримѣръ, по отчету за 1900 г., за отдѣльными крестьянами въ недоимкѣ состояло 15% причитающихся съ нихъ срочныхъ плате-

жей, а за сельскими обществами— $25\frac{1}{2}\%$. Факты эти очень краснорѣчивы и во всякомъ случаѣ не подтверждаютъ того страннаго взгляда на крестьянъ, что въ своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ недвижимостью они, какъ дѣти, нуждаются въ ограниченіи гражданской право- и дѣеспособности и въ учрежденіи надъ ними опеки. Опека, какъ видно изъ только что приведенныхъ справокъ, даетъ результаты прямо обратные тѣмъ, которыми обыкновенно оправдывается ея необходимость.

V.

«Свободный трудъ», возвѣщенный историческимъ манифестомъ 19 февраля 1861 г. — Общинная неволя. — Связь общиннаго землевладѣнія съ ограниченіемъ личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ правъ въ крестьянскомъ быту. — Раздвоеніе общественнаго сознанія въ оцѣнкѣ личнаго начала по отношенію къ крестьянамъ.

Кто не знаетъ достопамятныхъ словъ, которыми заканчивается историческій манифестъ 19-го февраля 1861 года: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго». И теперъ, черезъ 40 съ лишнимъ лѣтъ, это обращеніе Царскаго манифеста къ русскому крестьянину, бывшему дотолѣ 2¹/₂ столѣтія въ крѣпостномъ состояніи, производитъ глубоко умиляющее дѣйствіе. Въ немногихъ словахъ, исполненныхъ столь величавой простоты, здѣсь охарактеризована вся сущность

того великаго событія русской жизни, совершеніе котораго возвѣщено манифестомъ 19-го февраля 1861 года. Такъ называемая воля представляла главнымъ образомъ освобожденіе труда крестьянъ; именно свободный трудъ признавался залогомъ крестьянскаго благополучія и блага общественнаго. Надѣленіе освобожденныхъ крестьянъ землею, само собой разумѣется, не могло имѣть цѣлью ограниченіе этой свободы труда, оно имѣло цѣлью обезпечить крестьянскому труду извѣстное приложеніе въ собственномъ хозяйствѣ, о чемъ точно такъ же вполне опредѣленно выражено въ манифестѣ 1861 г. «Съ надеждою ожидаемъ,—говорится въ этомъ манифестѣ,—что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностью примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное благороднымъ дворянствомъ для улучшенія ихъ быта. Они вразумятся, что, получая для себя болѣе твердое основаніе собственности и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они станутъ обязанными передъ обществомъ и передъ самими собой благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если

они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подѣ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію и вообще честною въ страхъ Божию живанію... Пусть они (земледѣльцы) тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ пріобрѣтенной въ собственность».

Эти прекрасныя слова манифеста 19-го февраля 1861 г. совсѣмъ не лишне напомнить въ наши дни, когда «благодѣ» крестьянъ передовые журналисты объявляютъ такое положеніе вещей, при которомъ освобожденный крестьянинъ оказывается поработеннымъ землѣ и ея новому владыкѣ — сельскому міру, а «свободный трудъ» того же крестьянина на каждомъ шагѣ подверженъ всевозможнымъ ограниченіямъ, едва ли не болѣе многочисленнымъ, чѣмъ было при крѣпостномъ правѣ. Но, наложивъ оковы на крестьянскій трудъ, земля не только не дала крестьянину «благополучія», а и сама истощилась, сократила плодородіе и слишкомъ ужъ участила неурожай,

такъ что вмѣсто «хорошо наполненной житницы» весьма нерѣдко крестьянинъ даже сѣмена для посѣва беретъ изъ казенной ссуды.

Но если въ общинномъ землевладѣніи все полевое крестьянское хозяйство опредѣляется и направляется мірскою волею и ею установленными порядками, то, очевидно, тамъ не остается мѣста для такого «употребленія силъ и средствъ», которое опредѣлялось бы собственнымъ «благоразуміемъ» труженика-земледѣльца, его знаніемъ и пониманіемъ дѣла, его инициативой, стараніемъ и энергіей. Къ сожалѣнію, мірская воля и власть надъ каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ, надъ его личностью и трудомъ далеко не ограничиваются полевымъ надѣломъ, но проникаютъ въ домъ, въ семью и захватываютъ рѣшительно всѣ отношенія, которыя такъ или иначе соприкасаются съ трудовою и вообще хозяйственною дѣятельностью крестьянина-общинника.

Иначе, конечно, и быть не можетъ. Въ жертву общинѣ должны быть принесены всѣ важнѣйшіе личные, семейные и имущественные интересы крестьянъ, и это вполне логично, ибо общинный строй быта несовмѣстимъ съ личными, семейными и имущественными правами отдѣльныхъ крестьянъ; слѣдовательно, сохранять общинный строй быта можно только путемъ всесторонняго

ограниченія этихъ правъ, и наоборотъ признаніе этихъ правъ явилось бы прямымъ отрицаніемъ общиннаго строя.

Логическая связь общиннаго строя крестьянскаго быта со всевозможными ограниченіями правъ отдѣльныхъ членовъ общины можетъ быть представлена въ такой простѣйшей схемѣ. Вопреки усвоенной крестьянскимъ положеніемъ терминологіи, «крестьянинъ-собственникъ» является на общинной землѣ не собственникомъ въ томъ смыслѣ, какъ это всѣми понимается, а только «временнымъ владѣльцемъ», какъ еще недавно разъяснилъ Сенатъ, и притомъ не свободнымъ, а крѣпко привязаннымъ къ своему надѣлу, хотя бы и не пользоваема имъ и даже не жилъ въ данномъ сельскомъ обществѣ, если только не уволился изъ этого общества, что вовсе не легко, какъ будетъ сказано дальше. Собственникомъ общинной земли является крестьянскій міръ, который и самъ привязанъ къ землѣ въ качествѣ отвѣтчика за лежащія на ней повинности — казенныя, земскія и мірскія. Поэтому первой и главной функціей міра является разверстка земли и повинностей между отдѣльными своими членами. Но очевидно, что эта функція міра ставитъ его въ непосредственныя отношенія не съ каждымъ отдѣльнымъ жителемъ даннаго сельскаго обще-

ства, а только съ хозяйственными единицами, на которыя дробится населеніе этого общества, т. е. съ цѣлыми домохозяйствами. Это же обстоятельство, въ свою очередь, даетъ преобладающее значеніе въ крестьянскомъ мірѣ главамъ отдѣльныхъ домохозяйствъ, отвѣтственнымъ за исправность послѣднихъ. Главы домохозяйствъ, входящихъ въ составъ крестьянскаго общества, собираясь на сельскій сходъ, образуютъ распорядительный и притомъ снабженный обширными полномочіями органъ міра. Все же прочее населеніе крестьянскаго общества, распредѣляясь по отдѣльнымъ домохозяйствамъ, лишено участія въ сельскихъ сходахъ и, слѣдовательно, вліянія на рѣшенія міра, и въ своей хозяйственной дѣятельности подчиняется домохозяевамъ, которые за него отвѣтствуютъ передъ міромъ.

Такимъ образомъ, первооснова всѣхъ этихъ соотношеній въ общинномъ быту была чисто фискальная — отвѣтственность за повинности: кто отвѣчаетъ, тотъ и властвуетъ. Передъ закономъ о повинностяхъ отвѣчаетъ міръ, передъ міромъ — отдѣльные домохозяева, передъ послѣдними — населеніе двора. Поэтому міръ властвуетъ надъ отдѣльными домохозяевами, а домохозяева — надъ отдѣльными лицами, входящими въ составъ дво-

ра. Все это совершенно въ порядкѣ вещей и потому можно ожидать съ полнымъ правомъ, что нынѣ предрѣшенная отмѣна круговой поруки нанесетъ смертельный ударъ этому уродливому пережитку крѣпостного права; но сложившіяся на этой основѣ соотношенія въ крестьянскомъ быту опредѣляютъ въ настоящее время весь гражданскій порядокъ у крестьянъ, характеризующій слѣдующими главными чертами въ отношеніи правъ личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ: отдѣльные домохозяева ограничиваются въ своихъ гражданскихъ правахъ въ интересахъ міра, а отдѣльные члены каждаго домохозяйства ограничиваются въ тѣхъ же правахъ — въ интересахъ домохозяина.

Ограниченія эти, касающіяся самыхъ существенныхъ гражданскихъ правъ, весьма тяжелыя. Въ моментъ составленія Положенія 19-го февраля на нихъ смотрѣли, какъ на временныя, вводимыя собственно на переходный только періодъ — до окончанія выкупа. Къ сожалѣнію, послѣдующія дополненія законодательства о крестьянахъ не только не ослабили этихъ временныхъ ограниченій, но еще усилили ихъ и придали имъ характеръ какъ бы нормальнаго для крестьянъ положенія, т. е. постояннаго. Не выходя изъ круга вопросовъ чисто экономическаго свойства, слѣдуетъ

отмѣтить въ особенности тѣ подробности нынѣшняго гражданскаго правопорядка въ крестьянскомъ быту, которыя всего больше угнетаютъ хозяйственную дѣятельность крестьянъ.

Въ быту не-крестьянскомъ трудно даже представить себѣ какую-нибудь хозяйственную дѣятельность, которая не истекала бы изъ личнаго интереса. Только арестанты и каторжники работаютъ, не имѣя въ работѣ личнаго интереса.

Но когда мы начинаемъ обсуждать, а тѣмъ болѣе рѣшать вопросы крестьянскаго быта—говорю, конечно, о людяхъ образованнаго русскаго общества,—съ нами почти всегда происходитъ оригинальная метаморфоза, а именно: мы руководствуемся въ этомъ случаѣ не тѣми идеями и началами, которыя примѣняемъ въ своемъ быту, не тѣми представленіями о благѣ, которыя сложились у насъ на основаніи собственнаго опыта и которыя привиты намъ съ дѣтства окружающей насъ обстановкой, нашимъ образованіемъ, потребностями и идеалами нашей среды, а совершенно иными, большею частью въ самой основѣ противоположными. То, что для себя мы считаемъ за благо, то для крестьянскаго населенія нерѣдко признаемъ зломъ, а еще обыкновеннѣе тотъ случай, когда мы считаемъ за благо для крестьянскаго населенія такія условія дѣятель-

ности и вообще жизни, которыя для себя считали бы величайшимъ несчастьемъ, и не въ мелочахъ какихъ-нибудь, а въ основахъ гражданского быта.

Въ самомъ дѣлѣ: краеугольнымъ камнемъ всего нашего гражданского быта служитъ личное начало, признаніе человѣческой личности субъектомъ гражданскихъ правъ во всей ихъ полнотѣ. Ограниченіе этихъ правъ для того или другого отдѣльнаго лица является въ нашемъ гражданскомъ строѣ какъ нѣчто исключительное, точно обусловленное—въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—какими-нибудь особыми причинами и обстоятельствами, препятствующими для этого лица пользоваться полнотою гражданскихъ правъ, каковы, напр.: несовершеннолѣтіе, слабоуміе, уголовная репрессія за тяжкія преступленія и т. п.; и всякое такое ограниченіе, разъ оно существуетъ для того или другого отдѣльнаго лица, ставитъ это лицо въ особое гражданское состояніе, совершенно точно нормируемое закономъ и вызывающее въ нашемъ гражданскомъ строѣ цѣлый рядъ специальныхъ институтовъ, каковы: опека, попечительство и т. п. Когда по какой-либо причинѣ совершеннолѣтняго, психически и физически здороваго, субъекта лишаютъ всѣхъ или нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ или ограничиваютъ въ поль-

зованіи этими правами, то въ нашихъ представленіяхъ это событіе неизбѣжно связывается съ мыслью о томъ, что данный субъектъ пострадалъ, подвергся большому несчастью. Охрана полноты гражданскихъ правъ каждому члену общества въ нашихъ понятіяхъ есть основная задача всего гражданского строя, и этой задачѣ, дѣйствительно, служить вся сложная система нашей судебной, административной и общественной организаци и все наше законодательство. Словомъ, кругомъ себя во всемъ строѣ нашего гражданского быта, во всѣхъ проявленіяхъ нашей жизни, дѣятельности и мышленія мы имѣемъ культъ личности, и мы служимъ этому культу съ глубокой въ него вѣрой и непоколебимымъ убѣжденіемъ, что въ немъ—въ этомъ драгоцѣнномъ наслѣдіи, приготовленномъ для насъ культурной работой всего человѣчества, въ этомъ *summa summaum* всемірной исторіи, — лежитъ прочный залогъ нашихъ дальнѣйшихъ успѣховъ на пути всесторонняго развитія и совершенствованія и неизсякаемый источникъ силъ духовныхъ и матеріальныхъ, необходимыхъ для достиженія высшихъ ступеней доступнаго человѣчеству совершенства. Все это до такой степени срослось съ нами, вошло въ плоть и кровь, что мы и мыслить себя не можемъ иначе, какъ въ атмосферѣ этого культа

личности, проникающаго и наполняющаго весь нашъ бытъ.

Но разъ мы, люди образованнаго общества, задаемъ вопросомъ о томъ, какъ лучше устроить гражданскій бытъ сельскаго крестьянскаго населенія,—нашъ мыслительный аппаратъ сейчасъ же начинаетъ работать совершенно въ обратномъ направленіи: то, что мы считаемъ (и не можетъ не считать) за истину и благо для себя,—то для крестьянскаго населенія начинаетъ намъ представляться сомнительнымъ, рискованнымъ, даже прямо опаснымъ. И мы начинаемъ для крестьянскаго населенія придумывать нѣчто такое, чего для себя не ищемъ и не желаемъ, и что считали бы бѣдствіемъ для себя, если бы оно было намъ такъ или иначе навязано взамѣнъ того, что есть. Настроивъ себя въ такомъ особомъ направленіи, мы приобретаемъ способность даже идеализировать измышляемый нами для крестьянскаго населенія особый гражданскій порядокъ, въ корнѣ противорѣчащій всему складу нашихъ собственныхъ представлений о нормальномъ гражданскомъ порядкѣ.

Въ противоположность нашему гражданскому строю,—въ крестьянскомъ быту личное начало поглощается во многихъ случаяхъ почти сполна; личности человѣческой отведено тамъ такое жал-

кое мѣсто, что она обречена оставаться пассивной и лишь въ слабой степени можетъ проявлять самодѣтельность, самостоятельность, способность самоопредѣленія въ своихъ отношеніяхъ къ окружающему міру. Личное начало во всемъ складѣ гражданскаго быта крестьянъ принесено въ жертву началу общинному.

VI.

Ограниченія личной свободы и семейной самостоятельности.—Семейные раздѣлы.—Законъ 18 марта 1886 г.—Положеніе «самовольно выдѣлившихся и семей».—Условія получения паспортовъ.

Въ крестьянскомъ быту положеніе человѣческой личности опредѣляется въ такомъ видѣ, въ какомъ оно невозможно и немыслимо въ нашемъ быту. Нѣсколько примѣровъ поясняетъ это лучше всякихъ разсужденій.

У насъ святое святыхъ гражданскаго порядка — личная свобода, проявляющаяся въ правѣ избирать себѣ мѣсто жительства, родъ занятій или способы и формы хозяйственной дѣятельности, имѣть свою собственность и распоряжаться своимъ имуществомъ, входить въ обязательныя отношенія только съ тѣми, съ кѣмъ человѣкъ самъ хочетъ, и ради тѣхъ только результатовъ, которые онъ самъ поставилъ себѣ цѣлью, завязывать дѣловыя и инныя связи съ кѣмъ угодно и

т. д. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ нашемъ гражданскомъ быту человѣкъ отвѣчаетъ только за самого себя и свои дѣйствія, а за другихъ отвѣчаетъ лишь постольку, поскольку онъ самъ и притомъ непремѣнно добровольно обязался отвѣчать. Въ крестьянскомъ быту все это какъ разъ наоборотъ. Въ частной жизни, въ отношеніяхъ семейныхъ и общественныхъ человѣкъ здѣсь все не является опредѣлителемъ своего положенія, не имѣетъ на то права, хотя бы онъ былъ совершеннолѣтній и ни по какимъ причинамъ не подлежалъ законному, въ нашемъ смыслѣ, ограниченію въ пользованіи гражданскими правами.

Возьмемъ простѣйшій случай. Взрослый, вполне дѣеспособный человѣкъ, имѣющій жену и дѣтей, хочетъ жить своимъ домомъ,—что можетъ быть естественнѣе съ нашей точки зрѣнія, особенно если онъ не то, что не имѣетъ своего дома, а живетъ однимъ домомъ съ другой семьей, будетъ ли то семья отца, брата или иного родственника? Человѣку, имѣющему свою семью, и по заповѣди Божіей полагается оставить отца и мать, не говоря уже о братьяхъ, дядяхъ и т. п. родственникахъ. Крестьянинъ же долженъ испросить на то разрѣшеніе міра и того домохозяина, для котораго онъ составляетъ почти даровую рабочую

силу и который, поэтому, очень рѣдко заинтересованъ дать согласіе на уходъ изъ двора своего батрака, какъ и міръ, который смотритъ на раздѣлъ двора съ точки зрѣнія условій податной исправности этого двора.

Если принять во вниманіе столь обычный въ крестьянскихъ семьяхъ деспотизмъ старшихъ по отношенію къ младшимъ членамъ, то указанную особенность въ нынѣшнемъ крестьянскомъ бытоустройствѣ нельзя не признать чрезвычайно тяжелою не только для отдѣльныхъ членовъ семьи, но часто для цѣлыхъ семей. Тѣмъ не менѣе, эта особенность является вполне логичною и даже необходимою принадлежностью общиннаго быта, и допущеніе въ этомъ быту того порядка, который считается нормальнымъ и естественнымъ у насъ, вело бы неизбѣжно къ его разложенію, почему законодательство, не рѣшаясь колебать этотъ строй, дѣйствовало совершенно логично, когда (18 марта 1886 г.) установило даже особыя, добровольныя ограниченія семейныхъ раздѣловъ. Но, съ другой стороны, на той же почвѣ общиннаго склада жизни вполне логично и слѣдующее явленіе, отмѣченное г. Б. Чичеринымъ ¹⁾. «Въ силу об-

¹⁾ См. «Спб. Вѣдомости» отъ 30 ноября 1897 г. «Пересмотръ законодательства о крестьянахъ».

щиннаго владѣнія сынъ получаетъ надѣлъ не по волѣ отца и не по семейному положенію, а по собственному праву; община надѣляетъ его какъ полноправнаго члена. Когда же отецъ состарѣлся и пересталъ лично отбывать повинности, сынъ всецѣло становится на его мѣсто; на старика смотрятъ только какъ на излишнее бремя. То уваженіе, которымъ пользуется глава семьи, какъ собственникъ семейнаго имущества, здѣсь отпадаетъ». Нечего удивляться, слѣдовательно, всеобщимъ жалобамъ современной деревни на непочтительность младшихъ къ старикамъ, на упадокъ авторитета и вліянія послѣднихъ и т. д.

Конечно, естественное у крестьянъ, какъ и у некрестьянъ стремленіе къ семейному обособленію остается, несмотря на всѣ запреты и помѣхи, а потому семейные раздѣлы у крестьянъ, по общимъ отзывамъ, наприим., губернскихъ совѣщаній по пересмотру узаконеній о крестьянахъ, совершаются постоянно и въ огромномъ количествѣ, но, за невозможностью или крайнею трудностью раздѣловъ законныхъ, происходятъ раздѣлы самовольные, которые закономъ почти не признаются,—до того, что взрослога, можетъ быть, пожилого человѣка, имѣющаго свою семью, т. е. жену и дѣтей, если онъ самовольно отдѣлился, могутъ вернуть насильственно во дворъ, къ которому

онъ пранадлежитъ, и даже при нѣкоторыхъ комбинаціяхъ еще и подвергнуть «уголовному наказанію волостнымъ судомъ»¹⁾. Большакъ въ крестьянскомъ дворѣ отнюдь не всегда отецъ, родительскій авторитетъ котораго если не оправдываетъ, то хоть смягчаетъ лишеніе сына естественнаго права жить своей семьей; весьма часто большакомъ во дворѣ состоитъ братъ, дядя и т. п., и тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ право эксплоатировать трудъ и средства каждаго, числящагося въ составѣ его двора, и пользуется этимъ правомъ, при грубости крестьянскихъ нравовъ, очень безцеремонно. Эта вопіющая логика общиннаго строя до такой степени несокрушима, что когда проводился законъ (18-го марта 1886 г.) о семейныхъ раздѣлахъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой полагалъ даже возможнымъ предоставить сельскому обществу отбирать полевой надѣлъ у самовольно отдѣлившихся крестьянъ и лишить ихъ права на какую-либо долю имущества двора²⁾. «Мѣра эта, выказалъ тогда гр. Д. А. Толстой о законѣ противъ семейныхъ раздѣловъ, присваиваетъ сходу обя-

---

¹⁾ Н. Бржескій. «Очерки юрид. быта крестьянъ». 1902 г. Стр. 139.

²⁾ Ibid., стр. 116.

ванность опеки надъ отдѣльными членами общества» ¹⁾. Недаромъ законъ о семейныхъ раздѣлахъ касается только крестьянъ, имѣющихъ общинное землевладѣніе. При равныхъ прочихъ условіяхъ, для крестьянъ съ подворнымъ землевладѣніемъ тотъ же законъ не имѣетъ силы, хотя бытовія основы и экономическое значеніе семейныхъ раздѣловъ, конечно, вездѣ одинаковы.

Въ результатѣ такого состоянія правъ семейственныхъ въ крестьянскомъ общинномъ быту получается слѣдующая альтернатива: или адъ кромѣшный, съ нескончаемыми дрязгами и драками, съ тиранніей старшихъ надъ младшими, или — самовольный раздѣлъ, который ставитъ самовольно выдѣлившася въ печальное положеніе; самовольно выдѣлившаяся семья во многихъ случаяхъ, именно при всякаго рода взысканіяхъ съ покинутаго двора, оказывается отвѣтственною за послѣдній, и даже нельзя сказать съ нѣкоторою хотя бы опредѣленностью, имѣетъ ли такая семья какія-нибудь права на надѣльную землю и на то движимое имущество, которое она такъ или иначе приобрѣла. Хаосъ имущественной неурядицы достигаетъ тутъ своего апогея, ибо логично, что если выдѣлившаяся семья

---

¹⁾ Ibid., стр. 121.

считается за одно съ прежнимъ дворомъ, то хозяинъ послѣдняго является и хозяиномъ всего имущества выдѣлившейся семьи.

Возьмемъ другой примѣръ: взрослый и семейный крестьянинъ, не выдѣленный изъ состава крестьянскаго двора, хотѣлъ бы и имѣлъ бы возможность устроиться на сторонѣ, внѣ крестьянскаго міра, напримѣръ, заняться городскими промыслами, торговлей и т. д. Съ нашей точки зрѣнія что же могло бы мѣшать такому благонамѣренному и полезному стремленію, полезному не только въ личныхъ интересахъ, но и для экономическаго преуспѣянія страны? Даже и по крестьянскому положенію запрета какъ будто не поставлено, ибо въ этомъ положеніи (3 п. 29 ст. Общаго Положенія о крест.) говорится, что каждый крестьянинъ имѣетъ право «отлучаться отъ мѣста жительства съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ общими законами и настоящимъ положеніемъ», т. е. Положеніемъ 19 февраля, но, какъ основательно разъяснено княземъ А. Оболенскимъ въ его интересной статьѣ «Объ основной причинѣ крестьянскаго нестроенія» («Русск. Вѣстникъ», іюль 1894 г.), только такъ кажется, будто запрета не положено. На самомъ же дѣлѣ домохозяинъ, будь то даже не отецъ, съ авторитетомъ родительской власти, а просто глава

даннаго крестьянскаго двора, отвѣтственный за обязательства двора передъ правительствомъ и передъ всякимъ третьимъ лицомъ, очевидно, не можетъ быть лишенъ права удержать дома всякаго домочадца, или же, если домочадецъ находится на сторонѣ, то потребовать его обратно, ибо въ противномъ случаѣ, какъ заключаетъ названный авторъ, уничтожилась бы и самая крестьянская семья, конечно, въ ея нынѣшнемъ строѣ, соотвѣтствующемъ всему строю крестьянскаго быта и согласованномъ съ этимъ послѣднимъ.

Правда, позднѣйшими сенатскими разъясненіями (14 января и 31 марта 1900 г. № 145 и 2342), въ явномъ противорѣчій съ общинными началами, земскому начальнику и губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію предоставлено выдавать и возобновлять паспорта помимо согласія домохозяина. Но практика этого новаго порядка показываетъ новую оригинальную черту крестьянскаго положенія: судя по продолжающимся жалобамъ въ высшія инстанціи, названныя крестьянскія власти не всегда пользуются своимъ правомъ заступиться за личную свободу крестьянъ, желающихъ уйти для промысловъ и заработковъ на сторону или же и живущихъ уже на сторонѣ. Причиной тому служить, пови-

димому, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, идейная приверженность названныхъ крестьянскихъ властей къ общиннымъ началамъ и порядкамъ крестьянскаго быта. Во всякомъ случаѣ указанныя сенатскія разъясненія, по общему духу дѣйствующихъ въ отношеніи крестьянъ узаконеній и распоряженій, не равносильны закону, ограждающему личную свободу, ибо льгота, ими установленная для крестьянъ, имѣетъ условное значеніе и примѣняется или не примѣняется не въ силу закона, для всѣхъ равно обязательнаго, а по усмотрѣнію крестьянскихъ мѣстныхъ властей.

VII.

Отсутствіе права личной собственности и ограниченіе права на заработокъ.—Лишеніе правъ личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ ослабляетъ трудовую энергію, предприимчивость и самую трудоспособность крестьянъ.

Не выходя изъ того же цикла ограниченій, налагаемыхъ на личность строемъ крестьянскаго домохозяйства, въ соответствіи съ общиннымъ началомъ, на которомъ зиждется весь крестьянскій бытъ,—нельзя не коснуться еще вопроса, прекрасно разработаннаго въ названной статьѣ князя А. Оболенскаго, а именно вопроса о правѣ крестьянина-работника на то, что онъ зарабатываетъ. Многочисленныя свидѣтельства, собранныя въ «трудахъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ» и притомъ не только изъ мѣстностей съ общиннымъ землевладѣніемъ, но и изъ мѣстностей съ подворнымъ или участковымъ землевладѣніемъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что права личной частной собственности,

въ нашемъ смыслѣ, у крестьянъ нѣтъ, и то, что зарабатываютъ отдѣльные члены семьи, составляетъ собственность семейную, за самыми незначительными исключеніями ¹⁾. По свидѣтельству того же автора, въ практикѣ крестьянскихъ учреждений обычны дѣла, возникающія по требованіямъ со стороны домохозяевъ о понужденіи къ «подачѣ во дворъ» тѣхъ домохадцевъ, которые имѣютъ заработокъ на сторонѣ. Право домохозяина на заработокъ и имущество неотдѣленного формально домохадца остается въ силѣ и въ томъ случаѣ, когда фактически домохадецъ не имѣетъ никакихъ связей съ дворомъ и не пользуется никакимъ участіемъ въ общей собственности послѣдняго. Весьма обычны, напримѣръ, случаи, что цѣлая семья (мужъ, жена и дѣти), оставляя дворъ, устраивается гдѣ-нибудь на сторонѣ—въ городѣ, на фабрикѣ и т. п., обзаводится собственнымъ хозяйствомъ и общимъ трудомъ приобрѣтаетъ свое отдѣльное имущество, скопляетъ нѣкоторый достатокъ. По прикосновенности къ надѣлу, хотя бы она и не пользовалась имъ, семья эта не только не свободна отъ «подачи во дворъ», съ которымъ даже и род-

---

¹⁾ Нѣкоторыя принадлежности приданаго, изготовляемыя крестьянскими дѣвками за счетъ собственныхъ заработковъ, и т. п.

ственные связи остались, можетъ быть, не близкія, но не вполне свободна и отъ возможности обращенія на ея имущество взысканій по круговой порукѣ за неисправныхъ односельчанъ. Но самая вопіющая несообразность возникаетъ въ случаѣ смерти главы этой семьи. Наслѣдникомъ всего благопріобрѣтеннаго общими трудами семьи является крестьянскій дворъ, въ составѣ котораго числился умершій глава семьи, а его жена и дѣти должны довольствоваться правомъ водвориться на жительство въ чужомъ, часто вовсе неизвѣстномъ имъ, домѣ (если умершій женился на сторонѣ, уже по уходѣ изъ своей деревни), гдѣ ихъ встрѣтитъ недоброжелательное чувство чужихъ и незнакомыхъ людей, внушаемое мыслью о лишнихъ ртахъ, и гдѣ ихъ ожидаетъ, по общему почти правилу, горькая сиротская доля, а потому только совершенная безвыходность и беспомощность осиротѣвшей семьи можетъ понудить ее воспользоваться казеннымъ правомъ владѣть эту горькую долю; при малѣйшей же возможности, лишенная въ пользу чужого двора своего имущества, такая осиротѣвшая семья обыкновенно предпочитаетъ оставаться на сторонѣ и существовать какимъ ни на есть заработкомъ. Несообразность этого рода до такой степени обычна, что необходимость исправленія ея, правда, пока лишь кос-

венно, по отдѣльнымъ случаямъ, признается и законодательствомъ; такъ, въ Высочайше утвержденный 1 июня 1895 г. новый уставъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ введено постановление (ст. 50), предоставляющее вкладчику право сдѣлать при внесеніи вклада завѣщательное распоряженіе на случай своей смерти — о томъ, кто долженъ послѣ его смерти получить вкладъ, причемъ это постановление мотивировано именно существованіемъ сказанной несообразности, составляющей особенность нынѣшняго крестьянскаго быта. Въ силу такого постановленія вкладчикъ, если опасается, что послѣ его смерти вкладъ достанется не своей семьѣ, а чужому двору, можетъ заявить при внесеніи въ кассу денегъ, что послѣ его смерти вкладъ долженъ быть выданъ его женѣ и дѣтямъ или кому другому изъ близкихъ ему людей, и уже на этотъ вкладъ тѣмъ самымъ отстраняются всякія претензіи, опирающіяся на обычное право и существующіе въ крестьянскомъ быту порядки.

Въ существѣ тотъ же смыслъ представляетъ установленное закономъ 23 июня 1899 г. ограниченіе удержаній изъ заработной платы фабрично-заводскихъ рабочихъ на покрытіе недоборовъ въ окладныхъ сборахъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Въ силу этого закона (ст. 52) на

указанный предметъ изъ заработной платы можетъ быть удерживаемо у семейныхъ рабочихъ не свыше $\frac{1}{4}$, а у холостыхъ — не свыше $\frac{1}{3}$. Очевидно, это правило въ законѣ о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ введено съ тою цѣлью, чтобы оградить заработокъ фабрично-заводскихъ рабочихъ отъ претензій на него сельскаго міра и того двора, въ которомъ рабочій числится, если онъ формально не выдѣлился.

Все, что человекъ зарабатываетъ своими трудами, что добываетъ своей смекалкой, своей энергіей и т. д., — все это въ условіяхъ общиннаго быта есть достояніе не личности, зарабатывающей и добывающей, не его семьи, а двора, который отнюдь не тождественъ съ семьей въ нашемъ смыслѣ, а скорѣе представляетъ своего рода податное тягло, гдѣ въ одинъ хомутъ запряжены люди, часто ничѣмъ другимъ не связанные и даже врозь живущіе.

Подведя итоги всему сказанному о правахъ личныхъ, семейственныхъ и имущественныхъ у крестьянъ, нельзя не придти къ слѣдующимъ совершенно очевиднымъ заключеніямъ:

1. Крестьянинъ лишенъ права свободно выбирать себѣ мѣсто жительства и родъ занятій. Изъ крестьянскихъ дѣлъ, доходившихъ до Сената, видно, что бывали даже случаи, когда

крестьянъ, ушедшихъ на сторону безъ увольненія изъ общества, послѣднее требовало домой на томъ основаніи, что оно «желаетъ, чтобы крестьянинъ самъ обрабатывалъ землю». Между прочимъ ограниченія эти имѣютъ силу и при отдачѣ крестьянами своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія, а также при поступленіи крестьянъ на службу по учебной, ученой и межевой частямъ.

2. Крестьянинъ лишенъ права семейной самостоятельности, и

3. Крестьянинъ лишенъ правъ личной собственности не только въ надѣльной землѣ, но и въ движимости, пока онъ не завелъ особаго хозяйства на купчей землѣ, гдѣ его права опредѣляются уже наравнѣ съ некрестьянами по X тому.

Спрашивается, что же при такихъ условіяхъ могло бы возбуждать трудовую энергію крестьянина, предприимчивость и инициативу въ его хозяйственной дѣятельности? Вѣдь совершенно ясно, что по разуму вещей весь интересъ такого крестьянина не въ томъ, чтобы «неустанно» трудиться и развивать энергію и напряженіе своего труда, а совершенно въ обратномъ, именно — чтобы по возможности меньше утруждать себя на всякой работѣ, т. е. какъ только можно по

обстоятельствамъ сокращать напряженіе и энергію труда. Таково всегда и вездѣ свойство подневольнаго труда, и оттого крестьянскій трудъ и въ своемъ хозяйствѣ, и при работахъ по найму въ чужихъ хозяйствахъ такъ мало производителенъ и такъ часто вызываетъ жалобы на лѣность и нерадивость. Еще бы быть ретивымъ въ работѣ, когда самъ работающій часто не имѣетъ на что рубаху купить, сколько бы ни платили за его работу. При подневольномъ трудѣ, само собой разумѣется, крестьяне не могли устроить свое «благополучіе», котораго манифестъ 19-го февраля 1861 г. ожидалъ отъ «труда свободнаго».

VIІІ.

Крѣпостная основа общиннаго быта. — Власть сельскаго міра—новаго владыки крестьянъ. — Общинныя начала въ области подворнаго землевладѣнія. — Жизнь внѣ положительнаго гражданскаго закона и невозможность законодательной нормировки гражданскихъ правоотношеній при общинномъ строѣ быта. — «Крестьянское право» и «обычное право». — «Мѣстные обычаи» вмѣсто положительнаго закона.

Люди образованнаго общества, никогда сами не жившіе въ условіяхъ общиннаго быта, выступая его защитниками, обыкновенно говорятъ только о земельной общинѣ, объ общинномъ землевладѣніи и землепользованіи, какъ будто ничего больше и нѣтъ, что заслуживало бы вниманія и рассмотрѣнія при оцѣнкѣ общиннаго быта, между тѣмъ, какъ уже было укавано въ предыдущихъ главахъ, общинный порядокъ землевладѣнія опредѣляетъ совершенно своеобразный строй всѣхъ гражданскихъ правоотношеній въ крестьянскомъ быту, а не однихъ только отношеній по земельнымъ надѣламъ.

Основа гражданскихъ правоотношеній въ общинномъ быту та же самая, какая была и въ крѣпостномъ состояніи; разница лишь въ томъ, что при крѣпостномъ правѣ собственникомъ земли былъ помѣщикъ, который въ силу этого былъ и господиномъ крестьянъ, пользовавшихся его землею. Въ общинномъ быту собственникомъ земли сдѣлался міръ, который, поэтому, совершенно логично является господиномъ надъ отдѣльными крестьянскими домохозяйствами и надъ самими крестьянами. Ему принадлежитъ вся полнота господской власти. Въ своихъ видахъ и интересахъ онъ имѣетъ власть запретить крестьянскимъ дворамъ дѣлиться, чтобы не ослаблялась сила отдѣльныхъ податныхъ тягль, т. е. ограничиваетъ семейственныя права отдѣльныхъ крестьянъ; въ тѣхъ же видахъ онъ имѣетъ власть не только передѣлить между отдѣльными дворами надѣльную землю, производить переверстку надѣловъ, свалку и навалку тягль и т. п., но имѣетъ «право на урегулированіе посѣвовъ, производимыхъ отдѣльными его членами на участкахъ мірской земли, т. е. имѣетъ право вмѣшательства въ хозяйственную обработку и способы культуры, производимые отдѣльными домохозяевами на ихъ надѣльныхъ участкахъ» (рѣшеніе Правительствующаго Сената 10-го сентября 1891 г. № 4791). Мало того:

какъ разъясниль Сенатъ, сельскій міръ имѣеть право запретить отдѣльнымъ крестьянамъ наниматься на работу за ту плату, которую онъ признаеть недостаточной, и вообще міръ имѣеть право «постановлять приговоры по всѣмъ дѣламъ, отъ рѣшенія коихъ въ томъ или иномъ смыслѣ можетъ зависѣть степень благосостоянія сельскаго общества, а слѣдовательно и отдѣльныхъ его членовъ» (рѣшеніе Правительствующаго Сената 4-го октября 1891 г. № 5447). По той же логикѣ сельскій міръ «имѣеть право воспретить своимъ членамъ такое отчужденіе принадлежащаго имъ имущества, которое не вызывается разумною потребностью и можетъ въ послѣдствіи привести общество къ необходимости платить по круговой порукѣ недоимки за сихъ членовъ или даже содержать ихъ семейства» (Ів. 12-го ноября 1891 г. № 6484). Если прибавить, что сельскій міръ можетъ при существованіи за кѣмъ-либо недоимокъ отказать въ возобновленіи паспорта на отлучку, отобрать надѣль, подвергнуть даже тѣлесному наказанію, отказать въ выдачѣ увольнительнаго свидѣтельства и тѣмъ, между прочимъ, закрыть доступъ въ учебныя заведенія, находящіяся въ городахъ, и на службу гражданскую (п. 4 ст. 29 общаго полож. о крестьянахъ), а лицъ, считаемихъ имъ вредными и порочными,

представить въ распоряженіе правительства безъ суда и слѣдствія,—то врядъ ли можно еще что-нибудь придумать для полноты правъ этого новаго господина крестьянъ надъ ихъ личностью и имуществомъ.

Вполнѣ также логично и послѣдовательно, что отдѣльный крестьянскій дворъ, который является отвѣтчикомъ передъ міромъ за каждаго своего члена, имѣетъ относительно отдѣльныхъ лицъ, его составляющихъ, обширную власть, ограничивающую ихъ личныя и имущественныя права, какъ объ этомъ уже достаточно говорено въ предыдущихъ главахъ.

Весьма естественно, что послѣ ряда этихъ ограниченій правъ отдѣльныхъ лицъ въ пользу міра и двора крестьянинъ оказывается лишеннымъ главнѣйшихъ инаиболѣе существенныхъ гражданскихъ правъ. И это есть прямое, логическое послѣдствіе общиннаго быта. Вотъ именно это важное обстоятельство постоянно и упускается изъ виду защитниками общиннаго землевладѣнія: Они или не видятъ, или не хотятъ видѣть, что защищаютъ не что иное, какъ крѣпостное—въ новомъ видѣ—состояніе крестьянъ-общинниковъ, называемое ими «благомъ», котораго едва ли желаютъ себѣ самимъ...

Здѣсь необходимо сдѣлать оговорку о томъ, что общинный бытъ, имѣющій свои корни въ общинномъ землевладѣніи, не составляетъ, къ сожалѣнію, исключительной принадлежности тѣхъ только мѣстностей, въ которыхъ преобладаетъ общинное землевладѣніе, и послѣднее въ настоящихъ очеркахъ противопоставляется отнюдь не тому подворному землевладѣнію, которое установлено и нормировано крестьянскими положеніями, а тому порядку вещей, который опредѣляется общими гражданскими законами. Смѣшеніе нынѣшняго крестьянскаго подворнаго землевладѣнія съ этимъ послѣднимъ порядкомъ послужило основаніемъ очень грубой, но ни мало не убѣдительной критики защищаемыхъ мною положеній, появившейся въ газетѣ «Право» (№№ 17 и 18 за 1902 г.). Подворное землевладѣніе, нормируемое крестьянскими положеніями, имѣетъ, на самомъ дѣлѣ, гораздо болѣе общаго съ общиннымъ землевладѣніемъ, чѣмъ съ тѣмъ порядкомъ вещей, основой котораго служатъ наши гражданскіе законы, какъ это отмѣчено мною еще въ 1898 г. въ моей статьѣ: «Личность въ общинномъ быту» («Русское Экономическое Обзорѣніе» январь, 1898 г., стр. 66 и 67). «Общинное начало, проникающее весь крестьянскій бытъ,—писалъ я въ этой статьѣ, наиболѣе полно проведено въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ

установлено общинное землевладѣніе, но и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ такъ называемое подворное или участковое землевладѣніе, то же общинное начало нашло достаточно широкое примѣненіе», что и не удивительно, такъ какъ центръ тяжести работъ по осуществленію реформы 19 февраля 1861 г. составляли проекты устройства крестьянскаго быта въ губерніяхъ великороссійскихъ, для которыхъ общинное землевладѣніе было положено «во главу угла». Прочія мѣстныя положенія были поверхностной переработкой порядковъ, установленныхъ для Велико-россіи и главнымъ образомъ въ той части, которая касается порядка землевладѣнія, при чемъ основанія благоустройства, согласованныя для Великороссіи съ общиннымъ началомъ, почти безъ измѣненія примѣнены и къ мѣстностямъ с подворнымъ землевладѣніемъ. Что изъ этого вышло, о томъ достаточно понятіе можетъ дать слѣдующій отзывъ газеты «Кіевлянинъ», имѣющей возможность близко наблюдать мѣстности съ преобладающимъ подворнымъ землевладѣніемъ. «Хотя общинное владѣніе существуетъ только въ великорусскихъ губерніяхъ, но вліяніе его сильно отражается и на остальной Россіи. Благодаря этому вліянію, и въ мѣстностяхъ съ участковымъ землевладѣніемъ не разработана до

настоящаго времени юридическая структура личной крестьянской поземельной собственности, а существуетъ какая-то межеумочная форма, все болѣе и болѣе запутывающаяся. На крестьянинѣ, участковомѣ владѣльцѣ, лежатъ тяжелыя общинныя путы, связывающія всѣ его хозяйственныя операци обязательнымъ общимъ сѣвооборотомъ и общимъ выпасомъ и лишающія его возможности распорядиться какъ своимъ полемъ, такъ и своей усадьбою. Хотя и при такихъ крайне неблагоприятныхъ условіяхъ участковое владѣніе оказалось болѣе производительнымъ и лучше обезпечивающимъ крестьянское хозяйство въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ, однако, крестьяне не могли воспользоваться главнѣйшими выгодами личной собственности, а потому хозяйство ихъ остается однообразнымъ и шаблоннымъ и не можетъ вызвать той личной энергіи, предприимчивости, на которыхъ покоются успѣхи сельскохозяйственной дѣятельности» («Кіевлянинъ», 1902 г. № 113). Такимъ образомъ многое изъ того, что говорится объ общинномъ бытѣ, всецѣло примѣнимо и къ мѣстностямъ съ по дворнымъ землевладѣніемъ.

Многообразными ограниченіями личныхъ правъ, о которыхъ говорено выше, далеко еще не исчерпываются слѣдствія общиннаго строя граждан-

скихъ правоотношеній въ крестьянскомъ быту. Другое не менѣе важное и не менѣе жестокое, но точно также вполне логичное, даже неизбежное слѣдствіе того же строя — это жизнь внѣ положительнаго гражданскаго закона и невозможность законодательной нормировки гражданскихъ правоотношеній. И тутъ полная аналогія съ крѣпостнымъ состояніемъ, съ тою развѣ разницей, что въ крѣпостномъ состояніи крестьяне имѣли въ своемъ господинѣ очень часто человѣка болѣе или менѣе просвѣщеннаго, культурнаго, понимающаго основы правильнаго гражданскаго правопорядка, тогда какъ новый господинъ крестьянъ — сельскій міръ — такъ же темень, какъ и вся сельская масса, но при этомъ лишень чувства нравственной отвѣтственности и порядочности и сплошь и рядомъ болѣе чѣмъ доступень самымъ дряннымъ вліяніямъ, особенно, когда проводникомъ послѣднихъ является достаточное количество зелена-вина. Многочисленные факты изъ сельской хроники, официальнымъ путемъ удосто-вѣренные и зарегистрированные, рисуютъ такія невѣроятныя, истинно «варварскія» отношенія сельскаго міра къ слабѣйшимъ своимъ членамъ — вдовамъ, сиротамъ и т. д., что становится стыдно не за крестьянъ конечно — они темные и безпо-

мощные люди,—а за нашу образованность и культуру, которая могутъ уживаться бокъ-о-бокъ съ этимъ царствомъ тьмы, матеріально и нравственно порабащующимъ десятки милліоновъ русскихъ людей!

Но обратимся къ ближайшему выясненію этого тезиса о невозможности закона и законности въ гражданскихъ правоотношеніяхъ при общинномъ бытѣ.

Нечего и говорить, конечно, что X т., которымъ опредѣляется гражданскій правопорядокъ въ не-крестьянскомъ быту, совершенно несовмѣстимъ съ отмѣченными основами гражданского правопорядка въ общинномъ быту. Основа всего современнаго гражданского оборота у насъ, по сю сторону X тома, это—свобода личности и индивидуальная собственность, т. е. прямо противоположная основамъ общиннаго быта. Съ X томомъ мы сростаемся съ первыми проблесками сознанія. Какимъ же образомъ мы стали бы составлять для чуждаго намъ общиннаго быта особый гражданскій кодексъ на началахъ отрицанія индивидуальности вообще и личности и индивидуальной собственности—въ особенности? Естественно поэтому, что мысль объ изданіи особаго сельскаго устава, признававшего необходимымъ при самомъ освобожденіи крестьянъ, такъ и оста-

лась *pium desiderium*. И такъ ос баго гражданскаго кодекса для крестьянъ нѣтъ и негдѣ его взять, ибо некому въ образованной средѣ явиться выразителемъ особаго правосознанія въ общинномъ духѣ, который совершенно ей чуждъ. Сами же крестьяне, какъ только они оказываются въ такомъ положеніи, что могли бы взять на себя эту исключительную миссію, т. е. какъ только становятся образованными людьми, обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ оказываются столь же далекими отъ общиннаго духа и столь же чуждыми общинному быту. Такимъ образомъ, у насъ есть превосходные юристы (съ высокимъ научнымъ цензозомъ), вышедшіе изъ крестьянской среды, а юристовъ для сочиненія общиннаго гражданскаго права все-таки не находится и едва ли когда найдутся таковые изъ людей, не кривящихъ душой, ибо это было бы все равно, какъ если бы христіанинъ взялся составить символъ вѣры для магометанъ.

Не слѣдуетъ поэтому удивляться, что составители проекта новаго гражданскаго уложенія совершенно оставляютъ въ сторонѣ «крестьянское право» и весь особый гражданскій правопорядокъ въ крестьянскомъ быту, а имѣютъ въ виду исключительно ту же часть русскаго населенія, которая живетъ по X тому, ибо новое гражданское уложеніе можетъ внести многія существенныя

улучшенія и дополненія въ нынѣшнемъ нашемъ гражданскомъ кодексѣ, но не можетъ положить въ основу гражданского оборота какія-либо инныя начала, чѣмъ какія приняты въ X томѣ, и тѣмъ болѣе не можетъ взять на себя неразрѣшимую задачу сочетать и согласить по существу діаметрально противоположныя начала. Редакціонная комиссія по составленію новаго гражданского уложенія скорѣе заслуживаетъ упрека съ другой стороны, а именно, что, имѣя въ своемъ распоряженіи богатый фактическій матеріаль, выясняющій невозможное и неправдоподобное въ цивилизованной странѣ состояніе внѣположительнаго гражданского закона трехъ четвертей населенія, тѣмъ не менѣе не взяла на себя рѣшительно высказаться противъ этой вопіющей аномаліи и даже входила, напримѣръ, по вопросу о крестьянскихъ опекахъ (самая печальная часть гражданскихъ правоотношеній въ крестьянскомъ быту, ибо сироты тамъ обречены прямо на «потокъ и разграбленіе» опекунами и сельскимъ міромъ), въ сужденія о томъ, какъ лучше поставить это дѣло на почвѣ особаго «крестьянскаго права», изъ чего конечно не могло выйти ничего путнаго, ибо нельзя же считать устройствомъ этого важнаго дѣла передачу его изъ рукъ сельскаго схода въ руки волостного

суда, какъ проектируетъ эта комиссія ¹⁾). Въ концѣ концовъ какъ составители крестьянскихъ положеній 1861 г., такъ и составители новаго гражданскаго уложенія уклонились отъ невыполнимой задачи составленія для крестьянскаго быта, втиснутого въ общинныя условія, чего-либо походяго на положительный законъ, который нормировалъ бы гражданскія правоотношенія въ этомъ быту. вмѣсто закона положительнаго, который былъ бы всѣмъ извѣстенъ и съ которымъ въ своихъ гражданскихъ отношеніяхъ крестьяне могли бы сообразоваться, имъ предоставлено руководство ваться «мѣстными обычаями».

Эта подробность крестьянскаго бытоустройства, какъ одно изъ послѣдствій общиннаго строя, тоже имѣетъ у насъ среди образованнаго общества не мало горячихъ сторонниковъ и поклонниковъ и тоже едва ли не исключительно по недоразумѣнію. «Мѣстные обычаи», замѣняющіе положительный законъ, рисуются въ видѣ «обычнаго права», т. е. нѣкоторой системы правовыхъ нормъ, выработанныхъ народною жизнью въ соотвѣтствіи съ правосознаніемъ народа и насущными потребностями его быта. Въ дѣйствительности же никакой системы «обычно правовыхъ

---

¹⁾ Н. Бржескій. «Очерки юридическаго быта крестьянъ». Спб. 1902 г. Стр. 46.

нормъ» не оказывается, и всѣ попытки открыть и установить такую потерпѣли полнѣйшее фіаско, да и неудивительно, ибо, какъ теперь уже многіе убѣждаются, какія же «правовыя нормы» могли твердо сложиться у населенія, 2¹/₂ столѣтія находившагося въ крѣпостномъ состояніи?

Какъ справедливо замѣчаетъ г. Н. Бржескій въ своемъ послѣднемъ изслѣдованіи юридическаго быта крестьянъ, «обычное право, выработанное сознаниемъ крестьянства при крѣпостныхъ порядкахъ, не могло удовлетворить запросамъ новыхъ правовыхъ потребностей. Бытъ сельскаго населенія во многомъ складывался иначе. Реформа 19-го февраля 1861 г. поколебала всѣ устои прежняго сословно-крѣпостного государства. Патриархальный строй крѣпостной русской деревни все болѣе и болѣе отходилъ въ вѣчность. Семейныя и имущественныя отношенія въ крестьянской средѣ послѣ реформы усложнялись и запутывались, измѣнялся исподволь самый укладъ крестьянской семьи въ смыслѣ усиленія кровнаго начала передъ трудовымъ, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ развивается и принимаетъ нерѣдко весьма рѣзкія формы имущественное неравенство среди членовъ одной и той же общины.

Ясно, что обычное гражданское право, выработанное крестьянствомъ при крѣпостныхъ порядкахъ, не соответствовало, не могло соответствовать правосознанію народной массы, вышедшей на волю, очутившейся въ совершенно иныхъ условіяхъ общественнаго, имущественнаго и даже семейнаго быта».

Совершенно въ томъ же смыслѣ высказались недавно «Русскія Вѣдомости» (№ 27 отъ 27-го января 1902 г.), что особенно интересно и назидательно, такъ какъ эта газета принадлежитъ къ числу сторонниковъ общиннаго быта.

Общій результатъ изслѣдованій обычнаго права крестьянъ и состоянія правосудія въ крестьянскихъ судахъ, которыя производились правительствомъ и частными лицами послѣ освобожденія крестьянъ, привелъ почтенную газету къ слѣдующему заключенію: «Оказалось прежде всего, что дореформенные порядки мало содѣйствовали выработкѣ твердыхъ и опредѣленныхъ юридическихъ обычаевъ въ крестьянской средѣ. Если же по нѣкоторымъ вопросамъ и образовалась болѣе или менѣе устойчивая обычная практика, то она во многомъ не могла подойти къ условіямъ крестьянскаго быта, сложившимся послѣ реформы 1861 года. Такимъ образомъ на первыхъ порахъ

своего существованія освобожденное крестьянство осталось по весьма многимъ вопросамъ гражданскаго права безъ всякаго руководства».

Защитники общиннаго строя увѣряютъ, что сами крестьяне вполне съ ними согласны въ оцѣнкѣ этого строя. Объ этомъ уже было говорено; въ отношеніи разсматриваемой подробности общиннаго строя собственное мнѣніе крестьянъ заявлено съ особенною опредѣленностью, когда производилось извѣстное обслѣдованіе волостныхъ судовъ. Вотъ что заявляли тогда крестьяне въ разныхъ мѣстностяхъ: «Обычаи теперь не существуютъ,—ихъ позабыли»; «кореннаго обычая своего у насъ нѣтъ»; «никакіе обычаи не соблюдаются»; «обычаевъ никакихъ нѣтъ»; «опредѣленныхъ мѣстныхъ обычаевъ у насъ нѣтъ»; «никакихъ мѣстныхъ крестьянскихъ обычаевъ у насъ нѣтъ и судьи такихъ обычаевъ не знаютъ»; «сходы и волостной судъ теперь не руководствуются обычаями, которыхъ теперь не существуетъ»; «при рѣшеніи дѣлъ судьи (волостные) не руководствуются мѣстными крестьянскими обычаями, потому что у всякой бабы свой обычай—гдѣ ихъ знать». Сами волостные судьи заявляли, что они руководствуются при разборѣ дѣлъ собственнымъ благоусмотрѣніемъ, не считая обязательнымъ для

себя соображаться съ обычаями. Такъ, напримѣръ, при распредѣленіи наслѣдства сельскіе сходы и волостные суды принимаютъ во вниманіе «только обстоятельства дѣла», «хозяйственный бытъ крестьянъ», «нравственность каждаго изъ наслѣдниковъ», «глядя по человѣку», «по здравому смыслу» и т. д. ¹⁾).

---

¹⁾ Н. Бржескій. «Очерки юрид. быта крест.», стр. 69.

IX.

Уловія гражданскаго оборота при замѣнѣ положительнаго закона мѣстными обычаями.—Невозможность органовъ охраняющихъ законность и правомѣрность въ гражданскомъ оборотѣ крестьянъ.—Волостной судъ и волостные судьи.—Контрабандное вторженіе въ волостную юстицію X тома ч. I св. зак. — Безсиліе крестьянскихъ начальствъ противъ «обычнаго безправія».

Гражданскій оборотъ своимъ движеніемъ охватываетъ всю хозяйственную жизнь и дѣятельность какъ отдѣльныхъ людей—отъ рожденія до смерти, такъ и цѣлаго общества. Здѣсь самыя разнообразныя интересы постоянно соприкасаются, переплетаются и весьма нерѣдко сталкиваются,—притомъ насущнѣйшіе интересы, которые у огромнаго большинства людей преобладаютъ и господствуютъ надъ всѣми другими. Повтому необходимость положительнаго закона, ясно и твердо указывающаго каждому опредѣленное мѣсто въ этомъ сложномъ оборотѣ, здѣсь осязательнѣе и нагляднѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области

человѣческой дѣятельности и жизни. Только положительнымъ закономъ можетъ быть обезпечено необходимое согласованіе всѣхъ разнообразныхъ и нерѣдко противоположныхъ интересовъ гражданскаго оборота, безъ чего даже идеально устроенный судъ не разобрался бы въ подробностяхъ этого оборота и вмѣсто гармоніи здѣсь неизбѣжно водворился бы хаосъ, исключаящій самую возможность планомѣрной хозяйственной дѣятельности.

Между тѣмъ, освободившись отъ крѣпостной зависимости и ставъ въ условія общиннаго быта съ всеобъемлющею властью сельскаго міра, но безъ всякаго положительнаго закона, который нормировалъ бы отношенія личныя, семейныя и по имуществу, крестьяне очутились примѣрно въ такомъ положеніи, какъ если бы у не-крестьянъ, живущихъ по X тому, этотъ послѣдній вдругъ исчезъ безъ замѣны чѣмъ-нибудь другимъ,—даже въ худшемъ положеніи, ибо у не-крестьянъ все-таки многое существенное сохранилось бы въ памяти и въ привычкахъ изъ исчезнувшаго закона, а у крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостнаго состоянія, въ памяти и привычкахъ оставались такіе обычаи, которые сложились и годились при крѣпостномъ бытѣ, а для свободнаго состоянія очевидно могли годиться лишь въ самой ни-

чтожной долѣ. И тѣмъ не менѣе мѣстный обычай замѣнилъ и продолжаетъ замѣнять для крестьянъ положительный законъ, т. е. правильнѣе сказать, ставить ихъ внѣ положительнаго закона. Надо дать себѣ ясный отчетъ въ послѣдствіяхъ этого своеобразнаго, едва ли не безпримѣрнаго въ цивилизованномъ мірѣ положенія.

Если «мѣстный обычай» замѣняетъ положительный законъ, то очевидно тѣмъ самымъ принципиально исключается возможность какого-либо единства въ нормахъ гражданскаго права: что правильно въ одномъ мѣстѣ, то неправильно въ другомъ, и наоборотъ. А вѣдь хозяйственная дѣятельность крестьянина не замыкается же въ одной своей деревнѣ? Онъ беретъ жену для сына въ сосѣдней деревнѣ; онъ покупаетъ, продаетъ, занимаетъ, вступаетъ въ договоры и обязательства сплошь и рядомъ за чертой своей волости. Его сыновья и дочери нанимаются на работу точно также сплошь и рядомъ на сторонѣ, живутъ тамъ, входятъ въ разныя сдѣлки, умирая оставляютъ имущество или наследуютъ послѣ смерти родителей и т. д. Какими же обычаями во всѣхъ такихъ случаяхъ долженъ крестьянинъ руководиться— обычаями своей деревни, или той чужой, съ которою онъ такъ или иначе вошелъ въ соприкосновеніе своими имущественными интересами?

Возникаетъ споръ о томъ или другомъ гражданскомъ правѣ. Возникаетъ столкновение разнородныхъ хозяйственныхъ интересовъ, личныхъ или по имуществу. Кто компетентенъ рѣшить этотъ споръ, примирить эти интересы? Очевидно ни начальство, ни судъ, руководящіеся общими законами, совершенно тутъ не компетентны поддерживать правую сторону, охранить законность, ибо общій законъ не даетъ и не можетъ дать никакихъ указаній, кто изъ спорящихъ правъ, какой интересъ законный, какой—беззаконный.

Непримѣнимость въ общинномъ строѣ общаго гражданского закона приводитъ къ тому, что ни органы администраціи, ни органы суда, дѣйствующіе по общему закону, не могутъ быть защитниками законности, охранять правомѣрность отношеній въ гражданскомъ оборотѣ у крестьянъ. И вотъ за введеніемъ мѣстныхъ обычаевъ въ качествѣ суррогата положительнаго закона возникаетъ необходимость введенія точно также суррогата суда, въ видѣ особаго волостного суда. Какъ говорится въ одномъ официальномъ толкованіи, «патріархальному характеру этого учрежденія считалось необходимымъ открыть широкій просторъ въ выборѣ способовъ выясненія дѣйствительной сущности дѣла, согласно мѣстнымъ обычаямъ и утановившейся практикѣ», и хотя для волостныхъ

судей не установлено даже требованіе грамотности, но «при разборѣ гражданскихъ дѣлъ волостной судъ не стѣсненъ никакими формальными требованіями», и «волостные судьи имѣютъ право свободно, по совѣсти и внутреннему убѣжденію оцѣнивать предъявляемые сторонами доводы и могутъ рѣшать дѣла на основаніи какъ письменныхъ доказательствъ и свидѣтельскихъ показаній, такъ равно и всѣхъ другихъ, вытекающихъ изъ дѣла или имѣющихся въ распоряженіи суда данныхъ»¹⁾.

Между тѣмъ къ компетенціи волостного суда отнесены всѣ гражданскія дѣла, имѣющія предметомъ: а) споры и тяжбы между крестьянами о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла; б) всякаго рода споры и тяжбы между людьми, подвѣдомственными волостному суду, цѣною до 300 руб. за исключеніемъ исковъ о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, основанномъ на крепостномъ или явочномъ актахъ; в) дѣла по наслѣдованію и раздѣламъ между наслѣдниками крестьянскаго имущества — безъ ограниченія

---

¹⁾ И. Л. Горемыкинъ. «Сводъ узаконен. и распор. прав. объ устройствѣ сельскаго состоянія и учреж. по кр. дѣламъ» Изд. 1900 г. Т. I, ч. I, стр. 216—217.

суммы, когда наследственное имущество входит въ составъ крестьянскаго надѣла, а движимость составляетъ принадлежность этого надѣла, и на сумму не свыше 500 р., когда наследственное имущество, находящееся въ предѣлахъ волости, не входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла (ст. 15 врем. правилъ о волост. судѣ).

Итакъ, волостной судъ, судящій по обычаю, вмѣсто положительнаго закона, не связанный никакими формальностями и составленный изъ судей, для которыхъ не обязательна даже грамотность, вѣдаетъ рѣшительно весь гражданскій оборотъ въ крестьянскомъ быту какъ по недвижимости, такъ и по движимому имуществу, ибо при годовомъ бюджетѣ крестьянскаго двора въ 200—300 р. движимость, служащая предметомъ судебного разбирательства въ волостномъ судѣ, рѣдко можетъ превысить 300 р.

Превосходное положеніе для волостныхъ судей—суди какъ вздумается, ибо ничего другого не остается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, на которые никакого обычая не установилось. Но превосходно ли оно для тѣхъ лицъ, которыя ищутъ въ судѣ защиты своихъ нарушенныхъ гражданскихъ правъ или того, что они считаютъ своимъ правомъ? Къ чести волостныхъ судей, т.-е. вѣрнѣе сказать—здраваго смысла крестьянъ, надобно

сказать, что они охотно обращаются къ Х т. во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда знаютъ о немъ, когда, на примѣръ, писарь можетъ подыскать тамъ подходящую статью. Многочисленныя свѣдѣнія объ этомъ имѣются въ фактическихъ матеріалахъ, собранныхъ комисіей по преобразованію волостныхъ судовъ, а также доставленныхъ губернскими совѣщаніями по пересмотру крестьянскихъ положеній. Но контрабандное пользованіе Х т., при содѣйствіи невѣжественнаго писаря, хотя и смягчаетъ очерченное исключительное положеніе крестьянъ въ отношеніи судебной защиты ихъ гражданскихъ правъ, однако отнюдь не настолько, чтобы могло мѣшать судьямъ, когда имъ это почему-нибудь нужно (чаще всего подъ вліяніемъ угощенія, подарковъ или какого-либо давленія извнѣ), сочинить ad hoc «мѣстный обычай» и порѣшить дѣло по собственному благоусмотрѣнію. Такая практика волостныхъ судовъ засвидѣтельствована всѣми лицами, такъ или иначе имѣвшими случай наблюдать ее, не исключая официальныхъ мѣстъ и лицъ, и едва ли далеко отъ истины новѣйшій изслѣдователь юридическаго быта крестьянъ, г. Н. Бржескій, выразившійся на основаніи разобраннаго имъ богатаго фактическаго матеріала о наслѣдованіи у крестьянъ, что «вмѣсто обычнаго права уста-

навливается въ крестьянскомъ быту обычное безправіе» ¹⁾).

Власти, надзирающія за крестьянскимъ судомъ,—земскіе начальники, уѣздные съѣзды и даже самъ Сенатъ поставлены въ самое шекотливое положеніе по отношенію къ неправосуднымъ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, основывающимся якобы на «мѣстныхъ обычаяхъ». Какъ эти власти могутъ судить, дѣйствительно ли есть въ данной деревнѣ обычай, на который ссылается судъ, или этотъ обычай имъ самимъ выдуманъ, чтобы прикрыть неправоое свое дѣйствіе? И какое они могутъ имѣть основаніе вмѣшиваться въ такія дѣйствія волостного суда, если самъ законъ предоставляетъ послѣднему дискреціонную власть судить по обычаю, по совѣсти, и по убѣжденію, ничѣмъ не стѣсненному? Такъ какъ законность и правомѣрность дѣйствій тутъ исключены принципиально, потому что гражданскаго закона нѣтъ, то въ концѣ концовъ всякое рѣшеніе волостного суда является произвольнымъ, и такимъ же будетъ неизбѣжно всякое вмѣшательство въ это рѣшеніе со стороны земскаго начальника или уѣзднаго съѣзда. Не одна, такъ другая сторона будутъ обвинять судъ и началь-

¹⁾ «Очерки юрид. быта крестьянъ», стр. 102.

ство въ произволѣ и беззаконіи и будутъ считать себя жертвой судейскаго и начальческаго неправосудія. Самые безупречные волостные судьи, самые идеальные земскіе начальники безсильны передъ этимъ невозможнымъ положеніемъ, когда имъ приходится вершить дѣла о кровныхъ, насущныхъ интересахъ крестьянъ, не имѣя никакого положительнаго руководства въ законѣ.

А мы обвиняемъ крестьянъ въ неуваженіи къ закону и законности, къ праву собственности, къ договорамъ и т. д. Откуда взялось бы у нихъ такое уваженіе?

Х.

Условія кредита въ крестьянскомъ быту. Совѣтъ «Сельскаго Вѣстника». Отсутствие правопреемства по долговымъ обязательствамъ. Охрана крестьянскаго надѣльнаго имущества дѣлаеть послѣднее безкредитнымъ. Трудоспособность, какъ основа кредита. «Кабальные люди» стараго времени. Кредитъ подъ отработки. Трудоспособность и кредитоспособность—не одно и то же. Условія взысканія съ крестьянъ по частнымъ долгамъ. Безкредитность крестьянъ дѣлаеть ихъ жертвой ростовщичества.

Характеристика гражданскаго оборота при томъ правопорядкѣ, который сложился въ крестьянскомъ быту подъ вліяніемъ общинныхъ началь, была бы не полна, если бы ко всему сказанному не было добавлено, что въ этомъ оборотѣ при данныхъ условіяхъ до чрезвычайности затруднено удовлетвореніе насущной потребности крестьянскаго хозяйства въ доступномъ, дешевомъ кредитѣ. Выше уже было упомянуто, что надѣльныя земли, т. е. главная реальная цѣнность въ крестьянскомъ хозяйствѣ, безкредитны,

ибо совершенно изъяты изъ кредитнаго оборота. Но почти въ такомъ же положеніи и движимое крестьянское имущество, составляющее принадлежность надѣльной земли. Вдобавокъ нѣтъ правопреимства, въ силу котораго отвѣтственность по долговымъ обязательствамъ вмѣстѣ съ обезпечивающимъ ихъ имуществомъ переходитъ къ наслѣдникамъ должника. По сенатскому разъясненію сынъ не отвѣчаетъ за долги отца при замѣнѣ послѣдняго во главѣ домохозяйства. Комментируя это сенатское опредѣленіе, «Сельскій Вѣстникъ», издающійся для волостныхъ правленій, которымъ онъ высылается бесплатно, и рассчитанный вообще на читателей въ крестьянской средѣ, недавно (въ № 14 отъ 7 апрѣля 1902 г.) преподалъ этимъ своимъ читателямъ слѣдующій совѣтъ: «Нужно помнить, что тотъ, кто приметъ отцовское наслѣдство, не обязанъ платить долги отца тогда, если наслѣдство состоитъ только изъ надѣльнаго имущества».

Названная крестьянская газета предпосылаетъ своему совѣту пространное и обстоятельное объясненіе, со ссылкой на сенатское рѣшеніе (1898 г. 5-го апрѣля).

Логика тутъ простая и ясная. Надѣльная земля не есть личная собственность того или другого крестьянина. При общинномъ землевладѣніи она

собственность всего сельскаго общества, при подворномъ—двора. Въ обоихъ случаяхъ отецъ, стоящій во главѣ домохозяйства, есть лишь «временный владѣлецъ» надѣла и всего того имущества, которое относится къ хозяйству въ надѣльной землѣ, т.-е. живого и мертваго инвентаря, запасовъ сѣменного и продовольственнаго хлѣба и т. п. «Временный владѣлецъ» остается такимъ, очевидно, лишь до тѣхъ поръ, пока его не замѣнитъ другой, и никакихъ личныхъ правъ на сказанное надѣльное имущество не имѣетъ а потому, естественно, тутъ не можетъ быть и правопреемства при переходѣ надѣльнаго имущества отъ одного временнаго владѣльца къ другому такому же. Это все равно, какъ если бы на данной землѣ смѣнился арендаторъ. Очевидно арендаторъ послѣдующій не обязанъ отвѣчать за арендатора предыдущаго; какъ и земля, ими арендуемая, не можетъ отвѣтствовать по ихъ обязательствамъ.

Такимъ образомъ «Сельскій Вѣстникъ», преподавая своимъ читателямъ совѣтъ не платить отцовскіе долги, если сынъ унаслѣдовалъ отъ отца только надѣльное имущество, — вовсе не впадаетъ въ какую-нибудь предосудительную ересь. Правительствующій Сенатъ, служащій, какъ извѣстно, хранилищемъ законовъ, гораздо кате-

горичнѣ въ этомъ отношеніи. Онъ развяснилъ сверхъ того, что и отецъ не обязанъ платить долговъ сына, и вообще, что «недоразумѣнія о степени отвѣтственности общесемейнаго имущества по сдѣлкамъ или правонарушеніямъ отдѣльныхъ членовъ семьи должны разрѣшаться не иначе, какъ въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, послѣдствіемъ которыхъ является отвѣтственность, представляютъ собою проявленія той хозяйственно-экономической жизни, центромъ которой является цѣлая семья, обладающая имуществомъ, подвергаемымъ отвѣтственности» (Указъ 30-го сентября 1898 г.). Формула если и нѣсколько туманная, зато чрезвычайно эластическая, такъ что съ ея помощью всякое обязательство кого-либо изъ членовъ крестьянскаго двора, въ томъ числѣ и обязательство долговое, преспокойно можетъ быть оставлено безъ исполненія, ибо не угодно ли доказать, что какое бы то ни было обязательство «представляетъ собою проявленіе той хозяйственно-экономической жизни, центромъ которой является цѣлая семья»? Да и какъ вы можете это знать, ссужая крестьянину въ долгъ деньги, хлѣбъ или какой другой предметъ? Надо сперва произвести цѣлое изслѣдованіе о соротношеніи каждаго даннаго обязательства къ «той хозяй-

ственно-экономической жизни, центромъ которой является цѣлая семья».

Правда, порядокъ этотъ, какъ сказано, относится только къ имуществу надѣльному. Но много ли крестьянъ, у которыхъ есть имущество внѣнадѣльное? Слѣдовательно, въ примѣненіи къ обыкновенному положенію въ крестьянскомъ быту разсматриваемый порядокъ имѣетъ значеніе общаго правила.

Защитники общинныхъ началъ и порядковъ, по странной логикѣ, увѣряютъ, что охрана крестьянскаго надѣльнаго имущества совмѣстима съ обезпеченіемъ крестьянскому хозяйству доступнаго кредита, въ доказательство чего ссылаются на существованіе охраняемыхъ имуществъ въ разныхъ странахъ, особенно на американскіе homestead'ы, которые не закрываютъ ихъ владѣльцамъ кредита. Но этого рода аргументы являются очевиднымъ недоразумѣніемъ. Американскіе homestead'ы уживаются безъ всякихъ затрудненій съ дѣйствіемъ общаго гражданскаго кодекса, въ которомъ допущены лишь извѣстныя изъятія насчетъ этого вида землевладѣнія, отнюдь не тождественнаго съ нашимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ и не имѣющаго послѣдствіемъ уничтоженіе права личной собственности, почему, за исключеніемъ извѣстнаго ограждаемаго минимума

имущества, у американскаго владѣльца homestead'a всегда имѣется собственность, состоящая въ полномъ его распоряженіи и дающая ему соотвѣтственную кредитоспособность.

Не надо быть глубокимъ знатокомъ юридическихъ и экономическихъ наукъ, чтобы понимать, что охрана всякаго имущества сводится на практикѣ главнымъ образомъ къ изъятію этого имущества изъ оборота по кредитнымъ сдѣлкамъ, ибо задолженность всегда и всюду составляетъ для владѣльца имущества опасность потерять последнее. Вотъ почему и американскіе homestead'ы и всякія другія охраняемыя имущества не могутъ быть закладываемы, т.-е. не могутъ служить обезпеченіемъ по ссудамъ. Очевидно, слѣдовательно, что на всю сумму охраняемаго имущества владѣлецъ его лишенъ кредитоспособности. Это не значитъ, конечно, что владѣлецъ охраняемаго имущества не можетъ дѣлать долговъ; но его ограниченная кредитоспособность всегда учитывается кредиторомъ и влечетъ за собой или уменьшеніе кредита, или повышеніе процента по ссудѣ въ обезпеченіе риска. Быть можетъ по количеству кредитныхъ сдѣлокъ, даже большая ихъ часть приходится на долю людей нуждающихся, но безкредитныхъ, которые, поѣтому, ни въ одномъ правильно функционирующемъ кредитномъ учре-

жденіи не могутъ сдѣлать займа, но тѣмъ усиленнѣе обиваютъ пороги ростовщиковъ.

Повидимому, это понимаютъ и защитники общинныхъ началъ и порядковъ, а потому особенно не настаиваютъ на годности охраняемаго имущества для обезпеченія по ссудамъ. Но тѣмъ настойчивѣе утверждаютъ, что основой деревенскаго кредита можетъ служить трудоспособность и трудолюбіе крестьянина. Это послѣднее мнѣніе очень распространенное и потому тщательное выясненіе его особенно важно.

Какъ извѣстно, сущность всякой кредитной сдѣлки состоитъ въ томъ, что изъ двухъ участвующихъ въ сдѣлкѣ сторонъ одна уступаетъ другой какую-либо цѣнность (деньги, товары, права и т. д.) подъ условіемъ возврата къ опредѣленному сроку равноцѣнности. Къ числу цѣнностей, которыми можно расплачиваться за долги, несомнѣнно принадлежитъ и человѣческій трудъ, если конечно, должникъ можетъ свободно располагать своимъ трудомъ (что тоже не всегда бываетъ), а кредиторъ нуждается въ наемномъ трудѣ и можетъ использовать предлагаемый взаменъ ссуды трудъ. Этого рода кредитныя операціи, дѣйствительно, самыя распространенныя въ крестьянскомъ быту и служатъ въ рукахъ болѣе состоятельныхъ людей обычнымъ средствомъ ростовщи-

ческой эксплуатаці крестьянъ. Въ старое время тотъ же видъ кредита породилъ у насъ даже особый классъ кабальныхъ людей, просуществовавшій съ XV вѣка до Петра I, который объединилъ кабальныхъ съ крѣпостными. Въ своей сущности этотъ видъ кредита и въ настоящее время остается кабальнымъ и инымъ не можетъ быть по двумъ весьма вѣскимъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что трудъ, какъ предметъ залога, подверженъ многочисленнымъ случайностямъ, не зависящимъ даже отъ воли человѣка, которыя между тѣмъ могутъ обезцѣнить этотъ залогъ. Напримѣръ, заемщикъ можетъ къ условленному сроку заболѣть, умереть, оказаться въ отлучкѣ, не говоря уже о томъ, что такой трудъ всегда менѣе производительенъ и что заемщикъ можетъ одновременно заложить свой трудъ и другому кредитору, что такъ часто бываетъ, напримѣръ, при зимнемъ наймѣ крестьянъ на лѣтнія работы; а все это обуславливаетъ для кредитора рискъ, который всегда удорожаетъ ссуду въ геометрической пропорціи. Вышедшее недавно изслѣдованіе г. Липскаго «О цѣнахъ на рабочія руки при заблаговременномъ наймѣ на сельскохозяйственные работы» даетъ богатый фактический матеріалъ, выясняющій какъ степень распространенности этого деревенскаго кредита, такъ и его

чрезвычайную дороговизну, не оставляющую сомнѣнія, что въ большинствѣ случаевъ это прямо ростовщическій кредитъ. Другая причина помогаетъ первой и состоитъ въ томъ что трудъ, какъ непосредственное обезпеченіе по ссудѣ, можетъ быть использованъ только такимъ кредиторомъ, который лично нуждается въ наемномъ трудѣ. Слѣдовательно, кредиторъ тутъ всегда внѣ конкуренціи со стороны правильно организованныхъ учреждений мелкаго кредита, ибо послѣднія не могутъ использовать трудъ заемщика для погашенія выданной ему ссуды, а между тѣмъ, при невозможности для большинства крестьянъ обезпечить ссуду инымъ образомъ, предложеніе труда въ залогъ чаще всего превышаетъ спросъ на трудъ, особенно въ извѣстные періоды года, когда крестьяне наиболѣе нуждаются въ деньгахъ. Слѣдовательно, кредиторъ является полнымъ хозяиномъ въ кредитныхъ сдѣлкахъ этого рода и даже, сдирая шкуру съ заемщика, не безъ основанія считаетъ себя его благодѣтелемъ, ибо, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ крестьянину деньги бываютъ нужны, какъ говорится, до зарѣзу, и ростовщическая ссуда все-таки лучше его устраиваетъ, чѣмъ невозможность добыть деньги.

Въ этомъ ли смыслѣ говорится о трудоспо-

способности, какъ «основѣ кредита»? Повидимому, нѣтъ, ибо тогда не было бы рѣшительно никакого основанія говорить о хорошо организованныхъ и правильно функционирующихъ учрежденіяхъ мелкаго народнаго кредита: подобныя учрежденія хотя бы имѣлись въ изобиліи по всѣмъ деревнямъ, ни на іоту не облегчили бы кредита тѣмъ крестьянамъ, которые могутъ кредитоваться только подъ такъ называемые отработки.

Надо поэтому думать, что рѣчь идетъ о трудоспособности, какъ основѣ кредита, лишь въ томъ единственномъ смыслѣ, что трудоспособность заещика обусловливаетъ вѣроятность созданія его трудовыми усиліями новыхъ цѣнностей, которыя собственно и служатъ въ этомъ случаѣ обезпеченіемъ по ссудѣ. Но чѣмъ же разнится цѣнность *in spe*, еще только вѣроятная, какъ результатъ трудоспособности,—отъ цѣнности уже созданной трудомъ, имѣющейся налицо? И если цѣнности послѣдняго рода въ крестьянскомъ обиходѣ, могущія служить обезпеченіемъ по кредитнымъ обязательствамъ, ничтожны, то почему же цѣнности только еще ожидаемыя отъ того же крестьянскаго труда, которымъ созданы цѣнности наличныя, окажутся значительнѣе послѣднихъ? Это явный парадоксъ, не требующій опроверженія.

Если, такимъ образомъ, трудоспособность мо-

жетъ быть основой кредита лишь постольку, поскольку она ручается за производство новыхъ цѣнностей усиленіемъ заемщика, то, очевидно, эта основа, кредита рѣшительно ничѣмъ не разнится отъ общей основы всякаго кредита, т. е. имущественной право- и дѣеспособности заемщика и его состоятельности, а потому и въ вопросѣ о мелкомъ кредитѣ на первый планъ должно быть поставлено обсужденіе именно общихъ условій кредита при наличности охраны крестьянскаго имущества.

Условія эти, какъ о томъ можно заключать а priori, болѣе чѣмъ неблагоприятны для кредита, что и подтверждается ближайшимъ ознакомленіемъ съ соответствующими постановленіями крестьянскихъ положеній. Такъ, въ этихъ положеніяхъ имѣется общее правило (ст. 24 общ. пол. о крестьян.) и засимъ еще особья спеціальныя правила о порядкѣ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ и многочисленныя сенатскія разъясненія по тому же предмету, твердо установившія неотвѣтственность крестьянскаго надѣльнаго имущества по частнымъ долгамъ. Въ силу этихъ узаконеній только имущество, не составляющее необходимости въ хозяйствѣ, можетъ быть обращено на покрытіе долговъ при неисправности заемщика. Но много ли крестьянъ, у которыхъ

есть лишнее имущество? Вдобавокъ и это лишнее имущество не есть чья-либо личная собственность, а есть: собственность двора, притомъ въ такой юридической структурѣ, что, за отсутствіемъ правопреемства по имуществу, дворъ не отвѣчаетъ за долги своихъ отдѣльныхъ членовъ, отецъ за дѣтей, дѣти за отца и т. д. При такихъ условіяхъ трудоспособность немного измѣнить условія кредитоспособности. Если, напримѣръ, крестьянинъ на ссуду купитъ лошадь, а другой лишней лошади у него нѣтъ, то по упомянутымъ правиламъ эту лошадь, при неисправности заемщика, продать нельзя. Чѣмъ же обезпечивается въ такомъ случаѣ ссуда?

Ирландскіе фермеры, на которыхъ тоже у насъ ссылаются въ доказательство возможности кредита безъ обезпеченія имуществомъ, совсѣмъ въ иномъ положеніи: у нихъ нѣтъ собственной земли и усадьбы, но зато все имущество, какое у нихъ есть, составляетъ ихъ полную личную собственность, а сверхъ того за ними закономъ обезпечено право на вознагражденіе за всѣ тѣ улучшения, какія они сдѣлаютъ въ арендуемомъ участкѣ, а это тоже цѣнность, которая вмѣстѣ съ движимостью служитъ добавочнымъ обезпеченіемъ по ссудѣ, получаемой деньгами на покупку лошади или плуга, почему для кредитора и опасно, что

до погашенія ссуды лошадь можетъ издохнуть, а плугъ—сломаться.

Положеніе нашего крестьянина, который ищетъ кредитоваться, если у него нѣтъ внѣнадѣльной земли или какого-либо другого имущества, владѣемаго на правахъ частной собственности, т. е. по X тому, правильнѣе сравнить съ положеніемъ тѣхъ людей, которые выдаютъ векселя, будучи лишены этого права или не имѣя его. Какъ извѣстно, и по такимъ векселямъ бываютъ платежи, но только лютые ростовщики рискуютъ подобной кредитной операціей, требуя написанія векселя на тройную и болѣе сумму и со всей суммы начисляя установленные проценты. Платятъ и крестьяне по своимъ долговымъ обязательствамъ, пока еще не прониклись добрыми совѣтами «Сельскаго Вѣстника». Будутъ, конечно, платитъ и получивъ этотъ совѣтъ, но будутъ платитъ исправнѣй всего ростовщику, который сумѣетъ себя обезпечить помимо крестьянской юриспруденціи. Но возможна ли при такомъ положеніи вещей широкая дѣятельность кредитныхъ учреждений, производящихъ свои операціи корректно? Отвѣтъ ясенъ и безъ словъ. Вотъ почему примѣръ Германіи или Даніи, который обыкновенно ставится намъ для подражанія, рѣшительно къ намъ не подходитъ. Ничего подобнаго это-

му крестьянскому правопорядку тамъ, конечно, нѣтъ.

И у насъ въ Царствѣ Польскомъ, какъ уже говорено, народный кредитъ получилъ правильную и твердую постановку и обслуживаетъ край отлично, организованный въ видѣ цѣлой сѣти гминныхъ кассъ, изъ года въ годъ преуспѣвающихъ. А почему? Потому, что тамъ на мелкій кредитъ смотрятъ такъ же, какъ и на всякій другой, а имущественный правопорядокъ крестьянъ опредѣляется кодексомъ Наполеона, т. е. на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, какъ и въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ у не-крестьянъ.

Въ томъ-то и дѣло, что у насъ охрана крестьянскаго имущества заходитъ слишкомъ далеко и не оставляетъ крестьянину почти ничего, что давало бы ему сколько-нибудь стойкую основу кредитоспособности, при отсутствіи которой можно имѣть подъ бокомъ десятки кредитныхъ учреждений, наилучшимъ образомъ организованныхъ, и всетаки не имѣть возможности ни на одинъ грошъ въ нихъ кредитоваться. Если боязнь ростовщическаго кредита есть оправдательный мотивъ для всеобъемлющей охраны крестьянскаго имущества, то не слѣдуетъ закрывать глаза и на обратную сторону этой охраны, ибо именно благодаря ей крестьянинъ обреченъ на жертву ро-

стовщическому кредиту, потому что правильно организованныя кредитныя учреждения встрѣчаютъ множество затрудненій для отправленія своей дѣятельности въ крестьянской средѣ, что и доказывается плачевной судьбой всѣхъ попытокъ по организаціи мелкаго кредита въ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе усердно охраняется крестьянское имущество. Напротивъ, въ Царствѣ Польскомъ, въ Юго-Западномъ и Прибалтійскомъ краяхъ, отчасти на Югѣ, гдѣ эта охрана слабѣе, учреждения мелкаго кредита растутъ въ числѣ и въ объемѣ дѣятельности, а населеніе, вспомоствуемое въ своей хозяйственной дѣятельности правильнымъ кредитомъ, зажиточнѣе и даже устойчивѣе на землѣ.

Охрана крестьянскаго имущества имѣетъ прямъмъ логическимъ послѣдствіемъ безкредитность охраняемыхъ; но такъ какъ нужда въ кредитѣ не уничтожается этой охраной, то всѣ положительныя стороны охраны съ лихвой покрываются огромнымъ развитіемъ ростовщичества въ деревнѣ, и въ результатѣ цѣлостъ охраненнаго имущества не охраняетъ владѣльцевъ послѣдняго отъ самой жалкой нищеты и экономической безпомощности, порабащующей ихъ кулакамъ и міроѣдамъ.

XI.

Крестьянство у насъ не сословіе, а особый міръ. — Такое положеніе создалось въ пореформенное время. — Изъ переписки Ю. Ф. Самарина, А. Кошелева и кн. В. А. Черкаскаго. — Положеніе 19 февраля 1861 г. открывало крестьянамъ постепенный переходъ къ общему гражданскому правопорядку.

Выясненныя въ предыдущихъ статьяхъ главныя черты общиннаго строя въ крестьянскомъ быту и условія, которыя опредѣляются этимъ строемъ для хозяйственной дѣятельности и для всего вообще гражданского оборота крестьянъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что наше крестьянство образуетъ не сословіе въ общепринятомъ значеніи этого термина, а совершенно особый міръ, въ самыхъ основахъ своего гражданского правопорядка рѣзко отличающійся отъ всѣхъ остальныхъ общественныхъ группъ населенія Россіи. Послѣднія имѣютъ извѣстныя различія по сословіямъ, по преобладаю-

шему роду дѣятельности, по уровню образованія и проч., но въ своемъ гражданскомъ правопорядкѣ объединены общимъ закономъ, одинаковыми правами личными, семейными и имущественными, общими судебными и административными учрежденіями и, какъ послѣдствіе этого внѣшняго юридическаго объединенія, онѣ въ значительной мѣрѣ объединяются и внутренне, несмотря на всѣ индивидуальныя различія и относительную свободу выбора жизненнаго пути,—одинаковымъ правосознаніемъ, общими руководящими началами практической дѣятельности, одинаковыми стремленіями и въ основѣ тождественными идеалами и воззрѣніями во всѣхъ главнѣйшихъ сферахъ гражданской жизни.

Такимъ образомъ въ нашемъ отечествѣ образовалось два совершенно обособленныхъ міра, которые живутъ бокъ-о-бокъ, входятъ между собой въ разнообразныя соотношенія, но живутъ каждый по-своему и въ главныхъ подробностяхъ своего быта и своего гражданского правопорядка діаметрально противоположны другъ другу, причемъ особый міръ крестьянства количественно значительно превосходитъ тотъ другой міръ, который живетъ по X тому.

Ничего подобнаго не представляетъ ни одна цивилизованная страна. Вездѣ есть различія иму-

щественныя, классовыя и т. п., вездѣ есть извѣстный антагонизмъ отдѣльныхъ классовъ и общественныхъ группъ, но чтобы какой-нибудь отдѣльный классъ общества имѣлъ другіе гражданскіе законы, чѣмъ всѣ остальные классы того же общества, или даже совсѣмъ не имѣлъ никакихъ положительныхъ гражданскихъ законовъ,— того нигдѣ нѣтъ, и у насъ этого тоже не было ни до крѣпостного права, ни даже во время крѣпостного права. По особенностямъ послѣдняго гражданскій правопорядокъ у крѣпостныхъ крестьянъ представлялъ, конечно, многочисленныя ограниченія правъ личныхъ, семейственныхъ и имущественныхъ; но въ основѣ онъ уже потому не могъ быть инымъ, чѣмъ у не-крестьянъ, что весь гражданскій оборотъ у крѣпостныхъ крестьянъ нормировался главнымъ образомъ волею помѣщика, который самъ жилъ по X тому и въ своемъ правосознаніи, конечно, стоялъ на началахъ общаго гражданскаго закона.

Впрочемъ, мы имѣемъ и прямое указаніе въ томъ смыслѣ, что въ дореформенный періодъ, несмотря на болѣе рѣзко выраженный тогда сословный строй государства, крестьянство отнюдь не составляло столь глубоко обособленнаго міра, какъ теперь. Вѣдь даже большая половина крестьянъ, именно такъ называемые государствен-

ные крестьяне, были свободными сельскими обывателями, не знавшими крѣпостного права. Находились ли они въ такомъ обособленномъ положеніи, въ какомъ находятся теперь крестьяне? Несомнѣнно, нѣтъ. Въ этомъ легко убедиться изъ всего дореформеннаго законодательства о государственныхъ крестьянахъ. Памятникомъ этого законодательства до сихъ поръ остается въ нашемъ сводѣ законовъ уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (т. XII, ч. 2). Здѣсь мы отнюдь не находимъ въ качествѣ основы гражданскаго правопорядка того коллективизма, который теперь сдавливаетъ весь гражданскій оборотъ у крестьянъ и сдѣлалъ невозможнымъ примѣненіе въ крестьянскомъ быту общихъ гражданскихъ законовъ. Гражданскій правопорядокъ въ основныхъ чертахъ былъ у государственныхъ крестьянъ тотъ же самый, какъ и у не-крестьянъ. Всѣ тяжбы и споры по имуществу на сумму свыше 15 руб. разбирались общими судебными установленіями и на основаніи общихъ гражданскихъ узаконеній (ст. 321 и 366) и т. д. Конечно, по духу и особенностямъ времени государственные крестьяне находились подъ дѣятельнымъ попечительствомъ начальства, между прочимъ и въ своихъ частныхъ и семейныхъ дѣлахъ. Такъ, напримѣръ, семья не могла

раздѣлиться безъ дозволенія начальства, но личная свобода крестьянъ не была въ такой мѣрѣ ограничена въ пользу міра, какъ теперь.

Такимъ образомъ нынѣшній крестьянскій коллективизмъ, составляющій основу гражданскаго правопорядка въ крестьянскомъ быту и будто бы воплощеніе «исконныхъ русскихъ началъ», есть созданіе пореформенной эпохи.

Чувство справедливости и благодарная память къ дѣятелямъ крестьянской реформы обязываютъ здѣсь сказать, что сами они отнюдь не задавались цѣлью замкнуть крестьянство въ обособленный міръ и направить его гражданское развитіе по столь своеобразному пути коллективизма.

Въ настоящее время вышелъ изданный княгиней Трубецкой первый томъ чрезвычайно интересныхъ матеріаловъ для біографіи князя В. А. Черкаскаго, одного изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ подготовительныхъ работахъ по крестьянской эмансипаціи. Изъ приведенной здѣсь переписки кн. В. А. Черкаскаго съ Ю. Ф. Самаринымъ и А. И. Кошелевымъ, относящейся ко времени работъ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, и изъ другихъ собранныхъ въ книгѣ матеріаловъ легко убѣдиться, что эти крупнѣйшіе дѣятели крестьянской реформы смотрѣли на общинное землевладѣніе совѣмъ не такъ, какъ

смотрятъ на него его нынѣшніе сторонники и защитники. Вотъ что писалъ Ю. Ф. Самаринъ въ первой книжкѣ Кошелевскаго журнала «Сельское Благоустройство», въ 1858 г.: «По мѣрѣ того, какъ увеличивается въ земледѣліи участіе труда и капитала, замѣняя дѣйствіе даровыхъ силъ природы; увеличивается затруднительность и несправедливость передѣловъ земли, а слѣдовательно и общиннаго владѣнія. Между тѣмъ очевидно, что совершенствованіе земледѣлія ведетъ именно къ постепенному расширенію участія мысли, воли, труда, капитала, и что причины, заставившія нашихъ помѣщиковъ отказаться въ среднихъ губерніяхъ отъ ежегодныхъ передѣловъ (еще недавно повсемѣстно существовавшихъ) и ввести продолжительные сроки пользованія пашнею, потребуютъ современемъ совершеннаго прекращенія передѣловъ. Допущеніе ихъ черезъ долгіе или неопредѣленные сроки есть только переходной моментъ на пути къ этому результату, моментъ, на которомъ нельзя удержаться, ибо трудность не побѣждена, а только отсрочена¹⁾».

Такимъ образомъ Ю. Ф. Самаринъ, котораго

---

¹⁾ Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкаскаго. Стр. 156.

считаютъ чуть не главнымъ виновникомъ про-
 ведения общиннаго землевладѣнія въ крестьян-
 скихъ положеніяхъ, какъ свидѣтельствууетъ эта
 выдержка изъ его статьи, совершенно ясно ви-
 дѣль невозможность сохраненія общиннаго зе-
 млевладѣнія въ качествѣ нормальнаго для кре-
 стьянъ порядка вещей. Еще опредѣленнѣй это вы-
 ражено въ другой статьѣ Ю. Ф. Самарина, напе-
 чатанной въ томъ же «Сельскомъ Благоустрой-
 ствѣ», въ декабрьской книжкѣ 1858 г. Здѣсь онъ
 говоритъ: «Защищая хозяйственную общину *у*
насъ въ Россіи въ настоящее время (курсивъ въ
 подлинникѣ), я, однако, не выдаю ее за форму
 безукоризненную и общепримѣнимую. Мнѣ даже
 не вѣрится, чтобы возможно было изобрѣсти та-
 кую форму. Общинное землевладѣніе имѣетъ свои
 существенныя неудобства, которыхъ я не скры-
 валъ. Въ немъ таится внутреннее противорѣчіе,
 свидѣтельствующее, что эта форма не можетъ
 быть вѣковѣчною, а должна измѣниться путемъ
 свободнаго развитія. Чѣмъ разрѣшится противо-
 рѣчіе, лежащее въ общинномъ землевладѣніи, на
 какія мѣры наведетъ современемъ потребность
 устранить его неудобства и какое направленіе
 приметъ развитіе народнаго хозяйства?—эти во-
 просы мы смѣло можемъ предоставить будущему.
 По крайней мѣрѣ, я лично сознаю себя неспо-

собнымъ составить программу для цѣлаго народа на сто лѣтъ впередъ ¹⁾».

Въ одномъ частномъ письмѣ къ А. И. Кошелеву, Ю. Ф. Самаринъ, съ отличавшею его ясностью мысли, необыкновенно мѣтко указаль тѣ практическія соображенія, которыя были главною опорою общиннаго землевладѣнія при разработкѣ основаній крестьянской реформы: «Не понимаю,— писалъ онъ—почему васъ такъ озабочиваетъ вопросъ объ общинѣ? Въ практическомъ отношеніи онъ не имѣетъ никакой важности, ибо разрѣшеніе его не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. *Это можетъ быть единственный вопросъ въ которомъ интересы казны и помѣщиковъ совпадаютъ съ народнымъ обычаемъ (курсивъ нашъ).* Оппозиція противъ общиннаго владѣнія въ пользу личной собственности идетъ не отъ помѣщиковъ или правительства, а отъ ученыхъ или почитающихъ себя учеными, во имя такъ называемой науки ²⁾».

Несомнѣнно, это такъ и было. Какъ справедливо указаль «Кіевлянинъ», цитируя этотъ отрывокъ изъ письма Ю. Ф. Самарина (№ 113 за 1902 г.), «надѣлъ cadaго крестьянина землю въ личную

¹⁾ Ibid., стр. 161.

²⁾ Ibid., стр. 158.

собственность, съ отводомъ и отмежеваніемъ каждой дѣлянки земли, представлялъ бы въ то время такую огромную работу межевую и административную, что высшіе правительственные органы рѣшительно пугались этой работы. Дѣло въ высокой степени упрощалось отводомъ земли цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ, не входя ни въ какія дальнѣйшія подробности, а потому идея передачи выкупленной земли въ общинное владѣніе была весьма популярна въ Петербургѣ. Для помѣщиковъ, по тѣмъ же соображеніямъ, было гораздо пріятнѣе при отбываніи повинностей имѣть дѣло съ крестьянскимъ обществомъ, отвѣчавшимъ за своихъ членовъ, нежели съ отдѣльными крестьянами. Когда былъ рѣшенъ вопросъ о выкупѣ надѣловъ при посредствѣ правительства, то казна считала важнѣйшимъ условіемъ исправнаго взноса выкупныхъ платежей круговую поруку, хотя впоследствии опытъ показалъ, что эта гарантія далеко не надежна».

Одинъ А. И. Кошелевъ упорно стоялъ за общину и горячо спорилъ съ своими сотрудниками — Ю. Ф. Самаринымъ и кн. Черкасскимъ, но его доводы были слабы, а мысли объ общинѣ — неясны. Такъ, отвѣчая Ю. Ф. Самарину на приведенные отзывы его объ общинѣ, А. И. Кошелевъ допускалъ наследственное — безъ передѣловъ — общин-

ное землевладѣніе и даже увѣрялъ, въ письмѣ къ Ю. Ф. Самарину, что это его мнѣніе «не есть догадка, предположеніе, а фактъ; усадьбы находятся не въ общинномъ владѣніи, а въ наслѣдственномъ пользованіи; то же должно сказать о коноплянникахъ во многихъ имѣніяхъ и о хорошихъ полевыхъ земляхъ, которыя также въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ не подлежатъ передѣлу. Наслѣдственное пользованіе есть въ будущемъ необходимая форма владѣнія общинною землею. Этимъ однимъ можно устранить тѣ неудобства, на которыя вы указали съ такимъ краснорѣчіемъ, что вами восхищаются наши противники ¹⁾». На это Ю. Ф. Самаринъ не безъ ѣдкости отвѣтилъ Кошелеву: «Допустивши возможность прекращенія передѣловъ, вы, eo ipso, отреклись отъ общиннаго владѣнія. Вы сдѣлали гораздо больше уступокъ, нежели я». На другую мысль А. И. Кошелева, чтобы и усадебная осѣдлость выкупалась не иначе, какъ міромъ, Ю. Ф. Самаринъ отвѣтилъ, что «съ этимъ онъ никакъ не согласенъ, потому что, de facto, усадьбы разсматриваются крестьянами уже почти какъ личная собственность ²⁾».

Князь В. А. Черкасскій не только не былъ согла-

---

¹⁾ Ibid., стр. 158.

²⁾ Ibid., стр. 158.

сенъ съ А. И. Кошелевымъ, но даже и Ю. Ф. Самарина упрекалъ въ излишнемъ увлеченіи общиною. Такъ въ письмѣ къ Самарину по поводу его спора съ Кошелевымъ кн. Черкасскій говоритъ:

«Совершенно согласенъ съ вами, что А. И. (Кошелевъ) зашелъ слишкомъ далеко въ поклоненіи общинѣ. Не знаю, совершенно ли я согласенъ съ вами насчетъ ея будущности; думаю, что и вы грѣшите тѣмъ же, чѣмъ и Кошелевъ; но онъ—ужь изъ рукъ вонъ». Возвръніе Кошелева кн. Черкасскій называетъ «ересью противъ развитія историческаго». Въ письмѣ Кошелеву по тому же предмету кн. Черкасскій говоритъ: «Самаринъ совершенно правъ въ своемъ замѣчаніи: наслѣдственное пользование совершенно разрушаетъ общину. А вы правы, когда говорите, что таковъ, однако, необходимый результатъ ея. Дѣло только въ томъ, что тогда нѣтъ уже общины, а остается только черезполосное владѣніе землею съ мірскимъ устройствомъ. Это и есть окончательный исходъ вашей общины. Такъ скоро и будетъ, если принять скоро въ смыслѣ историческомъ¹⁾».

Вотъ какъ смотрѣли на общину тѣ дѣятели крестьянской реформы, которые въ редакціон-

¹⁾ Ibid., стр. 161 и 177.

ныхъ комиссіяхъ были главными идейными защитниками общиннаго землевладѣнія. Какъ удивились бы они, если бы могли видѣть, что сдѣлала община съ великой освободительной реформой и какъ извратила она благородныя, возвышенныя намѣренія, которыя одушевляли Царя-Освободителя и его славныхъ сподвижниковъ, въ томъ числѣ и ихъ самихъ! Но во всякомъ случаѣ не этого они хотѣли и не на нихъ должна лечь отвѣтственность передъ исторіей за нынѣшній крестьянскій правопорядокъ.

Въ самыхъ Положеніяхъ 19-го февраля содержится весьма много достаточно опредѣленныхъ указаній о томъ, что творцы этихъ положеній разсматривали, какъ временныя, тѣ особенности крестьянскаго бытоустройства, которыя привели теперь къ совершенному обособленію крестьянъ въ отношеніи гражданскаго правопорядка. Таковъ весь раздѣлъ I Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Въ первой главѣ этого раздѣла (статьи 21—30), о правахъ личныхъ и по состоянію, — на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространяется общее постановленіе законовъ о свободныхъ сельскихъ обывателяхъ. Коллективизма, который теперь окрашиваетъ въ своеобразный цвѣтъ весь гражданскій правопорядокъ у кре-

стьянъ, здѣсь совсѣмъ не замѣтно, а въ отношеніи семейныхъ правъ и обязанностей сказано даже, что на крестьянъ распространяются «общіе гражданскіе законы». Точно также въ главѣ 2-й, о правахъ по имуществу, говорится о «правѣ собственности» у крестьянъ, очевидно, не въ какомъ-либо иномъ смыслѣ, а въ томъ самомъ, какъ разумѣлось это право и въ отношеніи некрестьянъ, т.-е. по X-му тому. Объ «общемъ владѣніи» здѣсь говорится какъ объ одномъ лишь изъ видовъ владѣнія, когда собственность пріобрѣтается цѣлымъ обществомъ. Но тутъ же постановлено (ст. 36), что каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣренный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли. Вслѣдъ затѣмъ (въ ст. 37) пояснено, что это право крестьянъ относится и къ надѣльнымъ землямъ и усадьбамъ. Наконецъ, въ этотъ же отдѣлъ включено постановленіе (статья 33) о томъ, что каждый крестьянинъ можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижымыя и движымыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими, съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ на сей предметъ для сель-

скихъ обывателей. Совершенно понятно, что всѣ эти постановленія не могли бы получить мѣста въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, если бы имѣлось въ виду направить послѣдующее развитіе гражданскаго правопорядка въ крестьянскомъ быту по иному пути, чѣмъ путь, опредѣляемый нашимъ X-мъ томомъ. Изъ матеріаловъ, относящихся ко времени освобожденія крестьянъ, точно также извѣстно, что обусловленное выкупомъ и круговой порукой по этой операціи особое положеніе въ отношеніи нѣкоторыхъ подробностей гражданскаго правопорядка, установленнаго для крестьянъ, рассматривалось какъ временное, до окончанія выкупа, и по мысли дѣятелей крестьянской реформы должно было служить подготовительной школой для освобожденныхъ крестьянъ къ постепенному сближенію и уравниенію ихъ съ другими сословіями на почвѣ общихъ гражданскихъ законовъ и административныхъ учреждений.

«Положеніе 19 февраля — говоритъ г. Чичеринъ¹⁾—не разрушило разомъ всего воздвигнутаго на этихъ (крѣпостныхъ) началахъ жизненнаго строя, но оно указало изъ него выходъ.

¹⁾ Б. Чичеринъ. «Пересмотръ законодательства о крестьянахъ». «С.-П.-Бург. Вѣдом.» № 327 за 1897 г.

Составители его ясно понимали, что даровать свободу человѣку значитъ дать ему право располагать своимъ лицомъ и имуществомъ по своему изволенію. Надѣляя крестьянъ землею, они не думали сдѣлать изъ нея неотъемлемую принадлежность крестьянскаго сословія. Напротивъ, положеніе вполнѣ допускало свободное передвиженіе собственности и смѣшеніе сословій... Устанавливая выкупъ надѣловъ, оно весьма далеко было отъ мысли, что человѣка можно заставить покупать землю не для себя, а для другихъ. Все право собственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и весь гражданскій порядокъ основанъ на томъ незыблемомъ правилѣ, что то, что человѣкъ покупаетъ, принадлежитъ ему, а не другому. Если покупка совершается нѣсколькими или многими лицами, то каждому принадлежитъ доля, соответствующая его взносу. Это прямо высказано въ ст. 36 Общаго Положенія, донинѣ сохраняющей полную силу. Ст. 165 Положенія о выкупѣ, дающая каждому крестьянину право лично выкупить свой надѣлъ и требовать выдѣла купленнаго участка, составляла только примѣненіе этого общаго начала». Б. Н. Чичеринъ идетъ даже гораздо дальше, утверждая, что приведенными статьями Общаго Положенія «общинное землевладѣніе обрекалось на упраздненіе». «Съ уничтоженіемъ прежняго без-

правія — говоритъ онъ — съ признаніемъ личной свободы и связанной съ нею личной собственности оно не могло держаться».

Откуда же взялся этотъ нынѣшній своеобразный и поистинѣ изумительный коллективизмъ, обособившій крестьянское населеніе отъ всего остального населенія Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ общей гражданской жизни и культурной работы страны? Этотъ вопросъ не лишень весьма серьезнаго интереса. Здѣсь наглядно можно прослѣдить, какъ опредѣленныя умственные теченія въ интеллигентныхъ слояхъ населенія глубоко и рѣшительно отражаются на всемъ ходѣ народной жизни, а слѣдовательно и самой исторіи страны.

ХІІ.

Валуевская комиссія и ея заключеніе о положеніи крестьянъ послѣ реформы 19 февраля 1861 г.—Народническое направленіе въ литературѣ и въ жизни.—Его проявленія въ государственной дѣятельности по крестьянскому бытоустройству. — Тенденціи мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений. — Практика Правительствующаго Сената.

Присматриваясь къ эволюціи русской общественной мысли по вопросамъ, опредѣляющимъ судьбы и положеніе русскаго крестьянства, нельзя не замѣтить важнаго въ этомъ отношеніи перелома въ половинѣ семидесятыхъ годовъ. Какъ извѣстно, такъ называемая валуевская комиссія, образованная въ началѣ семидесятыхъ годовъ, отнеслась очень скептически къ благамъ очерченнаго выше особаго гражданскаго порядка, созданнаго для крестьянскаго населенія. На основаніи собраннаго этой комиссіей обширнаго фактическаго матеріала, характеризовавшаго пореформенное положеніе крестьянъ въ очень мрачныхъ

краскахъ, въ то время вновь привлекъ къ себѣ вниманіе вопросъ объ общинѣ и круговой порука не въ идеологической постановкѣ, а съ точки зрѣнія ихъ фактическаго вліянія на бытъ «свободныхъ» крестьянъ. Многіе изъ спрошенныхъ комиссіей лицъ (цитируемъ въ изложеніи г. Н. Брже-скаго)¹⁾ усматривали главнѣйшее неудобство общиннаго землевладѣнія въ парализованіи крестьянскаго труда круговой порукой. «Круговая порука заставляетъ крестьянина смотрѣть и на движимое свое имущество, какъ на не вполне принадлежащую ему собственность, которая во всякое время можетъ быть продана за чужія недоимки». «Такое обязательство (т. е. круговая порука) отнимаетъ у крестьянъ охоту улучшать свое хозяйство и увеличивать количество скота, потому что скотъ можетъ быть проданъ за долгъ другого». «Круговая отвѣтственность составляетъ одно изъ истинныхъ бѣдствій для крестьянскаго населенія. Условіе, чтобы одинъ отвѣчалъ за всѣхъ и всѣ за одного, нарушаетъ право собственности и въ особенности тягостно для тѣхъ, у кого личный трудъ составляетъ все богатство». Съ своей стороны, статсъ-секретарь Валуевъ полагалъ, что «всякій успѣхъ и всякое развитіе происходятъ

¹⁾ «Круговая порука сельскихъ обществъ», стр. 68—71.

первоначально отъ личностей, выдѣлившихся изъ массы въ силу особыхъ способностей, особой дѣятельности или благопріятнаго стеченія исключительныхъ обстоятельствъ. Всякое экономическое законодательство должно стремиться къ поощренію такихъ индивидуальныхъ усилій и къ обезпеченію такихъ индивидуальныхъ успѣховъ. Общинное владѣніе и круговая порука дѣйствуютъ въ прямо противоположномъ направленіи. Удостоверивъ, на основаніи собранныхъ данныхъ, тотъ фактъ, что крестьяне обнаруживаютъ сильное стремленіе къ пріобрѣтенію въ собственность и арендованію земель и что въ средѣ крестьянъ-собственниковъ развиваются прочныя задатки будущаго разумнаго практическаго хозяйства, комиссія признала необходимымъ, въ видахъ содѣйствія частной предприимчивости и успѣхамъ земледѣлія облегчить условія выхода изъ общины тѣхъ отдѣльныхъ личностей, которыя не пожелали бы оставить за собою свои надѣлы. При разсмотрѣніи въ комитетѣ министровъ заключеній комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства, статсъ-секретарь Валуевъ заявилъ, что онъ и бывшая подъ его предсѣдательствомъ комиссія вынесли глубокое убѣжденіе въ томъ, что хотя и существуютъ мѣстности, въ которыхъ общинному владѣнію на долгое время суждено быть

преобладающей формой крестьянского хозяйства, но что вообще успешное развитие хозяйства крестьянъ встрѣчаетъ существенное препятствіе въ стѣсненіи личной хозяйственной дѣятельности тяготящими надъ ней условіями общиннаго строя. Стѣсняя свободную дѣятельность наиболѣе полезныхъ для народнаго благосостоянія членовъ крестьянскаго сословія, община парализуетъ всякую въ народѣ предприимчивость, ослабляетъ рабочую силу и уничтожаетъ возможность сбереженія. Если въ ряду экономическихъ явленій, характеризующихъ степень развитія народа, бережливость составляетъ послѣдствіе нѣкотораго образованія, то, съ другой стороны, отсутствіе обезпеченности въ сохраненіи плодовъ накопленнаго труда подрываетъ въ корнѣ возможность развитія въ народѣ духа экономіи. Между тѣмъ общинный бытъ и связанные съ нимъ передѣлы, круговая отвѣтственность исправныхъ, нравственныхъ и развитыхъ членовъ за бездѣятельныхъ и безпечныхъ, представляютъ полную необезпеченность каждому члену общины въ пользованіи плодами его личныхъ усилій. Въ виду указаннаго положенія дѣль едва ли можетъ подлежать сомнѣнію необходимость облегченія крестьянамъ выхода изъ общины ¹⁾).

¹⁾ Ibid., стр. 75—76.

Какъ извѣстно, положительныхъ результатовъ въ смыслѣ какихъ-либо измѣненій въ строеъ крестьянскаго быта комиссія статсъ-секретаря Валуева не имѣла. Произведенная ею генеральная анкета крестьянскаго быта въ условіяхъ, созданныхъ реформой 19 февраля, выяснила неудовлетворительное положеніе этого быта и указала прямую связь такого положенія съ строемъ особаго гражданскаго порядка, установленнаго для крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, какъ это ни странно на первый взглядъ, съ періодомъ работъ валуевской комиссії совпадаетъ усиленіе умственныхъ теченій въ нашемъ обществѣ, по своему отношенію къ вопросамъ крестьянскаго быта прямо противоположныхъ тенденціямъ этой комиссії. Такъ называемое «народничество» именно съ этого времени начинаетъ свои успѣхи въ міровоззрѣніи образованныхъ классовъ и въ послѣдующее десятилѣтіе становится господствующимъ направленіемъ нашей умственности, проникая постепенно во всѣ общественныя и даже правительственныя сферы,—конечно, не въ видѣ какой-либо практической программы, а скорѣе въ видѣ настроенія, выражавшагося почти мистическимъ расположеніемъ преклоняться предъ особымъ духовнымъ складомъ народа, особыми общественными его идеалами и т. д. Во всемъ этомъ было больше

идеализаціи и благородныхъ порывовъ субъективнаго чувства въ образованномъ обществѣ, чѣмъ основательной оцѣнки дѣйствительности и объективнаго изученія народныхъ нуждъ и потребностей,—того, что самъ народъ считаетъ за благо и къ чему онъ стремится. Въ своихъ крайностяхъ это движеніе выразилось даже такими—если позволительно такъ выразиться—эксцессами, какъ пресловутое «опрощеніе» и «хожденіе въ народъ»,—притомъ не только изъ демократическихъ слоевъ интеллигенціи, но даже, какъ вѣроятно многіе помнятъ, изъ аристократическихъ круговъ и великосвѣтскихъ салоновъ... Нѣкоторое положительное значеніе этого движенія едва ли переѣшиваетъ отрицательныя послѣдствія, выражающіяся прежде всего задержкой естественнаго роста основныхъ культурныхъ понятій о правѣ собственности, гражданскихъ правахъ личности и пр. и связаннаго съ нимъ экономическаго преспеянія народныхъ массъ.

Въ сущности говоря, самыми крупными статья-ми актива истекшаго 25-лѣтняго періода приходится записать лишь отмѣну подушной подати, съ одновременнымъ пониженіемъ выкупныхъ платежей, и учрежденіе крестьянскаго банка. Не безъ оговорокъ можно поставить въ тотъ же активъ и

различныя облегченія къ переселенію крестьянъ, преимущественно въ Сибирь и на средне-азіятскія окраины. Но, какъ то видно съ перваго взгляда, существо этихъ активныхъ статей таково, что ими лишь облегчается тягость положенія, созданнаго для крестьянъ особымъ строемъ ихъ гражданскаго быта, а вовсе не измѣняются основы этого строя, обусловливающія такую тягость. Напротивъ, основы крестьянскаго быта, созданнаго Положеніемъ 19 февраля какъ бы въ видѣ временнаго, переходнаго порядка, подъ вліяніемъ «народническаго» направленія, въ послѣднее 20-лѣтіе закрѣплены цѣлымъ рядомъ новыхъ мѣръ, которыя изолировали крестьянскій бытъ гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ при освобожденіи изъ крѣпостной зависимости,—и въ томъ же самомъ направленіи, которое очерчено выше и въ которомъ преобладающую черту составляетъ отрицаніе личнаго начала и стѣсненіе челоѳческой личности. Достаточно отмѣтить: упоминавшіяся уже правила 18 марта 1886 г.—о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ существуетъ общинное пользованіе мірскою полевою землею,—правила, изданныя съ цѣлью затруднить семейные раздѣлы, хотя, какъ показала послѣдующая практика, и не достигшія

этой цѣли ¹⁾); положеніе 12 іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ, которымъ существующая въ крестьянскомъ быту опека хотя поставлена подъ контроль учрежденія некрестьянскаго, но для охраны того же особаго крестьянскаго бытоустройства; законъ 14 декабря 1893 г. о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель, — законъ, внушенный самыми благими намѣреніями въ отношеніи крестьянъ, но имѣющій свою оборотную сторону въ окончательномъ закрѣпленіи крестьянъ общинъ и сельскому міру, такъ какъ этимъ закономъ, между прочимъ, отмѣнено право отдѣльныхъ домохозяевъ на досрочный выкупъ своихъ надѣловъ. Словомъ, въ общемъ результатъ народническое направленіе нашего интеллигентнаго общества закрѣпило тѣ особенности крестьянскаго бытоустройства, которыя Положеніемъ 19 февраля были установлены лишь въ качествѣ временнаго порядка — въ видахъ по-

---

¹⁾ По общему отзыву губернскихъ совѣщаній этотъ законъ остался мертвою буквою. Раздѣлы совершаются по-прежнему съ обходомъ закона и безъ согласія міра «Когда, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ семейная жизнь становится нестерпимой, замѣчаетъ г. Чичеринъ, комментируя этотъ отзывъ совѣщаній, — семья идетъ врозь и никакія силы ея не удержатъ».

степенности перехода крестьянъ къ общегражданскому порядку, и, понятно, этимъ затруднилось сближеніе крестьянскаго сословія съ другими, болѣе культурными классами общества, въ чемъ нельзя не видѣть крупнаго шага назадъ противъ эпохи освобожденія. Такимъ образомъ, въ пореформенное время существенно измѣнилось отношеніе къ Положенію 19 февраля 1861 г.: то, что при освобожденіи крестьянъ было принято въ видѣ временнаго, переходнаго порядка,— то позднѣйшимъ общественнымъ настроеніемъ, такъ сказать, освящено въ качествѣ нормальнаго положенія, подлежащаго не только охранѣ противъ вторженія въ него началъ общегражданскаго порядка, но и дальнѣйшему упроченію въ смыслѣ обособленія отъ этого послѣдняго.

Въ настоящее время, когда поставленъ на очередь общій пересмотръ законодательства о крестьянахъ, приходится констатировать, что одностороннее направленіе нашей умственности, видящее государственное благо Россіи въ увѣковѣченіи особаго строя крестьянскаго быта, коимъ этотъ бытъ изолируется отъ культурной жизни и работы образованнаго общества, далеко не утратилъ своей распространенности и своего вліянія на руководящій интеллигентный слой. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ,

что въ отвѣтахъ мѣстныхъ совѣщаній на предложенные изъ Петербурга вопросы, въ связи съ пересмотромъ законодательства о крестьянахъ, просвѣчиваетъ усиленная забота о томъ, чтобы устранить предположенія, будто нынѣшнее status quo крестьянскаго быта, воплощающее общинное начало, можетъ внушать мысль о необходимости существенныхъ измѣненій или что оно не пользуетя расположеніемъ самихъ крестьянъ. Этотъ характеръ отвѣтовъ мѣстныхъ совѣщаній уже оцѣненъ и отмѣченъ въ печати, между прочимъ, въ статьяхъ г. Н. Бржескаго, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи» за 1897—1898 гг. Г. Чичеринъ въ упоминавшейся статьѣ о пересмотрѣ крестьянскаго положенія, на основаніи тѣхъ же отвѣтовъ, говоритъ довольно рѣзко о настроеніи, въ нихъ проявившемся. «Самыя возрѣнія на крестьянство, выражающіяся въ отвѣтахъ, частью подъ вліяніемъ новѣйшаго законодательства, отзываются понятіями дореформеннаго времени... Всѣ мѣры, клонящіяся къ огражденію правъ лица, называютъ (въ отвѣтахъ) искусственнымъ разрушеніемъ общиннаго землевладѣнія, а лишеніе лица по справедливости и по закону принадлежащихъ ему правъ считаютъ порядкомъ, согласнымъ будто бы съ народными возрѣніями, тогда какъ, въ сущности, оно имѣеть

корень въ крѣпостномъ правѣ и поддерживается только теоретическими фантазіями». Въ томъ же смыслѣ и духѣ объясняетъ это настроеніе и газета «Кіевлянинъ» (въ рядѣ серьезныхъ статей).

Подъ вліяніемъ того же цикла идей, объединившихъ въ дружной работѣ мечтателей о золотомъ вѣкѣ въ невѣдомомъ будущемъ съ одной стороны и вздыхателей о невозвратномъ прошломъ — съ другой, — высшія судебна-административныя инстанціи, властно руководящія крестьянскимъ дѣломъ, настойчиво и систематически работали надъ созданіемъ очерченнаго выше коллективизма въ крестьянскомъ бытоустройствѣ и правопорядкѣ. Особенно видное мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Правительствующему Сенату, который своими чрезвычайно обильными разъясненіями и декретами, можно сказать, изодня въ день вгонялъ гражданскій оборотъ крестьянъ въ это особое русло, гдѣ коллективная собственность и коллективная воля поставлены основой правопорядка.

И вотъ теперь передъ нами на-лицо фактъ существованія въ Россіи двухъ совершенно разнородныхъ міровъ, по различію самыхъ основъ гражданскаго правопорядка другъ другу чуждыхъ и все далѣе расходящихся въ противоположныя стороны.

ХІІІ.

Моральная пониженность крестьянъ.—Неразвитость чувства законности.—Стадность, ослабляющая вліяніе церкви и школы.—Квѣтизмъ и пассивность какъ основныя черты въ характерѣ крестьянства.—Метаморфоза при переносѣ крестьянами своей дѣятельности въ условія общегражданскаго порядка.—Вторженіе въ деревню понятій культурной среды.—Послѣ 19 февраля 1861 г. одно крестьянство почти не двигается у насъ впередъ.

Но, можетъ быть, общинный строй крестьянскаго быта и обусловленный этимъ строемъ своеобразный правопорядокъ дадутъ столь важныя положительныя результаты, что ради послѣднихъ необходимо мириться съ выясненными въ предыдущихъ главахъ отрицательными сторонами того же бытового строя и правопорядка? Можетъ быть, если не сейчасъ, то хоть въ будущемъ, въ награду за нынѣшнее стѣсненіе и порабощеніе въ томъ быту челоѵческой личности, улыбаются, въ самомъ дѣлѣ, блестящія перспективы,—нѣчто въ родѣ «Золотога вѣка», наступленіе котораго,

конечно, искупить все претерпѣваемое многими десятками миллионовъ русскихъ людей подъ гнетомъ этого тяжкаго стѣсненія и порабощенія?— Можетъ быть, и мы, живущіе по X-му тому, только по недоразумѣнію не спѣшимъ наложить на самихъ себя иго общиннаго быта и предоставляемъ носить это иго однимъ крестьянамъ? Едва ли слѣдуетъ совершенно обойти эти вопросы, тѣмъ болѣе, что защитники общиннаго быта очень любятъ туманныя недомолвки насчетъ какихъ-то перспективъ, открываемыхъ этимъ бытомъ. Отстраняя пока грезы и мечты, обратимся къ фактамъ крестьянской дѣйствительности.

Казалось бы, сорокъ слишкомъ лѣтъ жизни и дѣятельности нашего крестьянства въ новыхъ условіяхъ — срокъ вполне достаточный для того, чтобы могло ясно обозначиться, насколько нынѣшній порядокъ вещей обезпечиваетъ и облегчаетъ ему духовное и матеріальное преуспѣяніе и развитіе, насколько способствуетъ росту его умственной, нравственной и экономической силы, насколько благоприятствуетъ улучшенію его личной, семейной и общественной жизни. Все это такіе вопросы, которые легко поддаются объективному, т. е. строго фактическому и безпристрастному изслѣдованію. Если не всестороннія изслѣдованія по всѣмъ этимъ вопросамъ, то во

всякомъ случаѣ многочисленныя факты и наблюденія, освѣщающіе эти вопросы, мы имѣемъ и можемъ по нимъ оцѣнивать истинное положеніе вещей въ крестьянской средѣ съ гораздо большею достовѣрностью, чѣмъ по апріорнымъ посылкамъ или по «теоретическимъ фантазіямъ». Что же свидѣлствуютъ факты, явленія и наблюденія дѣйствительности? Каково истинное положеніе вещей въ крестьянской средѣ, живущей подъ ферулой общиннаго строя?

Строгая, безпощадная логика общиннаго начала очень мало оставляетъ мѣста личности и плохо уживается съ чувствомъ человѣческаго достоинства, такъ что напрасно приписываютъ какъ бы правительственному недосмотру ту «особенность» общиннаго быта, что тамъ до сихъ поръ розга еще сохраняетъ права гражданства, въ качествѣ обычной принадлежности этого быта. Разъ человѣческая личность сама ничто и имѣетъ значеніе лишь какъ тягловая единица, то съ точки зрѣнія человѣческаго достоинства розга ничего не прибавляетъ и не убавляетъ, какъ ничего не прибавляла и не убавляла при крѣпостномъ правѣ. Существо обезличенное, лишенное своей воли, откуда крестьянинъ, оставаясь въ своей мірской средѣ, могъ бы проникнуться гордымъ чувствомъ личнаго достоинства, которое

въ нашихъ понятіяхъ сливается съ мыслью о свободномъ человѣкѣ, о гражданинѣ? Но зато совершенно естественно въ такой средѣ поддерживается и безпрепятственно развивается прямо противоположное качество — стадность, разнудывающая низменные инстинкты, какъ послѣдствіе того сознанія, что самъ по себѣ человѣкъ ни въ чемъ не воленъ, и что «на міру и смерть красна».

Во всякомъ случаѣ никто не споритъ, что уровень нравственнаго развитія въ крестьянской средѣ не поднялся послѣ освобожденія изъ крѣпостной зависимости, а многіе утверждаютъ, что этотъ уровень во многихъ мѣстахъ даже понизился.

Чувство законности, точно также несомнѣстимое съ чувствомъ безотвѣтственной стадности, совершенно отсутствуетъ. Простѣйшія человѣчскія чувства справедливости, жалости, стыда, вопреки позаяи старыхъ славянофиловъ и новѣйшихъ народниковъ, далеко не служатъ обычнымъ украшеніемъ крестьянскаго быта. Семейныя добродѣтели, почтеніе къ родителямъ, къ старшимъ, — все это теперь, по общимъ отзывамъ, ниже, чѣмъ было въ крѣпостную эпоху, потому что тогда хотя и существовала крѣпостная зависимость, но отъ лица, часто образованнаго и культурнаго,

которое не относилось безразлично къ нравамъ и нравственности крѣпостныхъ, какъ относится новый ихъ владыка—многоголовый, но безличный сельскій міръ. Откуда могъ бы запасть стимулъ къ нравственному подъему и совершенствованію?

Вліяніе церкви ослабляется тѣми же общинными началами, проникающими въ плоть и кровь, ибо церковь обращаетъ свой голосъ къ личности, одаренной волею, свободной въ своихъ поступкахъ, сознающей свою нравственную отвѣтственность, а крестьянинъ обезличенъ общиннымъ началомъ и его примѣненіемъ—стаднымъ строемъ всего быта. Засимъ вліяніе церкви и высокихъ началъ христіанской нравственности ослабляется еще и умственной тьмою, которая въ настоящее время почти такъ же густо окутываетъ крестьянскій міръ, какъ и въ дореформенное время, и съ которой борьба черезъ школу и распространеніе грамотности очень затрудняется тѣмъ же общиннымъ складомъ крестьянскаго быта, такъ какъ этотъ бытъ становится поперекъ дороги всякой попыткѣ, всякому отдѣльному усилію примѣнить къ жизни и къ дѣлу знанія, вынесенныя изъ школъ. Для личной инициативы тутъ слишкомъ мало простора; примѣненіе знаній къ хозяйству, въ видахъ его улучшенія, повело бы лишь

ко всякаго рода непріятностямъ и обидамъ, если бы предпринималось въ общинномъ быту отдѣльными лицами; а примѣненіе тѣхъ же улучшеній міромъ, хотя и наблюдается въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ, но не можетъ приниматься въ расчетъ какъ общее правило, когда дѣло идетъ о среднемъ или обыкновенномъ положеніи въ ходѣ крестьянской сельской дѣятельности. Да и самая цѣль гнаться за нововведеніями и улучшениями въ общинномъ быту далеко не столь императивна, какъ въ нашемъ гражданскомъ строѣ, гдѣ эта цѣль совпадаетъ съ личнымъ интересомъ, въ которомъ человѣкъ имѣетъ могущественнѣйшій двигатель всякаго, а въ особенности экономическаго преуспѣянія, и неустанный возбудитель энергіи, силы воли, силы ума. Но, какъ уже сказано, личный интересъ въ общинныхъ условіяхъ быта не имѣетъ благоприятной почвы для своего дѣятельнаго проявленія. Серьезная работа требуетъ большаго напряженія силъ физическихъ и умственныхъ, вызываетъ большій расходъ мускульной и мозговой энергіи, а въ общинныхъ условіяхъ немного прибавитъ работнику благосостоянія и обезпеченности. Изъ-за чего же хлопотать? И глубокій квіетизмъ почти вытѣсняетъ «интересъ» въ качествѣ движущей

пружины сельскаго люда, работающаго въ условіяхъ общиннаго быта.

Позволю себѣ цитировать здѣсь слѣдующую краснорѣчивую и глубоко вѣрную характеристику нашего сельскаго крестьянства, сдѣланную покойнымъ Кавелинымъ въ его книгѣ «Крестьянскій вопросъ» (стр. 150—151). «Крестьянинъ прежде и больше всего безусловный послѣдователь и приверженецъ обряда, обычая, заведеннаго порядка, преданія. Вся его дѣятельность, воззрѣнія, привязанности и предубѣжденія опредѣлены уже впередъ, и въ нихъ онъ движется, въ нихъ укладываетъ всю свою жизнь, не внося отъ себя лично ничего, не стараясь видоизмѣнить окружающее своей изобрѣтательностью или усиліями своего личнаго ума, своей личной воли. Крестьянинъ радуется или горюетъ, жалуется на свою судьбу или благодаритъ за нее Бога, но принимаетъ и доброе, и худое, не допуская мысли, что первое можно привлечь, съ послѣднимъ можно бороться и побѣдить. Все въ его жизни дано, предопредѣлено, представлено. Быть его мѣняется съ переменной обстоятельствъ и обстановки; но эти переменны не плодъ его личнаго почина, а являются въ его глазахъ результатомъ дѣятельности той же судьбы и тайныхъ невидимыхъ силъ, которыя управляютъ его жизнью.

Полное отсутствіе самодѣятельности, полное и всецѣлое, безграничное подчиненіе тому, что приходитъ извнѣ,—вотъ основной принципъ всего міровоззрѣнія крестьянина. Имъ опредѣляется вся его жизнь. Протестъ противъ обстановки, когда она приходится не въ моготу, выражается или бѣгствомъ, или внезапнымъ, дикимъ порывомъ разрушенія. Иначе и не можетъ поступать человѣкъ, котораго воззрѣнія по принципу исключаютъ творческую, зиждительную дѣятельность людей, какъ начало, источникъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ, какъ орудіе противъ золь и напастей».

Въ этомъ косномъ, пассивномъ мірѣ, атрофирующемъ волю, энергію, способность инициативы,—школа съ присущей ей тенденціей будить личныя силы человѣка, обречена дѣйствовать на почвѣ очень мало благодарной,—недаромъ въ сельской крестьянской средѣ такъ нерѣдко явленіе рецидива безграмотности.

Весьма естественно въ виду всего сказаннаго, что и наша культура, выросшая цѣликомъ изъ иныхъ началъ, оказывается чуждою крестьянскому быту и безсильна внести въ него что-либо изъ своей богатой сокровищницы. Нашъ культурный міръ и крестьянскій міръ—это два полюса, которые, какъ бы близко ни стояли они другъ къ другу,

остаются взаимно чуждыми. Вотъ гдѣ объясненіе того факта, подмѣченнаго многими, что сельскій крестьянскій міръ, въ своей внутренней жизни обособленный отъ не-крестьянскаго міра, относится къ послѣднему не то, что недовѣрчиво, а примѣрно такъ, какъ мы относимся къ тому, что происходитъ на театральной сценѣ: смотримъ, иногда любуемся и трогаемся, но ни на одну минуту не забываемъ, что это не настоящее.

Но весьма характерно слѣдующее явленіе: какъ скоро крестьянинъ вырвался изъ тисковъ общиннаго быта, онъ быстро и безъ затрудненій ориентируется въ нашихъ гражданскихъ порядкахъ и обнаруживаетъ большую воспримчивость къ усвоенію понятій, господствующихъ въ этомъ порядкѣ, чувствуетъ себя въ немъ, какъ дома. Куда дѣвается сельская косность и пассивность того же крестьянина, разъ онъ сбросилъ съ себя иго общиннаго быта? Взять хотя бы столь многочисленныхъ въ городскомъ населеніи представителей разныхъ трудовыхъ профессій изъ пришлыхъ крестьянъ: торговцевъ, ремесленниковъ, мастеровыхъ, артельщиковъ, разносчиковъ и т. д. Все это большею частью недавніе горожане, т. е. ставшіе горожанами лишь послѣ 19 февраля 1861 г. Но внушаютъ ли они представленіе о квіетизмѣ, неподвижности, косности деревенскаго крестья-

нина? Напротивъ, чаще всего это люди бойкіе, дѣятельные, предприимчивые, отлично знающіе и понимающіе цѣну тѣхъ благъ и преимуществъ, которыя даются нашимъ общегражданскимъ строемъ, и умѣло пользующіеся этими преимуществами. Да и мы не смотримъ на такихъ крестьянъ, какъ на незванныхъ пришельцевъ изъ особаго міра. Въ Петербургѣ никому и въ голову не придетъ, на примѣръ, чтобы сотни тысячъ крестьянъ, живущихъ здѣсь, могли судиться не по тѣмъ же законамъ, какъ и всѣ прочіе обыватели столицы, а у своихъ особыхъ судей, или чтобы кого-нибудь изъ этихъ сотенъ тысячъ крестьянъ, на примѣръ, за уличное буйство, здѣсь подвергли по судебному приговору наказанію розгами, или чтобы двумъ семейнымъ братьямъ могли запретить жить на разныхъ квартирахъ и т. д. Не только въ Петербургѣ, но и въ любомъ городѣ или даже деревенскомъ — фабричномъ, заводскомъ или промысловомъ — пунктѣ съ крестьянами такъ не поступаютъ, и нельзя поступить, если только крестьянинъ не въ своемъ сельскомъ общинномъ строѣ, что навѣрное имѣетъ крупную долю вліянія въ отмѣченномъ выше фактѣ сильнаго тяготѣнія крестьянъ на сторону. Но какая должна получиться невообразимая путаница въ понятіяхъ этого самаго крестьянина, если, проживши въ условіяхъ

общегражданскаго порядка, онъ затѣмъ, такъ или иначе, возвращается въ свой общинный деревенскій міръ! Не только у него, но и у окружающихъ людей, непокидавшихъ деревни, подъ вліяніемъ понятій, приносимыхъ изъ другого міра, теряется всякій критерій, чтобы разобратъся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что можно и чего нельзя, что законно и что незаконно, къ кому обращаться съ тѣмъ или инымъ дѣломъ, кому жаловаться, у кого просить защиты. Такое вліяніе общегражданскаго порядка больше всего врывается въ деревенскій бытъ вмѣстѣ съ потребностями личной независимости, для которой въ общинномъ бытѣ нѣтъ обезпеченнаго удовлетворенія. Не здѣсь ли причина столь обычныхъ нынѣ жалобъ на своеволіе и распущенность крестьянской среды, на развитіе сутяжничества у крестьянъ и проч. и проч.?

Если хоть немного вѣрить въ логику фактовъ, то, казалось бы, трудно не остановиться передъ такимъ, бьющимъ въ глаза, явленіемъ: за 40 съ лишнимъ лѣтъ со дня крестьянской реформы и даже именно главнѣйше вслѣдствіе этой реформы, Россія, живущая въ условіяхъ общаго гражданскаго порядка, совершила огромное поступательное движеніе въ развитіи своихъ производительныхъ силъ, въ расширеніи своей хозяйственной

работы, въ умноженіи всякаго рода средствъ и способовъ къ эксплуатаціи своихъ природныхъ богатствъ, которыхъ всюду открылось великое изобиліе; крестьянство же, поставленное въ условія общиннаго быта, несмотря на дарованную ему свободу, не только не двигалось впередъ въ своей хозяйственной дѣятельности, не только не увеличило свое матеріальное благосостояніе, но все это время давало безсмѣнную и неистощимую тему для сужденій объ упадкѣ благосостоянія, о крайней экономической немощи и т. д. И надо прибавить: всѣ отрицательныя черты экономического положенія крестьянства въ наибольшей степени присущи мѣстностямъ, гдѣ крестьянство живетъ преимущественно или исключительно земледѣліемъ, т. е. гдѣ вліяніе нынѣшнихъ общинныхъ порядковъ и общиннаго быта наибольшее. Это послѣднее положеніе очень рельефно обрисовано въ одной изъ статей г. Головина, посвященныхъ «предстоящему пересмотру крестьянскихъ положеній» («С.-Петербург. Вѣдом.» 15 января 1898 г. № 14). Авторъ сравниваетъ чисто земледѣльческія мѣстности съ общиннымъ и подворнымъ землевладѣніемъ по статистическимъ даннымъ, характеризующимъ экономическое положеніе крестьянъ и степень ихъ хозяйственнаго разстройства, именно по даннымъ о количествѣ без-

лошадныхъ дворовъ, о размѣрѣ подворныхъ участковъ и о недоимочности, и оказывается, по всѣмъ этимъ даннымъ, что мѣстности съ общиннымъ землевладѣніемъ находятся въ худшемъ положеніи, несмотря на высокое качество земли и мѣстами на болѣе значительные надѣлы.

Впрочемъ, уже одно то, что первый и основной стимулъ экономического прогресса—личный интересъ—подавленъ въ условіяхъ общиннаго быта,—уже одна эта коренная особенность общиннаго строя обязываетъ не ждать въ сферѣ господства этого строя ничего серьезнаго и важнаго въ смыслѣ усилій къ достиженію наилучшихъ и наибольшихъ результатовъ въ ховяйствѣ. Вопреки идеализаціи крестьянской среды въ народнической литературѣ, крестьянинъ, живущій въ общинномъ міру, и теперь есть то самое, что сказалъ о немъ Кавелинъ въ приведенной характеристикѣ. Рѣчь, конечно, о крестьянской массѣ. Единичныя исключенія не опровергають общаго правила, но могутъ дать ему лишь болѣе яркое освѣщеніе.

XIV.

«Справедливость» общины въ распредѣленіи земли и повинностей. — Имущественное неравенство и эксплуатація слабѣйшихъ сильными. — Характеристика сельскаго міра. —
Опекунское дѣло въ крестьянскомъ быту.

Одинъ изъ самыхъ упорныхъ, наиболѣе распространенныхъ и едва ли не самый неосновательный предразсудокъ объ общинѣ и общинномъ бытѣ составляетъ мысль или, лучше сказать, вѣра, будто община блюдетъ справедливость въ распредѣленіи надѣльной земли и въ раскладкѣ повинностей, предупреждая тѣмъ рѣзкія имущественныя и общественныя неравенства въ своей средѣ. Между тѣмъ, какъ показываетъ изслѣдованіе и изученіе фактовъ и явленій, характеризующихъ съ этой стороны общинный бытъ, — неприкрашенная дѣйствительность оказывается прямою противоположностью упомянутому представленію, будто этотъ бытъ блюдетъ справедливость и равенство въ своей средѣ. Желаящимъ

познакомиться съ неприкрашенной дѣйствительностью общиннаго быта нельзя не рекомендовать упоминавшееся выше капитальное изслѣдованіе г. Бржескаго, вышедшее въ началѣ 1897 года подъ заглавіемъ: «Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ». Въ этомъ сочиненіи собранъ и разработанъ чрезвычайно цѣнный и обширный фактическій матеріалъ, извлеченный изъ первоисточниковъ, каковы дѣла и переписка учреждений, наиболѣе прикосновенныхъ къ крестьянскому дѣлу вообще и къ податному въ особенности. По основной темѣ этого сочиненія, вопросъ о справедливости и равенствѣ въ общинномъ быту и общинныхъ распорядкахъ получилъ въ немъ наиболѣе полное и яркое освѣщеніе. Отмѣчая здѣсь общеизвѣстный фактъ рѣзкаго имущественнаго неравенства въ общинномъ быту, выражающійся тѣмъ, что среди массы бѣдности отдѣльные члены сельскаго общества обогащаются,—авторъ констатируетъ, что въ отличіе отъ Западной Европы, гдѣ имущественное неравенство въ низшихъ слояхъ населенія опредѣляется общимъ теченіемъ экономической жизни (т. е. выдвигаются сперва болѣе энергичные, болѣе способные и т. д.) и гдѣ отдѣльные члены этой среды поднимаются надъ среднимъ уровнемъ ея достатка за счетъ новыхъ приобрѣтеній извнѣ,

а не за счетъ другихъ членовъ той же среды,— «у насъ развитіе имущественнаго неравенства у крестьянъ шло еще другимъ путемъ—путемъ обогащенія однихъ членовъ общины за счетъ другихъ, такъ что поднимался не общій уровень матеріальнаго благосостоянія односельчанъ, а происходило очень рѣзкое уклоненіе отъ этого средняго уровня въ ту или другую сторону большаго или меньшаго числа отдѣльныхъ домохозяйствъ: богатѣли одни по мѣрѣ того, какъ бѣднѣли другіе» (стр. 403). Это «болѣзненное явленіе» въ хозяйственной жизни сельскихъ обществъ обусловливается, по мнѣнію автора, главнѣйшимъ образомъ порядками общиннаго быта, которые характеризуются именно тѣмъ, что богатому здѣсь полный просторъ хозяйничать мірскими дѣлами, а бѣднякъ беззащитенъ и беспомощенъ, несмотря на то, что онъ составляетъ большинство въ составѣ сельскаго міра и сельскаго схода. Факты этого рода такъ многочисленны, что перечислять ихъ значило бы пересказать значительную часть книги г. Бржескаго. Отмѣчу главныя черты собственно для иллюстраціи положенія. Пользуясь круговою порукою, болѣе достаточные домохозяева всегда имѣютъ возможность прижать слабѣйшихъ. Подъ предлогомъ круговой поруки менѣе состоятельные получаютъ нерѣдко менѣе

того количества земли, на которое имѣли бы право; вдовы съ малолѣтками или юношами-сыновьями почти всегда обижены при раздѣлѣ земли; земля лучшихъ качествъ тоже достается болѣе зажиточнымъ. При возраженіи со стороны обиженныхъ слышится всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Ты недоимщикъ, слабосильный, а мы за тебя плати подати и отбывай повинности», послѣ чего обиженный молчитъ, хотя на самомъ дѣлѣ его же, обиженнаго, въ первую голову наряжаютъ для исполненія какой-либо натуральной повинности, а недоимки и текущіе платежи взыщутъ, если возможно, съ него же, не уплативъ ни гроша за обиженнаго землей при раздѣлѣ ея домохозяевамъ (стр. 412). Отбирая себѣ лучшія земли, богатѣи производятъ разверстку податей и мірскихъ сборовъ такимъ образомъ, что бѣднѣйшіе должны платить съ десятины посѣва 12⁰/₀ ея доходности, а богатѣйшіе—въ 30 разъ меньше—0,4⁰/₀ (стр. 404). Естественно, что на бѣднѣйшихъ накапливаются недоимки, а этого только и нужно богатѣямъ, чтобы отобрать у бѣдняковъ послѣднее. Первымъ шагомъ къ достиженію этого является продажа движимости и скота за недоимки. По буквѣ закона это—крайняя мѣра взысканія, а на практикѣ—наиболѣе обыкновенная. Чтобы не лишиться скота, крестьяне занимаютъ

у богатѣевъ на всякихъ условіяхъ, какія тѣмъ вздумается предложить. Кромѣ высокаго процента по ссудамъ, деревенскій ростовщикъ старается обезпечить ссуду закладомъ, причемъ берутся всѣ предметы крестьянскаго обихода; пенька, масло, сѣмя конопляное, холсты, платья, обувь и т. п. Ссуды даются иногда подъ будущій урожай. Но распродажа движимаго имущества съ вызываемыми ею кредитными сдѣлками—это лишь прелюдія къ отобранію надѣла, насильственному, или въ видѣ яко бы добровольной сдачи его въ аренду «благодѣтелямъ», причемъ сдавшіе свой надѣлъ нерѣдко либо поступаютъ въ батраки къ сѣемщикамъ ихъ надѣла, либо заарендовываютъ себѣ землю у сосѣдняго помѣщика за плату вдвое и втрое болѣе высокую противъ той, которую сами получили за свою землю (243). До какой степени широко практикуется сдача надѣловъ въ аренду по указанной причинѣ, можно судить, напримѣръ, по тому факту, приведенному въ названномъ сочиненіи г. Бржескаго, что въ одной Рязанской губ. въ теченіе одного 1894 г. сдано было болѣе 12¹/₂ тыс. надѣловъ.

Вслѣдствіе такой мірской практики, вопреки теоріи объ уравниеніи всѣхъ членовъ общины землею, получается огромная неравномѣрность земельного надѣленія отдѣльныхъ дворовъ; въ то

время, какъ большинство домохозяйствъ получаетъ одинъ, два, много три надѣла, — богатѣи захватываютъ по четыре и болѣе надѣла на дворъ, не считая ими же забираемыхъ «въ аренду» надѣловъ за недоимки или за «одолженія» по поводу недоимокъ, т. е. у слабѣйшихъ.

Всего оригинальнѣе, что эти вопіющія обиды, чинимыя деревенскими богатѣями своимъ слабѣйшимъ односельчанамъ, подъ предлогомъ круговой поруки и покрытія недоимокъ, не всегда влекутъ за собой пополненіе недоимокъ за счетъ состоятельныхъ; сами зажиточные, даже богачи, владѣющіе собственной землей, ведущіе крупную торговлю, содержатели почтовыхъ трактовъ и т. п. оказываются сплошь и рядомъ крупными недоимщиками (стр. 255), а когда по какой-либо причинѣ слагаются недоимки, то этой льготой богатѣи пользуются и въ томъ случаѣ, если за ними нѣтъ недоимокъ. По разверсткѣ причитающаяся доля льготы засчитывается имъ въ счетъ будущихъ платежей (стр. 409).

Все это настолько идетъ въ разрѣзъ съ общепринятыми у насъ представленіями объ общинѣ и настолько неприглядно по своей сущности, что вполне умѣстенъ вопросъ: какимъ же образомъ сельскій міръ можетъ такъ дѣйствовать? Отвѣтъ вполне авторитетный данъ въ 1887 г. министер-

ствомъ внутреннихъ дѣлъ, которое, въ представленіи государственному совѣту, характеризуя состояніе крестьянскаго самоуправленія, высказало: «Волостные и сельскіе сходы, которымъ обычай и законъ ввѣряютъ охрану интересовъ самоуправляющихся крестьянскихъ обществъ и контроль надъ выборными должностными лицами, обратились почти вездѣ въ послушныя орудія міроѣдовъ, кулаковъ и кабатчиковъ. Лучшіе элементы крестьянства утратили въ борьбѣ съ означенными выше лицами всякое вліяніе на крестьянскую среду. Міроѣды и кулаки, опираясь на многочисленную категорію обѣднѣвшихъ и задолжавшихъ имъ крестьянъ, которыхъ они держатъ въ тяжелой экономической зависимости, являются, хотя и не всегда открыто, дѣйствительными руководителями всѣхъ рѣшеній общественныхъ сходовъ, назначаютъ и смѣняютъ по своему усмотрѣнію выборныхъ должностныхъ лицъ, покрываютъ злоупотребленія сихъ послѣднихъ и, при ихъ содѣйствіи, устраиваютъ свои личныя дѣла, нерѣдко въ ущербъ интересамъ цѣлаго общества. Обыкновеннымъ способомъ воздѣйствія на міръ въ рукахъ ихъ служитъ угощеніе виномъ, безъ котораго не рѣшается почти ни одно дѣло, не обходится ни одинъ сельскій или волостной сходъ. При посредствѣ вина, самыя возмутительныя несправедли-

вості, самыя явныя, даже преступныя нарушенія правъ бѣдныхъ и слабыхъ членовъ общества въ пользу богатыхъ и сильныхъ ихъ сочленовъ утверждаются сходомъ и безпрепятственно приводятся въ исполненіе, благодаря потворству выборныхъ властей». Съ того времени положеніе немного измѣнилось, какъ о томъ свидѣлствуютъ въ своихъ отвѣтахъ мѣстныя совѣщанія. «На сходкахъ — резюмируетъ эти отзывы г. Чичеринъ— господствуютъ горланы и мірофды, въ должности выбираются люди, совершенно къ нимъ непригодные, права не обезпечены, твердыхъ правилъ нѣтъ, многое совершается вопреки закону. Рѣшенія случайны и произвольны, нерѣдко они происходятъ подъ вліяніемъ попойки и т. д.».

Выше упоминалось о возмутительномъ состояніи въ крестьянскомъ быту сиротскихъ опекъ. По отзывамъ мѣстныхъ губернскихъ совѣщаній опекунское дѣло, ввѣренное у крестьянъ сельскому міру,—это эпопея самаго циническаго грабежа сиротъ, по общему правилу прикрываемаго сельскими сходами, конечно, за угощеніе, подкупъ и т. п. Къ сиротамъ не проявляется ни малѣйшей жалости, ни тѣни состраданія, а тѣмъ болѣе попечительности. Сдѣланная г. Н. Бржескимъ въ его «Очеркахъ юридическаго быта крестьянъ» сводка фактическихъ данныхъ о по-

ложеніи опекунскаго дѣла у крестьянъ рисуется до такой степени мрачную и жестокою картину, что читателя положительно охватываетъ чувство ужаса и омерзения. Гдѣ же эта хваленая идеалистами-народниками «жалость» крестьянъ къ слабымъ и несчастнымъ, гдѣ тотъ христіанинъ, названіе котораго стало нарицательнымъ для крестьянства въ его далекомъ прошломъ?

XV.

Общинное и союзное начало.—Коренное различіе этихъ началъ.—Ложныя заключенія о будущности общины.—Союзное начало, какъ высшее проявленіе личной свободы, не имѣетъ для себя почвы въ общинномъ быту.

Все сказанное приводитъ къ тому выводу, что общинный строй крестьянскаго быта, созданный Положеніемъ 19 февраля 1861 г. и закрѣпленный послѣдующими узаконеніями, не оправдалъ ни одного изъ ожиданій, которыя съ нимъ связывались въ отношеніи благоустройства и благосостоянія сельскаго крестьянскаго населенія, и представляетъ, наоборотъ, неодолимую помѣху для достиженія этихъ цѣлей, образуя совокупность такихъ условій, которыми парализуется главный двигатель всякаго преуспѣянія — матеріальнаго и духовнаго, именно человѣческая личность, ея свободное и самостоятельное проявленіе въ сферѣ интересовъ частныхъ и общественныхъ и въ дѣятельности, имѣющей цѣлью удовле-

твореніе разнообразныхъ потребностей, совокупностью которыхъ опредѣляется, такъ сказать, культурный уровень жизни.

Но зато, говорятъ сторонники общиннаго землевладѣнія,—впереди у общины великое благополучіе. Такъ, въ статьѣ «О будущности общины» («Новое Время» № 8028) утверждается, какъ нѣчто само собой очевидное, что наша община можетъ прямо перескочить въ тотъ союзный строй, который принимаетъ вся вообще современная промышленная дѣятельность. Однако, такое предположеніе основано на простомъ недоразумѣніи. Можно, напротивъ, утверждать безъ малѣйшаго риска ошибиться, что именно наша община радикально отстраняетъ сельское населеніе отъ современнаго союзаго движенія въ промышленной сферѣ, какъ и отъ всего, что въ цивилизованномъ мірѣ является результатомъ культурной работы и огромныхъ успѣховъ человѣческаго генія, особенно въ области экономическихъ отношеній.

Но прежде всего объ упомянутомъ недоразумѣніи: оно состоитъ въ томъ, что общинное начало смѣшивается съ союзнымъ началомъ, тогда какъ оба эти начала имѣютъ лишь отдаленныя черты сходства—въ своемъ, такъ сказать, первоисточникѣ, въ родѣ того, какое имѣется между

человѣкомъ каменнаго періода и современнымъ европейцемъ. Въ практическомъ же смыслѣ черты различія между общиннымъ и союзнымъ началомъ настолько коренныя и глубокія, что ни въ союзномъ строѣ не мыслима община, ни въ общинѣ немислимъ какой-нибудь союзный строй.

Чтобы со всею ясностью установить это важное различіе, достаточно принять во вниманіе одно: общинное начало есть начало принудительное, гдѣ человѣческой личности и въ частности личной свободѣ человѣка не оставляется не только простора или выбора, но и самаго мѣста; тогда какъ союзное начало есть начало договорное, всецѣло опредѣляемое свободнымъ выборомъ и изволеніемъ самого человѣка и связывающее послѣдняго лишь до тѣхъ поръ, пока онъ самъ этого хочетъ, и лишь настолько, насколько ему угодно. Ужъ если искать общественную организацію, съ которою можно сравнить общину, такъ надо брать не промышленные синдикаты или общества взаимнаго кредита и проч., а надо брать государство. Община по своему основному характеру есть именно микрокосмъ государства, гдѣ каждый самымъ актомъ рожденія обрекается быть въ подчиненіи цѣлому и дѣлить его судьбу, какова бы она ни была и отъ какихъ бы причинъ ни зависѣла. Конечно, параллель съ государ-

ствомъ не идетъ здѣсь очень далеко; но сходство въ данномъ случаѣ и указывается единственно для отгнѣнія принудительнаго начала, характеризующаго общину.

И вотъ эта-то особенность общиннаго начала— принудительность—служить источникомъ всѣхъ отрицательныхъ сторонъ общиннаго быта. Человѣческая личность здѣсь стирается, отходитъ на задній планъ; господствуетъ не личность, а міръ, собирательный владыка, который отобралъ на себя права отдѣльныхъ своихъ членовъ, оставивъ послѣднимъ лишь обязанности. Каждый въ отдѣльности здѣсь безличенъ и безправенъ, а, собравшись въ толпу, всѣ образуютъ власть, неограниченно распоряжающуюся не только хозяйствомъ, но во многихъ отношеніяхъ и личностью каждаго въ отдѣльности взятаго члена міра. Этотъ порядокъ, конечно, можетъ быть измѣненъ, на примѣръ, въ смыслѣ предоставленія власти, принадлежащей нынѣ всему общинному міру, лишь лучшимъ членамъ послѣдняго или кому-нибудь одному— по выбору или по назначенію, и все-таки, при каждой изъ такихъ комбинацій, личная свобода оставалась бы въ томъ же или даже худшемъ положеніи, доколѣ каждому члену нынѣшней общины не будетъ предоставлено право выбора, оставаться ему въ общинѣ или не оста-

ваться, не теряя при этомъ права на землю, которая причитается на его долю, т. е. права выдѣлиться изъ общины и жить внѣ ея и безъ нея. Но разъ такое право было бы предоставлено членамъ общины, нынѣшняя община перестала бы существовать, и если бы на ея развалинахъ, по добровольному соглашенію отдѣльныхъ членовъ прежней общины, возникъ новый союзъ, не снимающій свободы съ участниковъ его, это уже не была бы община въ нынѣшнемъ смыслѣ.

Община можетъ или быть по нынѣшнему своему образу и подобію, или не быть. Medium non datur, и всякія предположенія въ этомъ направленіи есть слѣдствіе указаннаго недоразумѣнія, благодаря которому общинное начало смѣшивается съ союзнымъ. Союзное или договорное начало, въ противоположность общинному, есть высшее проявленіе личной свободы — сознательное самоограниченіе ради достиженія опредѣленныхъ цѣлей, а слѣдовательно предшествуемое строгимъ разборомъ и собственнымъ рѣшеніемъ человѣка, что ему выгоднѣй и какъ ему лучше поступать въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Такое проявленіе личной свободы абсолютно несовмѣстимо съ общиннымъ строемъ быта, и не удивительно, что всѣ попытки людей, выросшихъ въ условіяхъ общегра-

жданскаго порядка, организоваться въ общину на подобіе нашей сельской, быстро оканчивались полной неудачей. Съ другой стороны, также вполне естественно, что развитіе и ростъ союзнаго начала въ современной промышленной дѣятельности является вѣнцомъ культурной жизни нашего времени, проникнутой и, такъ сказать, пересыщенной личнымъ началомъ, которому европейская цивилизація обязана всѣмъ своимъ огромнымъ ростомъ, всѣми своими успѣхами и завоеваніями въ области наукъ, искусствъ, изобрѣтеній, промышленности и проч. Не отъ общины XI вѣка Англія перешла къ нынѣшнимъ своимъ союзамъ, а пройдя долгій путь всесторонняго развитія личнаго начала. Не перескочить и нашей общинѣ прямо къ союзному началу, минуя этотъ промежуточный путь. И напрасно защитники общины утѣшаютъ себя мыслью, что нынѣшняя Россія болѣе походитъ на Англію XIX в., чѣмъ на Англію XI вѣка. Это вѣрно, только не относительно русскаго общиннаго быта и тѣхъ 80 милліоновъ населенія, которые такъ или иначе придавлены тяжелыми условіями этого быта и которые по своей экономической слабости и по своей культурной отсталости врядъ ли уступятъ Англіи XI вѣка.

Движеніе всей гражданской жизни у крестьян

янъ, поскольку оно направляется дѣйствующими узаконеніями и распоряженіями о крестьянахъ и сложившимся подъ давленіемъ послѣднихъ строемъ быта и правопорядка, — идетъ и не можетъ не идти въ сторону прямо противоположную движенію гражданской жизни у не-крестьянъ, направляемому X томомъ свода законовъ. Положеніе это заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

XVI.

Послѣдствія обособленія крестьянскаго міра въ сферѣ правосознанія.—Тревожные симптомы.—«Царство, раздѣлившееся въ себѣ».

Вся наша предшествующая исторія, вся тысячелѣтняя культурная работа русскаго государства и русскаго народа привела насъ къ цивилизации того же типа и строя, къ которой пришли въ результатъ своей болѣе долгой исторической жизни всѣ другія культурныя націи, съ тѣми же основами гражданскаго быта и правопорядка. Откуда же у насъ явилось это увлеченіе коллективизмомъ при устройствѣ быта освобожденныхъ крестьянъ, — увлеченіе, охватившее широкіе круги общества, до самыхъ вершинъ его со включеніемъ высшихъ правительственныхъ учреждений? Болѣе 40 лѣтъ дружными и настойчивыми усиліями мы достигли того, что въ на-

стоящее время своеобразныя, чуждыя нашему — не-крестьянскому — быту начала коллективизма проникають весь крестьянскій бытъ и обособляютъ крестьянское земледѣльческое население въ такой степени, что наши законы и учрежденія оказываются для него непригодными.

Но если законы и учрежденія, опредѣляющіе нашъ гражданскій правопорядокъ, не пригодны для крестьянъ, то не ясно ли, что и всѣ сферы жизни и дѣятельности, соприкосновенныя съ гражданскимъ оборотомъ, должны складываться у крестьянъ иначе, чѣмъ у насъ, — а съ тѣмъ вмѣстѣ и руководящія воззрѣнія на личныя, общественныя и всякія другія отношенія, и правосознаніе, стремленія, идеалы, словомъ — все то, что въ совокупности опредѣляетъ духъ и характеръ гражданственности?

Разумѣется, пока еще мало было времени и житейской практики, чтобы эти глубокія различія крестьянскаго и не-крестьянскаго быта въ самыхъ основахъ гражданственности могли проявиться съ совершенною опредѣленностью. Здравый смыслъ и природная даровитость русскаго крестьянина неудержимо влекутъ его въ сторону нашей гражданственности и культуры, подъ сѣнь X тома. Но при всемъ томъ повседневная

практика въ особой атмосферѣ общинныхъ началъ не можетъ оставаться безъ вліянія и безъ осадка въ понятіяхъ и возрѣніяхъ крестьянина, въ его правосознаніи. И дѣйствительно, уже не рѣдки случаи взаимнаго непониманія между людьми, живущими по X тому, и людьми, живущими въ общинномъ быту. На каждомъ шагѣ возникаютъ вопросы и недоумѣнія: почему то или другое однимъ дозволено, а другимъ не дозволяется? Почему то или другое одни обязаны дѣлать, а другіе не обязаны?

Въ результатѣ всѣхъ подобныхъ недоумѣній и теперь сплошь и рядомъ обнаруживается существенно иное отношеніе крестьянъ къ такимъ основнымъ институтамъ нашего гражданскаго порядка, какъ право собственности и договорныя обязательства, — особенно въ области правосознанія. Что для людей, воспитывающихся на принципахъ X тома, съ перваго же взгляда представляетъ вопіющую несообразность и нелѣпость, то въ крестьянскихъ понятіяхъ, слагающихся подъ вліяніемъ началъ общиннаго быта, находитъ достаточную основу и принимается какъ нѣчто вполне возможное, напримѣръ пресловутыя басни о «черномъ передѣлѣ», ибо условія и порядки общиннаго быта и въ самомъ дѣлѣ даютъ понятіе

лишь о земельной собственности общей, а не индивидуальной. Но все ли мы знаемъ, какія еще назръваютъ особенности правосознанія въ общинныхъ условіяхъ быта? Что, напримёръ, означаютъ упоминавшіеся случаи вмѣшательства сельскаго міра въ дѣловыя отношенія отдѣльныхъ его членовъ къ не-крестьянамъ, какъ запрещеніе заниматься на работу къ такому-то или дешевле такой-то платы? А дѣйствительность даетъ иногда случаи еще болѣе загадочные, каковы, напримёръ, извѣстные изъ судебной хроники случаи, что сельскій міръ надумываетъ и рѣшаетъ, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ формальностей, то или другое преступленіе противъ частнаго лица или частной собственности, которое опарашиваетъ насъ, какъ ударъ грома при ясномъ небѣ, въ родѣ убійства, грабежа, поджога и т. п., ех offісіо выполняемыхъ сельскими должностными лицами? У насъ все валяютъ на крестьянскую темноту, хотя при другихъ оказіяхъ очень краснорѣчиво восхваляютъ «сѣрыхъ министровъ». Между тѣмъ при общинныхъ порядкахъ, подавляющихъ личную волю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и чувство отвѣтственности, вполне естественно сознаніе, которое иногда и высказывается совершенно опредѣленно, что міръ, будучи властью надъ всѣми

своими членами, самъ неуязвимъ для какой-либо репрессіи.

Во всякомъ случаѣ, развѣ слѣпые могутъ не видѣть, что обезволенный, обезличенный въ пользу міра крестьянинъ, живя въ общинныхъ условіяхъ, самъ по себѣ очень пассивенъ и инертенъ, почти лишенъ инициативы и безпомощенъ во всякомъ соприкосновеніи съ людьми другого круга. Но «на міру» тотъ же крестьянинъ какъ бы окрыляется инстинктомъ стадности и чувствомъ безотвѣтственности, и свою индивидуальную приниженность вымещаетъ мірскою распушенностью, являясь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ самыхъ дурныхъ элементовъ сельскаго общества.

Деревенская хроника полна такими сюжетами, и чѣмъ дальше, тѣмъ всѣ эти прелести становятся обычнѣе. Очевидно, сельскій «міръ» начинаетъ сознавать свое безотвѣтственное могущество и начинаетъ примѣнять его къ дѣлу. Жутко и подумать, что станетъ съ нашей несчастной деревней, когда всюду сельскій міръ опознаетъ это свое могущество и начнетъ пользоваться имъ противъ всего, что принадлежитъ и не принадлежитъ къ составу этого міра. А чуется, мы дождемся и этого благополучія, охраняя общинный строй деревни во что бы ни стало...

Вотъ въ какомъ направленіи идетъ эволюція въ этомъ особомъ мірѣ, охватывающемъ значительно большую половину населенія Россіи! Чѣмъ подаритъ насъ дальнѣйшая его эволюція въ томъ же направленіи, объ этомъ трудно гадать. Но, разсуждая *à la longue*, нельзя не придти къ заключенію, что рано или поздно особья начала и основы гражданскаго правопорядка въ крестьянскомъ быту могутъ сдѣлать свое дѣло, и та глубокая пропасть, которая теперь еще намѣчается лишь въ неясныхъ очертаніяхъ, дѣйствительно ляжетъ раздѣлительной гранью между крестьянами и не-крестьянами и подѣлитъ Россію на два обособленныхъ міра, другъ другу чуждыхъ и смотрящихъ въ разныя стороны.

Но развѣ не очевидно, что допустить такое раздвоеніе страны—значитъ готовить «царство, раздѣлившееся въ себя»? Ибо неправдоподобно и немыслимо, чтобы мы сами, т.-е. люди X тома, при какихъ бы то ни было условіяхъ и обстоятельствахъ согласились добровольно погрузиться въ эту гражданскую Нирвану, какою съ нашей точки зрѣнія является общинный строй быта, и утопить въ ней всѣ плоды тысячелѣтней культурной работы Россіи. Если бы защитники крестьянской общины увѣряли въ противномъ, имъ бы никто не повѣрилъ. Они впрочемъ, сколько

извѣстно, и не пламенѣютъ личнымъ опытомъ подтвердить доказываемое ими превосходство общиннаго быта... Но это раздвоеніе мысли и воли у сторонниковъ общины, служащее яркою и неоспоримою противъ нихъ уликою, къ сожалѣнію, не охлаждаетъ ихъ жара въ защитѣ несомнѣнно зловреднѣйшаго дѣла...

XVII.

Трудности крестьянскаго вопроса.—Напрасные страхи.—
Земельное устройство крестьянъ.—Удобства общиннаго
землевладѣнія.—Перспектива всеобщаго обезземеленія кре-
стьянъ.—Необходимость положить предѣлъ дробленію на-
дѣловъ.—Недѣлимые участки.—Завѣты 19 февраля 1861 г.

Кромѣ идейныхъ сторонниковъ и защитниковъ
общиннаго быта, есть еще особаго рода покро-
вители этого быта, которые охотно соглашаются,
что послѣдній несовмѣстимъ съ условіями нор-
мальнаго гражданскаго развитія и ставитъ недо-
лимья помѣхи экономическому и культурному
подъему крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ:
а всетаки не слѣдуетъ, не время еще его трогать,
ибо тутъ такіе огромные и трудные возникаютъ
вопросы, къ рѣшенію которыхъ мы еще не под-
готовлены.

Это соображеніе въ глазахъ практиковъ имѣетъ
большой вѣсъ и оно не лишено серьезнаго зна-
ченія. Но слѣдуетъ, всетаки, разобраться, въ

чемъ именно заключаются трудности, чтобы не отказываться отъ дѣла въ полномъ его объемѣ только потому, что та или другая подробность его представляетъ затрудненія.

Единственный трудный вопросъ во всемъ крестьянскомъ дѣлѣ — это вопросъ о земельномъ устройствѣ крестьянъ, возбуждающій наибольшія сомнѣнія и опасенія. Многимъ представляется, что стоитъ только распространить на крестьянъ общегражданскій порядокъ, ихъ надѣльная земля тотчасъ же уплыветъ изъ ихъ рукъ. Въ одномъ возраженіи на мои этюды, пока они печатались въ «Новомъ Времени» въ видѣ ряда статей подъ заглавіемъ: «Земля, община и X томъ», было даже сказано, что крестьянской землей завладѣютъ евреи, Но въ этихъ опасеніяхъ кроется явное недоразумѣніе. При устройствѣ гражданскаго быта крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго по кодексу Наполеона, тѣмъ не менѣе, евреямъ тамъ запрещено не только приобрѣтеніе въ собственность крестьянскихъ усадебъ и земель, но и «содержаніе таковыхъ въ арендѣ, заставное владѣніе оными и всякое иное, отдѣльное отъ права собственности владѣніе и пользованіе означенными имуществами, въ какой бы то ни было формѣ и на какихъ бы то ни было, допускаемыхъ общими или мѣстными законами,

основаніяхъ, а равно завѣдываніе тѣми же имуществами въ качествѣ повѣренныхъ или управляющихъ» (ст. 5 закона 11 іюня 1891 г.).

Иное дѣло — общинное землевладѣніе, иное — неотчуждаемость надѣловъ или отчуждаемость ограниченная, какая установлена, на примѣръ, для крестьянъ въ тѣхъ же губерніяхъ Царства Польскаго, гдѣ землю отчуждать дозволяется, но только крестьянамъ же, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ не дозволяется дробить участки на части, меньшія 6 морговъ (около 3 дес.). Кто же мѣшаетъ примѣнить такія предохранительныя мѣры противъ обезземеленія крестьянъ, которые пожелаютъ уйти изъ общины? Ужъ, конечно, не X томъ. Даже американское законодательство весьма мирно уживается съ институтомъ неотчуждаемыхъ и недѣлимыхъ участковъ. Рѣчь идетъ совсѣмъ не о томъ, чтобы сдѣлать землю «движимую» собственностью, а только о томъ, чтобы крестьянинъ сталъ хозяиномъ на своей землѣ.

Трудность вопроса о земельномъ устройствѣ крестьянъ не въ томъ, что съ отмѣной общиннаго землевладѣнія земля уйдетъ отъ крестьянъ, — противъ этой бѣды есть вполне дѣйствительныя мѣры, — трудность тутъ въ весьма сложной техникѣ разверстанія и размежеванія надѣльныхъ земель, ибо для осуществленія такой реформы,

какъ отмѣна общиннаго землевладѣнія, потребовались бы цѣлыя арміи землеѣровъ, когда у насъ и для мелкихъ межевыхъ работъ трудно добыть землеѣра, а сверхъ того въ каждомъ уѣздѣ потребовалось бы образовать десятки оцѣночныхъ комиссій — для правильнаго и справедливаго разверстанія надѣльной земли, особенно когда земля неодинаковаго качества и когда, напримѣръ, въ большихъ сельскихъ обществахъ, земля въ значительной части отдалена отъ селенія; наконецъ, потребовался бы рядъ специальныхъ работъ на тѣ случаи, когда та или другая часть крестьянъ пожелала бы перенести усадьбы на свои участки, для чего необходимо урегулировать проѣзды, прогоны для скота, а также сообразить вопросы о пастбищахъ, водопояхъ, о снабженіи разселившихся дворовъ водою для питья и всякихъ хозяйственныхъ надобностей. Все это и многое другое, что потребовалось бы сдѣлать при отмѣнѣ общиннаго землевладѣнія, даже при самыхъ напряженныхъ усиліяхъ, одновременно врядъ ли можно было бы сдѣлать съ необходимою въ такихъ случаяхъ тщательностью, да и какъ-нибудь сдѣлать было бы страшно трудно при нынѣшнемъ состояніи нашей межевой части и при нынѣшнемъ весьма слабомъ составѣ и даже строѣ мѣстнаго управленія, совершенно непригоднаго

для такихъ гигантскихъ работъ. Нельзя также не считаться съ вѣроятностью многочисленныхъ недоразумѣній со стороны темной крестьянской массы при одновременномъ производствѣ этихъ гигантскихъ работъ, въ такой притомъ сферѣ, какъ землевладѣніе, которое и безъ того составляетъ большое мѣсто въ крестьянскомъ правосознаніи.

Именно этого рода трудности и были главной причиной того, что при освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости сторонники общиннаго землевладѣнія восторжествовали надъ его противниками, которые и тогда совершенно ясно видѣли всѣ недостатки этой формы землевладѣнія. Впрочемъ, недостатки общиннаго землевладѣнія не менѣе ясно видѣли и сами сторонники его, какъ это несомнѣнно теперь изъ упоминавшейся выше переписки главныхъ защитниковъ его въ подготовительныхъ комитетахъ и редакціонныхъ комиссіяхъ—Ю. Ф. Самарина и А. И. Кошелева съ кн. Черкасскимъ. Но общинное землевладѣніе имѣло за себя то огромное его удобство, что оно избавляло отъ всякихъ хлопотъ и заботъ по разверстанію и размежеванію отводимыхъ въ надѣль крестьянскихъ земель, а вдобавокъ избавляло помѣщиковъ и казну отъ необходимости имѣть дѣло съ отдѣльными крестьянами по выкупной

операци и по связаннымъ съ нею обязатель-
ствамъ бывшихъ крѣпостныхъ. Земля гуртомъ
отводилась на цѣлое общество, на которое вмѣ-
стѣ съ отвѣтственностью за отдѣльныхъ крестьянъ
по выкупнымъ платежамъ перекладывалась и обя-
занность разверстанія земель между отдѣль-
ными крестьянскими домохозяйствами. Такимъ
образомъ на первомъ планѣ была тогда не увѣ-
ренность въ превосходствѣ общиннаго земле-
владѣнія съ точки зрѣнія наилучшаго земель-
наго устройства освобожденныхъ крестьянъ; а
только простота и легкость этой формы земель-
наго устройства. И нельзя не признать, что осу-
ществленіе крестьянской реформы было чрезвы-
чайно облегчено такимъ простымъ разрѣшеніемъ
вопроса о земельномъ устройствѣ крестьянъ. Но,
какъ это видно изъ упомянутой переписки наибо-
лѣе сильныхъ защитниковъ общиннаго землева-
дѣнія въ редакціонныхъ комиссіяхъ, они сами,
особенно Ю. Ф. Самаринъ, смотрѣли на общинное
замлевлдѣніе, какъ на временный порядокъ,
который, по ихъ мысли, долженъ былъ перера-
батываться въ послѣдующее время путемъ по-
степеннаго его сближенія съ общегражданскимъ
порядкомъ.

Къ сожалѣнію, въ послѣдующее время вопросъ
объ общинномъ землевладѣніи не только не по-

двинулся къ своему естественному и неизбѣжному разрѣшенію, но, какъ я уже говорилъ, даже осложнился, благодаря законодательству и административной практикѣ пореформеннаго періода, и теперь отдѣлаться отъ общиннаго землевладѣнія едва ли не труднѣе, чѣмъ было въ эпоху крестьянской эмансипаціи. На этомъ всего болѣе и покоятся надежды его нынѣшнихъ защитниковъ. Земельное устройство крестьянъ—это такая сложная задача и такая тяжелая обуза, что практическіе дѣятели, даже отлично понимая все зло общиннаго землевладѣнія, охотно даютъ убѣдить себя, что дѣло еще терпитъ и спѣшить съ нимъ нѣтъ необходимости.

Дѣйствительно, оставить общину *in statu quo*—это самое простое рѣшеніе вопроса, но оно равносильно тому, чтобы оставить крестьянъ въ нынѣшней экономической слабости и скудости, не говоря о прочихъ отрицательныхъ сторонахъ крестьянскаго быта, и не только безъ перспективъ улучшенія, но съ вѣрными шансами дальнѣйшаго ухудшенія, по мѣрѣ прироста населенія и соответственнаго уменьшенія душевыхъ надѣловъ. Какъ было уже указано, за сорокъ лѣтъ послѣ воли средней размѣръ душевого надѣла у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ сократился съ $3\frac{1}{2}$ до 2 десятинъ или на 43%, и все-таки въ эти

сорокъ лѣтъ крестьянское землевладѣніе осталось попрежнему экстенсивнымъ, ибо общинное землевладѣніе ставитъ почти неодолимья препятствія для улучшенія земледѣльческой культуры въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Если и впредь дѣло будетъ идти въ томъ же порядкѣ,—а никакихъ причинъ не видится идти ему иначе при сохраненіи общиннаго землевладѣнія,—то еще черезъ сорокъ лѣтъ средній размѣръ душевого надѣла сократится до одной десятины, а при такомъ надѣлѣ, даже и безъ общины съ ея черезполосностью и распыленіемъ надѣловъ на микроскопическія полосы, вести экстенсивное хозяйство нельзя. Предполагать, что крестьяне къ тому времени заведутъ у себя общинную обработку земли, безъ дѣлежа послѣдней по домохозяйствамъ, едва ли имѣется достаточное основаніе. Но если бы—паче чаянія—это и случилось, всетаки такое измельчаніе надѣловъ не могло бы обезпечивать крестьянамъ благосостояніе, даже при переходѣ къ болѣе интенсивнымъ культурамъ. И чѣмъ дольше оставалось бы общинное землевладѣніе, тѣмъ дальше шло бы измельчаніе надѣловъ, ибо существо общины въ томъ и состоитъ, что отвѣденная ей земля остается въ пользованіи всего наличнаго ея населенія. Слѣдовательно тутъ самой логикой вещей положенъ предѣлъ и не осо-

бенно далекий, за которымъ «земельное обезпеченіе» превратится въ нѣчто весьма близкое къ обезземеленію всей крестьянской массы. Какъ весьма убѣдительно доказываетъ авторъ книги «Неурожай и народное бѣдствіе», «рано или поздно настанетъ такое время, когда при сохраненіи за всѣми членами общины, сколько бы ихъ ни народилось въ будущемъ, права на земельный надѣль, это право, наконецъ, сдѣлается чисто фиктивнымъ по ничтожности того участка земли, который будетъ доставаться на долю каждаго. Кончится вѣдь тѣмъ, что право всѣхъ на землю будетъ равносильно праву умереть съ голоду на участкѣ земли, недостаточномъ для пропитанія человѣка. Это дѣйствительно будетъ такое положеніе, при которомъ общее равенство въ отношеніи права на землевладѣніе будетъ равносильно общему равенству всѣхъ членовъ общины передъ голодною смертью» (стр. 128).

Очевидно, на этомъ пути нельзя сохранить крестьянство, какъ сословіе земледѣльческое. Съ приростомъ крестьянскаго населенія излишекъ его, не находящій пропитанія на своей надѣльной землѣ, долженъ будетъ искать иныхъ занятій помимо земледѣлія, но и тѣ, которые будутъ оставаться на землѣ, не могутъ устроиться прочными хозяйственными гнѣздами, ибо для этого

прежде всего необходимо, чтобы такимъ гнѣздамъ былъ обезпеченъ минимумъ земли, дающій возможность вести хозяйство, а общинное землевладѣніе обезпечиваетъ прямо обратное положеніе, ибо постоянно мѣняетъ размѣръ надѣловъ на каждое домохозяйство, при постоянной же тенденціи къ уменьшенію этихъ надѣловъ по случаю прироста населенія и обусловливаемого имъ образованія новыхъ домохозяйствъ.

Такимъ образомъ, общинное землевладѣніе принципиально исключаетъ самую возможность образованія крѣпкихъ и стойкихъ хозяйственныхъ единицъ на крестьянскихъ земляхъ,—тѣхъ земледѣльческихъ гнѣздъ, которыя вездѣ составляютъ живые центры сельско-хозяйственной дѣятельности крестьянскаго населенія, обезпечивая ему домовитость, зажиточность, а странамъ — надлежащій оплотъ порядка и богатый запасъ свѣжей силы—физической, моральной и даже политической, ибо домовитое, зажиточное крестьянство вездѣ является элементомъ необыкновенно стойкимъ, уравновѣшеннымъ и составляетъ главную охранительную силу въ государствѣ.

Слѣдовательно, разумное земельное устройство крестьянъ, т.-е. такое, которое дѣйствительно обезпечивало бы прочное благосостояніе земледѣльческаго класса, возможно только съ уничто-

женіемъ общиннаго землевладѣнія. Но, высказывая это убѣжденіе, я первый самымъ рѣшительнымъ образомъ былъ бы противъ принудительнаго уничтоженія общиннаго землевладѣнія, на примѣръ, изданіемъ соотвѣтственнаго закона. Разомъ произвести такую крутую ломку порядка, хотя и весьма дурного, но въ которомъ живутъ десятки милліоновъ населенія, притомъ мало развитаго, подавленнаго разнообразной опекой, тяготящей надъ нимъ со дня рожденія и до самой смерти — во всѣхъ фазахъ личной, семейной и общественной жизни — это было бы дѣломъ неблагоразумнымъ, даже весьма опаснымъ и къ тому же, какъ сказано, при настоящемъ положеніи межевой части и мѣстнаго управленія, практически почти неосуществимымъ. Но въ такой ломкѣ нѣтъ и необходимости. Достаточно снять тѣ затворы, которыми закрытъ выходъ изъ общины; благоразуміе обязываетъ на ближайшее время ограничить практическую задачу въ отношеніи общиннаго землевладѣнія предоставленіемъ отдѣльнымъ домохозяевамъ права выдѣла своихъ надѣловъ изъ общаго владѣнія. Но чтобы эта мѣра могла дать всѣ ожидаемые отъ нея результаты, необходимо одновременно усилить межевую часть и выработать основанія частичной разверстки земли при вы-

дѣль отдѣльныхъ домохозяевъ, т.-е. точно установить способъ исчисленія подлежащихъ выдѣлу участковъ въ соотвѣтствіи съ качествомъ отдѣльныхъ долей надѣльной земли и съ разстояніемъ выдѣляемыхъ участковъ отъ селенія. Кромѣ того, необходимо нормировать эту операцію на случаи двоякаго рода, а именно: на случай выдѣла безъ переноса усадьбы на выдѣленный участокъ, съ сохраненіемъ участія въ общемъ выгонѣ, лѣсной дачѣ и водоснабженіи и т. п.; и на случай выдѣла съ переносомъ усадьбы на выдѣленный участокъ. Въ послѣднемъ случаѣ весьма важно было бы помочь выселяющимся въ устройствѣ водоснабженія и обезпечить имъ справедливое вознагражденіе за оставляемые усадебныя мѣста, представляющія извѣстную цѣнность—за счетъ ли общества или за счетъ тѣхъ его членовъ, которые воспользуются этими усадебными мѣстами, что облегчитъ выселяющимся устройство на новыхъ мѣстахъ.

Если эта частичная операція будетъ поставлена правильно и удобно, то очень скоро получится практической опытъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и практическая подготовка къ веденію той же операціи въ болѣе широкомъ масштабѣ.

Но чтобы выдѣлившіеся участки могли сдѣлаться тѣми земледѣльческими гнѣздами, о кото-

рыхъ говорилось выше, необходимо при самомъ разрѣшеніи выдѣла постановить: 1) что выдѣленные участки не подлежатъ дальнѣйшему дробленію; 2) что отчужденіе ихъ можетъ производиться только въ цѣломъ объемѣ и не иначе, какъ лицамъ крестьянскаго же сословія, не имѣющимъ самостоятельнаго хозяйства ни на собственной землѣ, ни въ общемъ владѣніи того или другого сельскаго общества, подобно тому, какъ это установлено въ отношеніи крестьянъ Царства Польскаго. Этими мѣрами будетъ достигнуто какъ образованіе прочныхъ земледѣльческихъ гнѣздъ, такъ и сохраненіе ихъ за крестьянами; примѣненіе ихъ въ одинаковой мѣрѣ было бы цѣлесообразно и въ мѣстностяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ.

При увеличеніи численнаго состава выдѣлившихся семей будетъ происходить то же самое, что фактически происходитъ и теперь въ достаточно крупныхъ размѣрахъ, т.-е. лишніе должны будутъ искать себѣ другихъ промысловъ и занятій. Но и въ этомъ отношеніи выдѣлившіяся домохозяйства будутъ имѣть то важное преимущество, что съ размноженіемъ семьи гнѣздо останется нетронутымъ, а необходимость искать для лишнихъ ея членовъ другихъ промысловъ и занятій не будетъ ни неожиданностью, ни случай-

ностью, что, безъ сомнѣнія, вызоветъ заботы о заблаговременномъ приспособленіи къ этой необходимости, напримѣръ изученіемъ того или другого ремесла, подготовкой къ тому или другому промыслу — къ торговлѣ, къ работѣ фабрично-заводской и т. п. При этомъ каждый выдѣляющійся изъ гнѣзда, становясь самостоятельнымъ хозяиномъ, будетъ имѣть всѣ причины и побужденія копить своимъ трудомъ достатокъ, чтобы упрочить свое экономическое положеніе, и можетъ въ концѣ-концовъ заработать свое собственное гнѣздо на землѣ, если у человѣка есть къ этому склонность, — подобно тому, какъ это мы видимъ въ Америкѣ, гдѣ каждый поденщикъ мечтаетъ заработать маленькую ферму, чтобы найти въ ней успокоеніе и безбѣдное существованіе подъ старость, и совсѣмъ не въ рѣдкость осуществляетъ эту мечту.

То, что мы здѣсь предлагаемъ, съ успѣхомъ примѣняется во многихъ странахъ. Напримѣръ въ Китаѣ еще въ VII в. изъ всей территоріи государства было выдѣлено 75 мил. гектаровъ земли и роздано въ собственность семействамъ, съ запрещеніемъ продавать или закладывать имущество и съ тѣмъ, чтобы оно переходило въ цѣлости къ одному наследнику. «Владѣнія эти — говорятъ въ своемъ курсѣ гражданскаго права К. П.

Побѣдоносцевъ — остаются донинѣ въ тѣхъ же семействахъ, чѣмъ и объясняется устойчивость поземельнаго владѣнія въ Китаѣ». Австрійскій законъ 1889 г. о семейныхъ участкахъ преслѣдуетъ ту же цѣль. Но самымъ интереснымъ институтомъ въ томъ же родѣ является американскій homestead, прекрасно уживающійся съ широкою гражданскою свободою.

Если у насъ на крестьянъ будутъ распространены общіе гражданскіе законы съ тѣми лишь изъятіями, которыя необходимы для охраны земледѣльческихъ гнѣздъ, и общія же учрежденія — судебныя и административныя, и будетъ дано право выдѣляться изъ общины, то безъ всякой принудительности община постепенно уничтожится всюду, гдѣ она уже не соответствуетъ современнымъ потребностямъ крестьянскаго хозяйства, а крестьяне въ условіяхъ общегражданскаго порядка будутъ постепенно приобщаться къ общей культурной жизни страны и сближаться съ болѣе культурными слоями населенія, опасное обособленіе крестьянъ отъ не-крестьянъ исчезнетъ само собой, и Россія станетъ единою въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Такимъ образомъ никакой ломки не требуется, чтобы направить гражданскій бытъ крестьянъ въ то же русло, по которому идетъ наша граждан-

ская жизнь и дѣятельность, нормируемая X томомъ, и это было бы не какой-либо измѣной завѣтамъ 19-го февраля 1861 г., а, напротивъ, возвращеніемъ къ этимъ завѣтамъ, нарушеннымъ и искаженнымъ въ послѣдующее время, ибо, какъ уже выяснено мною, реформа 19-го февраля 1861 г. была прежде всего освобожденіемъ крестьянскаго труда,—дарованіемъ бывшимъ крѣпостнымъ воли, нынѣ всесторонне ограниченной коллективной волею новыхъ опекуновъ надъ личностью и имуществомъ отдѣльныхъ крестьянъ—міра и двора. Точно также только съ осуществленіемъ намѣченныхъ перемѣнъ у насъ появился бы тотъ крестьянинъ-собственникъ, о которомъ такъ часто говорится въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 г. и который, по сенатскому разъясненію, преобразовался въ послѣдствіи во «временного владѣльца» надѣльной земли.

XVIII.

Схема необходимых и удобоосуществимых мѣропріятій по крестьянскому дѣлу.

Требуется не ломка, а требуется, главнымъ образомъ, снять съ Положеній 19-го февраля ненормальные нароты, образовавшіеся на нихъ въ послѣдующее время, а засимъ сдѣлать дальнѣйшіе шаги къ сближенію крестьянъ съ другими сословіями на почвѣ общихъ гражданскихъ законовъ и общихъ учрежденій судебныхъ и административныхъ. Эти задачи отнюдь не представляютъ какихъ-либо чрезвычайныхъ трудностей, а тѣмъ болѣе не могутъ возбуждать какихъ-либо опасеній. Все дѣло сводится къ довольно простымъ и удобоосуществимымъ мѣрамъ, схемою которыхъ я и заканчиваю настоящій мой трудъ. Вотъ эта схема:

1. Распространеніе на крестьянское сословіе дѣйствія общаго гражданского ко-

декса, съ указаннымъ ниже ограниченіемъ (см. п. 6); необходимымъ для охраны крестьянскаго землевладѣнія, при чемъ для нѣкоторыхъ, весьма впрочемъ немногихъ и наименѣе значительныхъ, случаевъ изъ области гражданскихъ правоотношеній можно сохранить силу мѣстныхъ обычаевъ, при непремѣнномъ, однако, условіи, что существованіе обычая должно быть надлежаще удостовѣрено и доказано въ каждомъ случаѣ, когда на него дѣлается ссылка.

Распространеніе положительнаго гражданскаго закона на крестьянъ было бы для нихъ великою милостью, ибо внесло бы въ ихъ гражданскій оборотъ ясность, опредѣленность и устойчивость, а главное — было бы дарованіемъ дѣйствительной воли, ибо нашъ X томъ есть основа гражданской свободы, которою пользуются всѣ остальные сословія, кромѣ крестьянскаго. Неужели же можно опасаться, что это увѣнчаніе освободительной реформы 19 февраля 1861 г. вызоветъ какое-либо разстройство въ ходѣ крестьянской жизни, и тѣмъ болѣе — потрясеніе? Да и теперь крестьяне при каждой возможности, даже у себя въ волостномъ судѣ, охотно обращаются къ общему гражданскому закону взаменъ обычаевъ, а главное, несмотря на юридическое освобожденіе ихъ отъ остальнаго населенія, они вѣдь

входятъ въ частыя и разнообразныя дѣловыя отношенія съ людьми, живущими по X тому и во всѣхъ такихъ случаяхъ сами тоже руководствуются X томомъ. Во всякомъ случаѣ переходъ нашихъ крестьянъ къ общему гражданскому кодексу гораздо болѣе подготовленъ, чѣмъ былъ подготовленъ переходъ польскихъ крестьянъ, въ началѣ XIX столѣтія, къ совершенно до того чуждому имъ кодексу Наполеона, который тѣмъ не менѣе вошелъ въ жизнь этихъ крестьянъ безпрепятственно и весьма прочно.

2. Распространеніе на крестьянъ дѣйствія общихъ судебныхъ учреждений не только по дѣламъ уголовнымъ, какъ теперь, но и по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, а также общихъ административныхъ учреждений. Эта реформа потребуетъ расширенія сѣти судебныхъ учреждений и нѣкоторыхъ перемѣнъ въ организаціи мѣстнаго управленія, для чего съ удобствомъ можно воспользоваться имѣющимися органами крестьянскаго управленія. Такъ, земскіе начальники могли бы, по примѣру англійскихъ мировыхъ судей, сдѣлаться органами суда и управленія для лицъ всѣхъ сословій, живущихъ въ предѣлахъ участка, причемъ для отправленія ими судебныхъ функцій готовымъ руководствомъ могли бы служить уставы мирового суда. Взамѣнъ же

сословнаго волостнаго суда могъ бы быть образованъ низшій сословный судъ, необходимость въ которомъ настоятельна и для не-крестьянъ не менѣе, чѣмъ для крестьянъ. Волостные судьи могли бы комплектоваться изъ людей, отвѣчающихъ тѣмъ же требованіямъ, какія установлены для земскихъ начальниковъ, кромѣ, конечно, сословнаго ценза, который нарушалъ бы сословный характеръ органовъ мѣстнаго управленія и суда. Прохождение должности волостныхъ судей служило бы превосходной школой для подготовки кандидатовъ на болѣе значительныя должности мѣстнаго управленія и суда и въ особенности на должности земскихъ начальниковъ, которыхъ, соответственно ихъ новому положенію, было бы правильно переименовать въ мировыхъ посредниковъ или судей. Надъ этими послѣдними, какъ и теперь, высшею инстанціей были бы ихъ уѣздныя сѣзды, съ тѣми же подраздѣленіями присутствій судебныхъ и административныхъ. Внизу, гдѣ теперь волостное правленіе, низшій административный органъ, тоже сословный, могъ бы быть устроенъ на подобіе гминнаго управленія въ губерніяхъ Царства Польскаго, но съ замѣной выборнаго старшины должностнымъ лицомъ по назначенію правительства; въ особенности на первое время это важно, чтобы крестьянство, со-

ставляющее огромное большинство населенія во всѣхъ волостяхъ, не явилось фактическимъ руководителемъ волостного управленія, что и для самихъ крестьянъ, при нынѣшнемъ уровнѣ ихъ образованія и развитія, принесло бы больше вреда, чѣмъ пользы.

Здѣсь, конечно, намѣчаются только въ самыхъ общихъ чертахъ перемѣны, вызываемыя дарованіемъ крестьянскому сословію дѣйствительной гражданской свободы. Но и изъ схемы, надѣюсь, совершенно ясно, какъ просто и легко приспособить нынѣшнее судебное - административное устройство сельскаго быта къ тѣмъ новымъ потребностямъ, которыя возникли бы съ распространеніемъ на крестьянъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ. Отъ реформы этой не менѣе крестьянъ выиграло бы и все сельское населеніе, получивъ близкіе и доступные органы управленія и суда.

3. Отмѣна круговой поруки, т. е. примѣненіе къ крестьянскимъ повинностямъ принципа, что каждый отвѣчаетъ только за себя, весьма облегчаетъ осуществленіе слѣдующихъ мѣръ:

4. Ограниченіе къ крестьянскаго сословнаго самоуправленія, по примѣру другихъ сословныхъ самоуправленій, лишь дѣятельностью въ сферѣ сословныхъ хозяйственныхъ нуждъ,

какъ-то: приарѣнія, продовольственной части, попеченія о школахъ, надзора за общественными сооружеиіями (мосты, пруды, магазины и т. п.), содержанія пожарныхъ инструментовъ, наряда подводъ по общественнымъ дѣламъ и т. п. Всякое вмѣшательство міра въ хозяйственную дѣятельность отдѣльныхъ дворовъ и лицъ должно быть безусловно устранено, а тѣмъ болѣе должно быть отмѣнено право міра стѣснять какимъ бы то ни было способомъ свободу отдѣльныхъ лицъ въ выборѣ мѣста жительства и рода занятій, въ выдѣлѣ изъ состава двора и въ увольненіи изъ состава общества.

5. Предоставленіе отдѣльнымъ домохозяйствамъ права выдѣла полевой надѣльной земли изъ общиннаго землевладѣнія въ участковое, т. е. возстановленіе того права, которое условно давалось крестьянамъ ст. 165 полож. о вык. и отмѣнено закономъ 14 декабря 1893 года, а съ отмѣной круговой поруки можетъ быть дано въ гораздо болѣе широкомъ объемѣ, ибо если каждый отвѣчаетъ только за себя, то и нѣтъ причинъ ограничивать крестьянъ въ правѣ выдѣла. Кто хочетъ хозяйственной самостоятельности, пусть выдѣляется; кто предпочитаетъ оставаться участникомъ общиннаго землевладѣнія — пусть остается имъ. Вотъ и вся реформа. Ника-

кой ломки, никакого насилія, а лишь устраненіе существующаго насилія. Не захотятъ крестьяне выдѣляться — прекрасно! Захотятъ выдѣлить только полевья надѣльныя земли, а выгоны или какія другія угодыя сохранить общими — и то хорошо: Мѣра эта, какъ уже сказано, требуетъ установленія точныхъ основаній для частичнаго разверстанія надѣльной земли при выдѣлѣ отдѣльныхъ участковъ, и при томъ на случаи двоякаго рода: на случаи выдѣла только полевой земли, съ сохраненіемъ участія въ общемъ выгонѣ, лѣсѣ, водоснабженіи и т. п., безъ переноса усадьбы на выдѣленный участокъ, и на случаи полнаго выдѣла съ переносомъ самой усадьбы на выдѣленный участокъ, какъ о томъ говорено въ предыдущей главѣ.

Какъ добровольно сохраняемый участниками его институтъ, общинное землевладѣніе просуществуетъ ровно столько, сколько оно можетъ просуществовать въ силу его собственной жизненности или въ силу соответствія ея съ мѣстными хозяйственными особенностями. Вотъ тогда и познается истина, какъ она есть, въ отношеніи прочности общиннаго землевладѣнія. Прочное останется прочнымъ, а гдѣ земельная община отжила свое время и держится только подпорками, тамъ она упадетъ, когда эти подпорки будутъ сняты.

6. Установленіе законодательнымъ путемъ недѣлимости участковъ, выдѣленныхъ изъ общаго владѣнія, и отчуждаемости ихъ лишь въ полномъ составѣ и только въ руки крестьянъ, не имѣющихъ самостоятельнаго хозяйства ни на собственной землѣ, ни на землѣ общаго владѣнія, при чемъ если выдѣлена только полевая земля, безъ переноса на выдѣленный участокъ усадьбы, то въ отношеніи такихъ участковъ преимущественное право на ихъ покупку можно предоставить односельцамъ, удовлетворяющимъ сказанному требованію о неимѣніи самостоятельнаго хозяйства, подобно тому, какъ это установлено для крестьянъ Царства Польскаго;

и 7. Организація межевой части. Безъ этого, конечно, немыслимо правильное земельное устройство крестьянъ, и снятіе общиннаго хомута въ отношеніи земли останется фиктивнымъ благодѣяніемъ. Организація межевой части и безъ того, впрочемъ, давно уже является настоятельною потребностью всего сельскаго населенія, а не одного лишь крестьянскаго, и нельзя придумать никакихъ оправданій тому, что это важное дѣло не двигается впередъ.

